

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Материалы V Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган – Челябинск, 12–14 октября 2023 г.)

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Курганский государственный университет
Библиотечно-издательский центр
65-48-12

*Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Курганский государственный университет»*

Институт археологии и этнографии СО РАН

*Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

*Российское историческое общество
(Совет отделения в Курганской области)*

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Материалы V Всероссийской (национальной)
научной конференции

Курган – Челябинск, 12–14 октября 2023 года

Курган 2023

УДК 94(57) «13/17» (063)
ББК 63.3 (253.3)4л0
И 90

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы V Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган – Челябинск, 12–14 октября 2023 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. – 88 с.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Г. Х. Самигулов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия);

С. Р. Муратова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права, социально-экономических дисциплин и методик преподавания Тюменского государственного университета (г. Тобольск, Россия).

Настоящее издание представляет сборник докладов участников V Всероссийской (национальной) научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири».

В сборник включены доклады по проблемам источниковедения и историографии сибирской тюрко-татарской государственности, истории Тюменского и Сибирского ханств, а также вопросам вхождения населения Юго-Западной Сибири в состав Русского государства.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири в средние века.

Оргкомитет: Д. Н. Маслюженко (г. Курган, председатель), С. Ф. Татауров (г. Омск), Г. Х. Самигулов (г. Челябинск), И. М. Миргалеев (г. Казань).

ISBN 978-5-4217-0662-5

© Курганский
государственный университет, 2023
© Авторы, 2023

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябина, И. А. Шушарина
г. Курган, Курганский государственный университет

ДИНАСТИЯ ИШИМСКИХ ХАНОВ В «ЛЕТОПИСИ СИБИРСКОЙ» ТОБОЛЬСКОГО ЯМЩИКА И. Л. ЧЕРЕПАНОВА 1760 Г.: ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА И НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ

Аннотация. Домонгольское Ишимское ханство является одной из историографических загадок средневековой сибирской истории. Несмотря на более чем 150 лет ее изучения, единственный источник о его существовании («Летопись Сибирская» И. Л. Черепанова) ни разу не публиковалась, а авторы использовали лишь ее отдельные фрагменты. В статье впервые опубликованы все выдержки из этой летописи, посвященные ишимским ханам и их связи с Тайбугидами, а также разобран вопрос об источниках формирования этих текстов.

Ключевые слова: сибирские летописи, Сибирское ханство, Тайбугиды, Ишимское ханство.

Annotation. The pre-Mongol Ishim Khanate is one of the historiographical riddles of medieval Siberian history. Despite more than 150 years of its study, the only source about its existence (The Chronicle of Siberia by I.L.Cherepanov) has never been published, and the authors used only its individual fragments. The article for the first time published all excerpts from this chronicle devoted to the Ishim Khans and their connection with the Taibugids, and also examined the question of the sources of the formation of these texts.

Keywords: Siberian chronicles, Siberian Khanate, Taibugids, Ishim Khanate.

История сибирской княжеской династии Тайбугидов в последние годы превратилась в один из самых обсуждаемых сюжетов сибирской истории позднего средневековья [8, с.107–150; 10; 12; 14]. Причем происходит это вопреки скудости источников, ведь, по сути, дальше генеалогического перечня идут только две сибирские летописи С. Есипова и С. У. Ремезова, которые, хотя и написаны на основании устных рассказов татар, но сделаны были только спустя 73 года и примерно 140 лет соответственно после окончательного краха Сибирского княжества в 1563 году.

В данной статье мы не будем затрагивать вопросы степени самостоятельности этого политического объединения, а также реальных или мнимых противоречий его лидеров с ханами из династии Шибанидов, о чем уже неоднократно было написано в приведенной выше историографии. Нам гораздо больше интересует иной сюжет – связь исторических Тайбугидов с представителями династии так называемого «Ишимского ханства». Историография по этому вопросу отлично разобрана в статье Е. Ю. Кобловой [7].

По ее мнению, впервые об этом написали два известных сибирских краеведа Н. А. Абрамов в 1858 г. и И. Юшков в 1861 г. «Источником, которым пользовались Н. А. Абрамов, И. Юшков, с большой долей вероятности была поздняя Черепановская летопись, в которой, в отличие от других сибирских летописей, не только говорится о существовании государственного образования на р. Ишим, но и приводятся имена его правителей (с упоминанием родственных связей)» [7, с. 37]. Причем у первого из них взят дословно один фрагмент из летописи [1], а вот второй попытался скомпилировать разнообразную информацию [27, с. 7–10], что привело к созданию авторской версии истории Тайбуги, а также его пред-

ков и потомков, которая довольно далека от текста Черепанова. Полную генеалогию правителей «Ишимского ханства» из рассматриваемой летописи уже в 1883 году привел И. Введенский [3, с.11]. Во многом под его влиянием рассказ об «ишимских» ханах попал в историографию, в том числе был использован Г. Л. Файзрахмановым, который и дал описываемому государственному образованию условное название «Ишимское ханство» [23, с.110–113].

Мы специально обращаем на это внимание, поскольку даже последний автор черпал свою информацию не из самой летописи И. Л. Черепанова, а из ее пересказа в работах XIX века, которые создали локальную историческую традицию. Как это ни странно звучит, но степень доверия к летописи привела к тому, что никто не смотрел, как соответствующий рассказ представлен в изначальном тексте.

Единственное известное нам источниковедческое исследование текста Черепанова было написано А. И. Андреевым в виде отдельной статьи в 1942 г. и частично вошло в состав его монографии, изданной в 1960 г. Он пишет, что летопись была найдена в Тобольске во время экспедиции И. Фалька 1768–1774 гг., использовалась Н. М. Карамзиным при создании «Истории государства Российского» и частично была опубликована Г. И. Спасским в двух номерах «Сибирского вестника» в 1821 и 1823 гг. [2, с.196–197]. Отметим, что опубликованы были только небольшие фрагменты, касающиеся похода Ермака.

Эта информация может быть уточнена на основании записок самого академика И. Фалька, согласно которым он посетил Тобольск в 1772 г. [16, с. III]. Также он пишет: «В Тобольске познакомился я с ученым ямщицким семейством. Ямщик Косма Черепанов зажиточный и умный человек, приобретший по-

знания в науках собственным домислом, особенно искусный резчик и зодчий, имеет хорошие сведения в математике, механике, истории и точных науках, и по всем иным частям есть у него библиотека, состоящая из 400 книг. Брат его Илья Черепанов сочинил «Сибирскую хронологию» в свободное от его промысла время. Сын его самоучкою сделался хорошим живописцем» [16, с. 402–403]. Далее И. Фальк, хотя и ошибся в имени брата, также приводит небольшие фрагменты из его книги, выписки из которой по его поручению были сделаны Христофором Барданесом. Таким образом, перед нами предстаёт еще одна тобольская семья, чрезвычайно схожая с Ремезовыми по своим интересам, что в целом объясняет саму историю создания летописи.

Судя по титульному листу, И. Л. Черепанов закончил свою летопись в 1760 г. При этом, несмотря на данное им название, по своей сути это не столько летопись, сколько, на наш взгляд, один из ранних образцов краеведческого сочинения. Н. Н. Покровский и Е. К. Ромодановская в предисловии к изданию группы Есиповской летописи Сибирских летописей пишут о разбираемом нами тексте, что он «соединяет черты старой сибирской летописной традиции и исторической науки нового времени». Именно как памятник научной литературы нового времени он и не вошел в издание [15, с. 3–4].

У И. Черепанова встречаются обширные выписки не только из известной летописи С. Есипова, который в соответствии с народным, а не церковным вариантом произнесения фамилии назван Осиповым, «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, «Сибирского летописного свода», но и из работ Г. Ф. Миллера, в том числе из опубликованного в 1750 году «Описания Сибирского царства». Выявление всех источников создания текста Черепанова является отдельной работой, но и уже имеющиеся замечания показывают, что тобольский ямщик пытался создать именно историческое исследование. При этом А. И. Андреев указывает, что в некоторых случаях явно имеются дословные заимствования, как, например, произошло со статьёй Г. Ф. Миллера о самоедах [2, с. 187].

Для нас наибольший интерес представляет то, что И. Л. Черепанов, видимо, был последним, кто делал выписки из утраченного труда С. У. Ремезова «Описание о сибирских народах» [2, с. 186–188]. Именно отсюда (автор именовал этот текст «второе описание Ремезова») были заимствованы все уникальные рассказы об ишимских ханах, которые использованы в дальнейшей историографии. А. И. Андреев обращает внимание на то, что «... нельзя сказать, насколько точно Черепанов передавал свой источник... В большинстве случаев он его пересказывает, иногда, кажется, воспроизводит его буквально» [2, с. 187], но при этом собственно «второе описание» относительно татарских сюжетов основано на «татарских историях» [2, с. 188].

Нами была сделана выборка всех фрагментов летописи Черепанова, которые связаны с ишимскими ханами и их наследниками Тайбугидами. По нашему

мнению, без их публикации и понимания возможных источников работы самого тобольского ямщика бессмысленно дальнейшее обсуждение реальности существования Ишимского ханства.

Текст публикуется по списку летописи из коллекции Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, который был сделан в XIX веке, о чем свидетельствуют, во-первых, орудие письма – металлические перья, дающие более тонкую, чем гусиные, линию, в России начинают использоваться с начала 1830-х годов [17, с. 25; 25, с. 540], – во-вторых, графика и орфография, характерные для первой половины XIX века. Но при этом выполнена проверка по оригинальной рукописи, которая хранится в коллекции Московского Публичного и Румянцевского музеев и сейчас хранится в РГБ [19]. Оригинальная рукопись выполнена гусиным пером скорописью, характерной для второй половины XVIII века. Её орфография свидетельствует о том, что писавший не обладал хорошей выучкой и часто воспроизводил на письме народное произношение (Осипов – вм. Есипов, чепь – вм. цепь, присъчено сталоь – вм. пръсечено стало, Саргацкое – вм. Саргатское, возраст – вм. возрост, редкое и часто неверное употребление буквы «ѣ», отсутствие графем «ѳ», «w», «i», «i», «s», которые вставляет в текст более обученный переписчик тобольской рукописи. При этом И. Л. Черепанов старательно воспроизводит грамматические формы аориста (сохрани, умре, облада и др.), встречающиеся, видимо, в компилируемых им источниках, но в середине XVIII века уже не являющиеся живыми. Отмечаются также некоторые расхождения в текстах в написании личных имен и топонимов, что опять же объясняется воспроизведением на письме народно-разговорных особенностей писцов XVIII века. Однако стоит отметить, что по содержанию обе рукописи являются идентичными.

Приведем тексты по рукописи XIX века из ТГИАМЗ [9].

(л. 14) По Ремезову описанію, въ прежде бывшія времена въ Тюмени былъ ханъ Чингизъ, который побѣдилъ Иртышака, хана сына Онова, или Оносова хана Ишимскаго и обладалъ всею страню оною.

По исторіи же Осиповой объявляется былъ Чимги хана Она, который владѣніе имѣлъ на Ишимѣ рѣкѣ, подданикъ, или придворный слуга и бунтовщикъ и вымысломъ Онаго убилъ и царствомъ онаго возобладалъ; отъ убійства же его Чимгисова нѣкто от слугъ хана Она сына его Тайбугу сохрани. По Ремезову егда же Чингизъ пленилъ Иртышака, тогда дворецкій Чингинъ Муратъ Бій Тайбугу царевича Иртышакова сына при себѣ вскормилъ. По Осиповой, когда узналъ Чингизъ, что Тайбуга – сынъ хана Она сохраненъ отъ его убійства и былъ уже въ совершенномъ возрастѣ, тогда Чингизъ собралъ нѣкоторый корпусъ своего воинства и опредѣлилъ того Тайбугу полководцемъ, послалъ на Чудь воевати. Онъ же много народовъ поплѣнилъ и воевалъ по Иртышу и по Турѣ рѣкамъ и ясакъ съ нихъ собралъ. Возвратясь обратно, все Чингису отдалъ, а Чингизъ, въ знакъ своей

благодарности, далъ Тайбугѣ вольность, которой отъ Чингиса просилъ получить Тайбуга себѣ ту милость, взялъ себѣ часть тѣхъ людей, которые съ нимъ въ походѣ были и съ ними дошелъ до рѣки Туры и тамъ построилъ городъ, а въ честь своего благодѣтеля хана Чингиса, назвалъ его Чингидиноу при рѣкѣ Турѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нашъ городъ Тюмень стоитъ. Причемъ татары оное мѣсто Чимги Тура называютъ, а что сіе имя Тура, на татарскомъ и бухарскомъ языкахъ значить городъ или крѣпость: то рѣка Тура, по мнѣнію Миллера, не отъ сей ли старинной крѣпости, которая при той рѣкѣ (л. 15) стояла, оное имя получила. Башкиры тюменскихъ татаръ, а по ихъ и тобольскихъ не инако, какъ туралы называютъ, объявляя тому причину что оныя изъ древнихъ временъ жили въ городахъ и крѣпостяхъ, или, по крайней мѣрѣ на непремѣнныхъ мѣстахъ. По Тайбугѣ въ простыхъ сибирскихъ лѣтописцахъ пишутся князья въ Сибири, наслѣдныи родъ его до Амура¹, а которымъ ниже упомянется. Но какъ казанскій ханъ Упакъ сятя своего Умара коварнымъ образомъ умертвилъ и сыновей его въ полонъ взялъ и увезъ въ Казань, съ того времени городъ Чинги состоялъ подъ казанскимъ владѣніемъ.

Еще старинныя татарскія повѣсти подтверждаютъ, какъ Мунгальской ханъ Чингизъ Бухарию подъ свою власть покорилъ, то царевичъ Касачей Орды, или нынѣ называемыхъ киргизъ-кайсаковъ, именемъ Тайбуза, сынъ Маметъ² хана, просилъ у него себѣ въ владѣніе мѣста, лежащія по рѣкамъ Иртышу, Тоболу, и Ишиму и Турѣ, которыя онъ и получилъ и своимъ потомкамъ въ наслѣдъ оставилъ.

(л. 16) Послѣдую второму описанію Ремезову, егда Тайбуга покасалъ заслуги своей вѣрности хану Чингису и по дарованіи отъ него вольности пошелъ Тайбуга со своимъ родомъ и соорилъ городъ на Липовомъ Яру по просьбѣ жены своей, понеже ей на оной горѣ поглянулось то хорошее мѣсто, и назвали оный городъ Яшимъ Тура, нынѣ тамъ въ близости находятся Бехтерскія юрты. А Чингизъ городъ онъ Тайбуга не строилъ, потому что въ немъ жилище свое имѣлъ Чингизъ ханъ, отъ котораго Тайбуга вольность себѣ получилъ. Сей Тайбуга спознался съ Казанскимъ царемъ. По Тайбугѣ сынъ его Ходжа³ князь въ Яшимѣ писался. По Ходжѣ сынъ его Маръ, при немъ братъ Тайбугинъ Тоболакъ пріѣхалъ съ устья Исети, по его имени Тоболь рѣка названа, и отдѣлился отъ Мара, соорилъ себѣ городъ на Долгомъ Яру и назвалъ его Тоболь Тура съ крѣпостями; называется то мѣсто такъ и доннынѣ. Братъ же Тоболака Салтысаранъ бѣжалъ вверхъ по Тоболу отъ Чингиса хана / для того, что онъ завоевалъ многихъ и сильныхъ владѣльцовъ /. Согласясь онъ съ Казанскимъ ханомъ сасѣлъ на островъ великаго осера и соорилъ тамъ городъ и (л. 17) назвалъ его своимъ именемъ Салтысаранъ. Таковой бо крѣпости ни во всей Сибири не находится, потому что между осера, которое на

подобіе дуги обогнулось, вокругъ считается пятнадцать верстъ, а осеру поперегъ его мѣры верстъ семь. Нынѣ находится сіе мѣсто подъ селидьбою Салтысаранской слободы. Въ Яшимѣ же городъ Маръ свою власть имѣлъ у Казанскаго хана Упачи, или Упака дочь, иные пишутъ сестру, взялъ онъ себѣ въ жену. Отселъ историки въ сихъ мѣстахъ разногласно описываютъ. По Ремезову тестя своего Упака Маръ убилъ и обладалъ Казанью много лѣтъ; по Осипову же Казанскій ханъ Упакъ на зятя своего Мара и на городъ его напалъ войною и коврамымъ образомъ его умертвилъ, а двухъ его сыновей Обдера и Абалака, взявши въ полонъ, увезъ съ собою въ Казань въ аманаты, тамъ они и жизнь свою скончали. Съ того времени были города сибирскіе владѣніемъ Казанскихъ хановъ. Буде Ремезову можно послѣдовать, егда Маръ обладалъ Казанью много лѣтъ, по Марѣ же въ Яшимѣ городъ дѣти его Адаръ и Абалакъ умерли собою. По нихъ Адеровъ сынъ Синбиръ отъ Казани многихъ мурзъ и людей и чувашей и дѣдовскихъ и у Опочи⁴ хана жену и дочь въ Сибирь съ богатствомъ привезъ и свой градъ расбилъ, храбрость свою покасалъ, самъ пошелъ во внутреннюю семлю Туралинскую и соорилъ городъ надъ Иртышемъ, на великомъ холму Алафейскихъ горъ и своимъ именемъ просвалъ Сибирь Тура и въ немъ свою резиденцію утвердилъ.

(л. 27)

О древнихъ приключеніяхъ въ сихъ мѣстахъ, бывшихъ по разнымъ исторіямъ.

По Ремезову описанію о началѣ въ Сибирской странѣ и начальство ихъ хановъ производится отъ Персовъ и Вавилона, по Татарскимъ лѣтописцамъ – отъ расчѣянна языка и отъ столпотворенія, что будетъ объявлено въ своемъ мѣстѣ. Родъ производятъ отъ Красноярскихъ хановъ, которые были въ Сибири владѣльцами еще до Кучума хана. Какъ распространился на Красномъ Яру владѣніе четвертаго хана Юваша сынъ Ишимъ былъ, по его имени рѣка Ишимъ прозвана. Когда Ювашъ провѣда близъ себя людей живущихъ, началъ оружіе дѣлать и воинство собирать, народы его не пожелали воевать межъ собою, разошлись во вся страны. Съ того времени на Ишимѣ поселеніе ихъ началось. На Красномъ же Яру послѣ былъ ханъ Юракъ, у него два сына Мунчакъ и Онсонъ⁵. Мунчакъ остался наслѣдникомъ на Красномъ Яру, а Онсонъ⁶, за несогласіемъ съ тѣмъ своимъ братомъ, отошелъ отъ него, а Мунчакъ гналъ его далѣе изъ предѣловъ своихъ; онъ же, бѣжавши даже до рѣки Ишима и тамъ нашелъ людей природы своей, которые его приняли и за хана почитать стали. Онъ во оныхъ странахъ весьма сталъ быть славенъ и такъ былъ жестокъ, что съ тѣхъ сродниковъ своихъ бралъ ясакъ неволею, тако жъ и во многія орды свои торги посылалъ. По немъ – Иртышакъ, сынъ, ханъ. При немъ было послано провѣдывать вершины рѣки Иртыша, понеже по его имени Иртышъ названъ, и вершины найти не могли и для того думали, что Иртышъ

1 РГБ: до Умара

2 РГБ: Мамыкъ

3 РГБ: Ходша

4 РГБ: и Упочи

5 РГБ: Онсонъ

6 РГБ: Онсонъ

без конца течет, такъ будетъ его царство бесконечное. Онъ Иртышакъ царствовалъ долгое время, притомъ имѣлъ у себя много женъ, отъ которыхъ детей у него умножилось, которыя по разнымъ улусамъ жили. Его Иртышака воевалъ Тюменский ханъ Чингизъ, его побѣдилъ и подданика себѣ учинилъ. Послѣ Иртышака убѣжалъ отъ Чингиса хана Тюменскаго Саргачинъ ханъ – сынъ того жъ Иртышака и на устьѣ Ишима своихъ онъ опять собралъ и жилъ много лѣтъ. Ишимскіе татары и поныне его именемъ словутъ саргачики, а Тайбугу, сына Иртышакова жъ дворецкій Чингисовъ Муратъ бей, какъ за малымъ ево возрастомъ при себѣ содержалъ и вскормилъ – о томъ прежде уже упомянуто. По Осипову описанію и прочихъ историковъ о той же матери оказывается, (л. 28) инако, по которымъ послѣдуетъ Миллеръ. При рѣкѣ Ишимѣ жилъ изъ давнихъ лѣтъ Татарскій владѣлецъ, или ханъ, именемъ онъ¹ Нагайской породы, у котораго не токмо живущіе при Иртышѣ, Тоболѣ и Турѣ татары, но и многіе сосѣдніе вогуличи и остяки въ подданствѣ были. Противъ его воссталъ нѣкоторый бунтовщикъ именемъ Чимги, который, по изверженіи своего государя и по убіеніи его, имѣлъ счастье себѣ получить и обладать всѣми. Оставшия послѣ сего убіеннаго владельца сынъ его малолѣтний именемъ Тайбуга ходилъ подъ скрытіемъ, или въ побѣгахъ жилъ. Но какъ скоро про Тайбугу уведовавъ Чимги то послалъ по него со обнадеживаніемъ о своей милости и присрѣнни, дабы явился при дворѣ его. Тайбуга, по его просьбѣ къ нему явился и послѣ усмотрѣлъ, что не напрасно тому повѣрилъ, ибо Чимги содержалъ его въ особой милости, наградивъ его довольнымъ удѣломъ и поручилъ ему команду надъ некоторою частию войска для показанія услугъ отечеству. Потомъ ходилъ Тайбуга въ разные походы противъ живущихъ остяковъ по Оби рѣкѣ и дань на нихъ наложилъ. На послѣдокъ просилъ у Чимги милости, чтобы имѣть особой дворъ, на что получивши позволеніе, выбралъ себѣ мѣсто при рѣкѣ Турѣ. Нынѣ стоитъ городъ Тюмень. О семъ прежде писано.

По первому описанію Ремесову, что сперва при рѣкѣ Ишимѣ владѣтелемъ былъ Онсонъ², который на устьѣ сей рѣки на Красномъ Яру, что татары насываютъ Казылъ Яръ, имѣлъ свой столичный городъ, тремя валами окруженный, который, по имени того мѣста Казылъ Тура назывался. Наслѣдникомъ его былъ Иртышакъ. Сего тюменский ханъ Чинги побѣдилъ. По немъ владѣніе принялъ на Ишимѣ Саргачикъ. О семъ господинъ Миллеръ примѣчаетъ: Близъ рѣки Иртыша, по Ишиму, такого мѣста не находится и слѣдовъ стариннаго города не видать, развѣ вверхъ по Ишиму, гдѣ нынѣ находится Ишимскій острогъ, для лежащихъ кругомъ низкихъ и болотистыхъ мѣстъ тогда насывалось Краснымъ Яромъ, или далѣе по Ишиму вверхъ, потому что при слободѣ, насываемой Орлово Городище, стоящей у рѣки Ишима, весьма ясныя слѣды и остатки стариннаго города видны. А что ка-

сается до Иртышака, также и до произошедшаго отъ него имени рѣки Иртыша, ни къ подтверженію, ни къ опроверженію привести не можетъ. По второму Ремесову описанію, по Марѣ въ Яшимъ городъ, при рѣкѣ Тоболѣ, Маровы дѣти Адеръ и Абалакъ умерли спокойно. По нимъ Адеровъ сынъ Синбиръ отъ Казани многихъ мурзъ, и людей, и (л. 29) чувашей, и Упачи хана казанскаго дочь въ жену себѣ всялъ, въ Туралы с богатствомъ привезъ и свой городъ Яшимъ раззорилъ, храбрость свою показалъ и пошелъ оттуда во внутреннюю землю Туралинскую и поставилъ городъ надъ Иртышемъ, на великомъ холму, и назвалъ его своимъ именемъ Сибирь-Тура, назначилъ его быть главнымъ городомъ и въ немъ столицу свою учредилъ и отъ того получилъ себѣ званіе великое Ханъ и во всѣхъ окрестныхъ сосѣдственныхъ народахъ. Сталъ быть славенъ, силенъ и богатъ. И отъ того случаю вся страна Туралинская имя то себѣ Сибирь, Чувашемъ же построидъ городъ Чувашъ, что нынѣ просто насывается Оной Мысь Подчуваши, близъ города Тобольска находится. И такъ жилъ Сибирь-ханъ лѣта довольна и умре. По немъ же и донынѣ дорога въ Казань – дорога Казанская въ Сибирь, понеже онъ ясакъ бралъ съ казанцевъ. И темъ же Синбиромъ ханомъ Саргатское³ царство на Ишимѣ войною взято и въ подданство ему покороено было и всеконечно племя Саргачиновъ пресѣчено стало⁴. По немъ Маметъ Ханъ Сибировъ сынъ Казанскаго хана Алима, который хотѣлъ изъ подъ ига свободнымъ быть, войною побѣдилъ и наипаче болѣе подданнымъ учинилъ и отголѣ нача Сибирь славнѣе зватися. Ханы ихъ были въ Сибири по Маметѣ – Ангишъ, или Ачикъ, Абалаковъ сынъ, по Ангишѣ сынъ его Касей, по немъ Маметовъ сынъ Касимъ. Онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей Етыгера и Бекбулата, которые оба въ одно время княжескимъ престоломъ своихъ предковъ владѣли. Князь Етыгеръ⁵ подать уже Россійскому государству платилъ.

При сихъ вышеписанныхъ князьяхъ многія воздушныя явленія были. Настоящее паденіе Татарскаго царства въ Сибири предвосвѣщало, а именно: надъ онымъ мѣстомъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Тобольскъ, на воздухѣ Христіанскій городъ съ церквами и колокольнями, причемъ слышали они звонъ колокольный. По нихъ Бекбулатовъ сынъ Сейдякъ ханъ и Сенбахта, сынъ Махметовъ, были ханами. Во время же Сенбахты видено было однимъ лѣтомъ: вода въ рѣкѣ Иртышѣ стала кровавая и земля, купно съ растущою на ней травою показалась имъ въ крови, а потомъ почернела; высокій мысъ, гдѣ нынѣ городъ Тобольскъ, выкидывалъ изъ себя солотыя и серебряныя искры, а тогда упомянутой мысъ Алтынъ Аргинакъ насывался. Во время владенія хана Саускана, видны были на небѣ огненные столбы, которые до самой земли простирались. И все вышеписанное сасвѣдѣтельствовали татарскій мурза, именемъ Девлетбай, который жилъ на Паньинѣ бугрѣ, противъ Тобольска, въ городкѣ, называемомъ Бицинь-Тура.

3 РГБ: Саргатское

4 РГБ: присѣчено стало

5 РГБ: Едыгеръ

1 В обеих рукописях написано со строчной буквы.

2 РГБ: Онсонъ

(л. 63) Оттуда пошел Ермак далѣ въ Шамшу, въ Рянчикъ, въ Залу и въ Каурдакъ – при рѣкѣ Иртышъ находятся. При Залѣ опять было небольшое сраженіе, а въ Каурдакъ, гдѣ въ послѣдующія времена, для безопасности татаръ отъ Калмыцкихъ, Киргызскихъ и казацкихъ набѣговъ острогъ построенъ былъ. Потомъ наѣхали они на нѣкотораго татарскаго старосту, или начальника, котораго предки древними ишимскими ханами, а особливо сомнительнымъ Саргачиновымъ, въ Ремезовомъ лѣтописцѣ упоминается, судьями надъ всѣми татарами сихъ странъ поставлены были. Сей, надѣясь на свою силу, приготовился было къ сопротивленію, однако жъ онъ скоро приведенъ былъ къ послушанію. По порядку пути явственно есть, что сіе было въ деревнѣ Саургащъ ауль, въ Саргацкой волости находится.

Потомъ былъ на дорогѣ городъ Тебенда, по татарски Тювенда, что нынѣ Тебендинской острогъ, гдѣ князецъ Елигай отъ поколенія Ишимскаго хана Сагачина, имѣлъ свое жилище. Войска у него было немного. И понеже онъ слышалъ, что Ермакъ тѣмъ, которые ему добровольно покоряются, не чинилъ никакого оскорбленія, то онъ безъ сопротивленія Ермаку принесъ ясакъ и подарки. Онъ привелъ было и дочь свою дѣвицу прекрасную, которую ханъ Кучумъ доступалъ въ жену за своего сына, но почтенія сего Ермакъ не принялъ и во всемъ своемъ войскѣ запретилъ, чтобъ никто до нее не касался.

(л. 164) Какъ первый и главнейшій народъ въ Сибири татара, которое живутъ въ полуденныхъ странахъ около рѣкъ Тобола, Иртыша, Оби, Томи и Енисея, в лежащихъ сихъ степяхъ между помянутыми рѣками, и въ татарскихъ исторіяхъ начало происхожденія столь древнихъ временъ произведено, что изъ европейскихъ народовъ ни которой тѣмъ похвалиться не можетъ, потому что Красноярскаго уѣзда татара, небольшое поколеніе, называются соха. Они произшествіе свое и во всей Сибири имѣющихся татаръ, начало ихъ роду и званіе имени ихъ полагаютъ отъ большаго владѣльца своего, который назвался Татаръ-ханъ и который производилъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ Афета, Ноева сына.

Къ тому еще взята извѣстіе отъ втораго Ремезова описанія которое бы можно положить отъ самыхъ тѣхъ временъ, какъ на Вселенной смещенія языковъ и разсѣяніе людей было, не только родословія ихъ хановъ къ такому времени будетъ мало.

Ссылается Ремезовъ на древнія татарскія исторіи и пишетъ онъ, что тѣ татарскія исторіи возвѣщаютъ о великомъ ханѣ Татарѣ, иже первый обрѣтается въ Сибири спящей съ женою на великомъ холму, еже нынѣ называютъ Красный Яръ, гдѣ потомъ построенъ городъ Красноярскъ. Но какъ онъ отъ сна пробудился въ немаломъ смущеніи и удивленіи съ женою своею былъ: въ то время пришелъ къ нему молодой человекъ и расказалъ ему о будущемъ добромъ пути житьѣ, да при томъ показывалъ, какъ свѣрей и рыбу ловить, а о родственникахъ своихъ всегда чрезъ сонъ свой имѣлъ увѣдомленіе. Родилось же отъ него сыновъ и дочерей и отъ нихъ дѣтей умно-

жилось до двухъ сотъ, тогда умре: По немъ сынъ его Кызылтинъ царствовалъ, при немъ родилось 170 человекъ и умеръ; по немъ братъ его Девлетъ и царствовалъ дотоль, что при немъ родилось 230 человекъ, умре; по семъ сынъ Кызылтиновъ Ювашъ, при немъ родилось 100 человекъ Той Ювашъ провѣдалъ въ близости своихъ жилищъ нѣкоторый родъ людей и на нихъ сталъ вооружаться и изготовляти оружіе и пращи, а военныхъ людей собралъ до 300 человекъ, но они воевать не пожелали и его не послушались, но разошлись по разнымъ сто (л. 165) ронамъ всея Сибири, а съ Ювашемъ на холму осталось только шесть семей и склонныхъ къ нему двое. Однако жъ его царемъ почитали и по семъ родилось 20 человекъ и умре. По немъ считаютъ десять хановъ до Чингисъ хана Тюменскаго, бывшихъ одинъ послѣ другаго, а именно: Ювашевъ сынъ Ишимъ, по немъ Ишимовъ сынъ Маметъ, Маметовъ сынъ Куташъ, по Куташѣ сынъ его Аллагуль, по немъ сынъ его Кузей, по немъ Ишимовъ братъ Аюгашевъ меньшій сынъ Ебаргуль, по немъ сынъ его Бахмуръ. При немъ было у нихъ воздушное видѣніе. Они видѣли на воздухѣ каменный городъ и въ немъ крылатыхъ воиновъ вооруженныхъ копіями и саблями и готовящихся къ сраженію и отъ того видѣнія они научились дѣлать копія и сабли и прочія воинскія потребности, и умножилось ихъ болѣе прежняго. По Бахмутѣ – Яхшиметъ ханъ; сей послѣ владѣтелемъ былъ въ Отузехъ, на рѣкѣ Тарѣ. По немъ – Юракъ Ханъ, Бахмуровъ сынъ; сей началъ по близости находящіяся улусы подъ свою власть покарять и дань на нихъ накладывать; за которую бралъ онъ всякимъ свѣремъ, съестными припасы, сухими мясами и рыбами. Потомъ сынъ его Мунчакъ былъ ханомъ. Тотъ имѣлъ у себя 20 женъ и отъ тѣхъ женъ было у него дѣтей мужскаго и женскаго полу пятьдесятъ человекъ. По немъ сынъ его Юзякъ, котораго онъ весьма изо всѣхъ дѣтей любилъ и сей Юзякъ всѣхъ своихъ предковъ долѣ жилъ, а братья его, по смерти отца своего, съ матерями своими, разошлись по разнымъ улусамъ со своими родственниками; и при немъ же во всѣхъ улусахъ начали пахать хлѣбъ и сѣяли овесъ, полбу и ячмень, что перешло къ нимъ отъ Казачьей орды, притомъ же приняли и законъ Махометанскій и грамотѣ обучились. До сего времени всѣ роды свои – Чудь слыла, а отъ сего времени стали называться бусурманы.

По смерти Юзяка, или Юрака, осталось два сына Мунчакъ и Онсонъ.¹ Мунчакъ остался на Красномъ Яру, а Онсонъ², утесняемъ отъ своего брата, отошелъ со своими улусными до рѣки Иртыша и тамъ усилился: сталъ сильнымъ и богатымъ ханомъ, отъ котораго всѣ сибирскіе лѣтописцы начинаютъ свои исторіи и ханскія родословія, о чемъ въ своемъ мѣстѣ уже положено.

Такимъ образомъ, в летописи нетъ единого рассказа об ишимских ханах, а имеется четыре крупных фрагмента, в которых приводится информация о них, причем некоторые сюжеты могут повторяться, дополнять друг друга или, напротив, противоречить. Это

1 РГБ: Онсомъ

2 РГБ: Онсомъ

легко объясняется, если мы сравним текст Черепанова с использованными им источниками.

Первый фрагмент на л. 14–15 является почти дословной компиляцией летописей Ремезова [20, с. 318] и Есипова [15, с. 46], а также сочинения Г. Ф. Миллера [13, с. 33, 35–37]. Уникален здесь только рассказ Ремезова о том, что дворецкий самого Чингиса, причем с указанием его имени Мурат-бий, сохранил при себе сына Иртышака, а не Онсома, Тайбугу. При этом еще Л. И. Андреев обратил внимание на то, что в Сибирской истории Ремезова фигура Тайбуги вообще не встречается [2, с. 186]. В связи с этим возникает вопрос, который еще не ставился в историографии: мог ли в своем «втором описании» Семен Ульянович заимствовать сюжет о Тайбуге не только из татарских рассказов, но и из самой летописи С. Есипова?

Второй фрагмент на л. 16–17 отчасти также является компиляцией летописи С. Есипова [15, с. 46–47] и С. У. Ремезова [20, с. 319–320]. Но значительная его часть явно повторяет именно «второе описание». При этом особо обращают на себя внимание несколько значимых оговорок. Во-первых, Тайбуга здесь вообще не является строителем Чинги-туры, которая была построена самим Чингиз-ханом. Во-вторых, Тайбуга не только сам «спознался с казанским царем», но и построил иной город с названием Яшим-тура, рядом с которым при Ремезове были Бехтерские юрты, то есть это примерно район впадения Тавды в Тобол, а не Приишимье. В-третьих, здесь были введены два брата Тайбуги Тоболак и Салтысаран (обратим внимание на саму мифологичность сюжета о трех братьях).

На их фигурах необходимо остановиться отдельно. Тоболак считался не только основателем Тоболтуры, но и правителем в честь которого была названа река Тобол. Салтасаран же по соглашению с казанским царем и после бегства от Чингиз-хана построил крепость на одноименном озере. По всей видимости, речь идет о современном Салтосарайском озере на границе Белозерского и Каргапольского районов Курганской области, где проводили безуспешные разведки по поиску этой крепости [26], в существовании которой сомневался и сам Черепанов. Интересно, что еще во второй половине XIX века Руф Игнатьев при описании археологических памятников Иковской волости (сейчас Белозерский район) зафиксировал легенду о принадлежности одного из курганов некоему татарском хану из числа потомков Тоболака [4, с. 43]. В этом же районе в 1982 году В. П. Федорова записала легенду, рассказанную М. Д. Зуевой (1904 г. р.), о том, что здесь жили три татарских князя-брата: Салтысарек, Першик, Нияп – и зять Першика Тебеняк. Во время войны с ордынцами все они были убиты, и в честь них названы местные озера (Салтысарек), курганы (Першик) и реки (Нияп и Тебеняк) [24, с. 231–232]. Эти легенды сближают не только общие фигуры (Тоболак и Салтысаран) или в целом образ трех братьев, но и то, что происходят они из русской старожильческой среды и используются для объяснения местных этимологий.

Еще один момент во втором фрагменте связан с разногласием между Ремезовым и Есиповым относительно взаимоотношений князя Мара, внука Тайбуги, и казанского царя Уака (обычно интерпретируемого как тюменский хан Ибак). Приводится ремезовская легенда об убийстве Маром Уака и владении первым Казанью, что противоречит более раннему есиповскому рассказу о том, что именно Уак владел Казанью. Не менее интересно, что известный рассказ Ремезова [20, с. 319–320] о поездке Кучума в Казань и свадьбе там с дочерью царя Мурата (просто удивительное совпадение имени с Мурат-бием) у Черепанова оказался переделан под историю внука Мара Симбира, который привез из Казани жену и дочь Уака, а также чувашей, что совпадает в двух рассказах. Причем и название Сибирь-тура «во внутренней земле Туралинской» связано с именем ее основателя Симбира.

Таким образом, во втором фрагменте мы видим и явные заимствования из разных источников, в том числе, возможно, фрагменты «татарских легенд» русских первопоселенцев по Тоболу, с которыми мог общаться сам Ремезов во время двух своих поездок, и уникальные рассказы Ремезова, в рамках которых потомки Тайбуги не только не связаны с Чинги-турой, но и увязываются с Казанью. Их приезд в Сибирь очень схож с известной легендой об Алим-беке [5, с. 129–130]. Наконец обращает на себя внимание и то, что именно с казанским царем Уаком увязывается переход сибирских городов во владение казанских ханов [22]. Все эти «казанские легенды» на самом деле могут говорить и о наличии у кого-то из летописцев казанских татарских информаторов. Кроме того, путаница в пересказе «Истории Сибирской» Ремезова может быть обусловлена и тем, что сам Черепанов не до конца понимал своего предшественника.

Только в третьем фрагменте (л. 27–29) мы впервые сталкиваемся с наименованием «Красноярские ханы, которые были владельцами Сибири до Кучума». Рассказ сразу начинается с четвертого хана Юваша и его сына Ишима, в честь которого была названа река. После него правителем был Юрак и затем его дети Мунчак и Онсон. В результате Он был вынужден уйти на Ишим, где после него правили его сын Иртышак и внук Саргачик, причем с именем первого связано название реки Иртыш, а со вторым – крупной группы саргатских татар. Мы специально обращаем на это внимание, поскольку складывается такое впечатление, что значительное число имен местных правителей имеет только этимологическое значение. После Иртышака рассказ схож с имеющимися в первом и втором фрагментах относительно Тайбуги и его потомков, а также имеет значительные заимствования из работ С. Есипова [15, с. 47], С. У. Ремезова [20, с. 318–319], Г. Ф. Миллера [13, с. 30–32, 39]. Единственный уникальный момент здесь связан с тем, что ранее описанный Синбир не только основал новый город и получил звание Великого хана, но и «свой город» Яшим разорил, а также брал ясак с казанцев и разгромил Саргатское царство на Ишима. Его сын Мамет победил сына казанского хана Алима,

который «хотел из-под ига свободным быть». Таким образом, в этом фрагменте из Черепанова обращается внимание не на зависимость Сибири от Казани, а, напротив, на власть сибирских правителей над казанскими территориями, что вполне вписывается в имеющиеся у нас известия иных источников о власти шибанидских ханов первой половины XV века над Булгарской землей [6].

Относительно титулатуры последующих Тайбугидов Черепановская летопись весьма непоследовательна. Так, Етыгера (Едигера) именуют то царем, то князем. Характерно, что практически во всех летописях и Едигер, и Бекбулат названы сибирскими князьями, и только в некоторых редакциях Есиповской и Ремезовской летописей они упоминаются как Сибирские цари: «сын прежняго царя Сибирскаго сын», «побив царя и князи Етигера и Бекбулата» [20, с. 112, 319]. Это можно рассматривать, с одной стороны, как ошибку переписчика, так как летописи создавались гораздо позднее описываемых событий, а сибирские беки называются далее или ранее этих упоминаний просто князьями. С другой стороны, можно предположить, что тем самым делается попытка обосновать законность последующих притязаний Сейдяка, которого некоторые исследователи также именуют царем (Сеид-хан) [21, с. 208–209]. В целом накапливающийся разнобой в более поздних источниках свидетельствует в пользу и компиляций с предшествующих источников, и явной индифферентности авторов к этому вопросу по мере удаления от реальных исторических событий.

Между третьим и четвертым фрагментом есть две вставки (л. 63), заимствованные из труда С. У. Ремезова [20, с. 341–342], где в Каурдаке, Саргаче и Тебенде описываются местный староста и князец, который были из числа потомков ишимских (саргацких) ханов. С одной стороны, мы видим явную тенденцию увязывания всех местных правителей именно с ишимской ханской династией, с другой стороны, сохранение в числе региональных правителей какого-то процента представителей домонгольской аристократии, в принципе, вполне возможно и хорошо известно по иным территориям, вошедшим в состав Монгольской империи.

Наконец, четвертый фрагмент (л. 164–165) впервые раскрывает приведенную во «втором описании Ремезова» на основании некоей «древней татарской истории» полную генеалогию «красноярской» династии, происходящей от великого хана Татара и насчитывающей десять поколений правителей с ханскими титулами до Чингиса Тюменского. В конце этот рассказ выходит на историю Мунчака и Онсона из третьего фрагмента. Особенно интересно упоминание о том, что земледелие было заимствовано еще до конфликта с Чингисом из «Казачьей орды» в ханствование отца выше приведенных правителей, хотя мы и понимаем, что здесь явно нарушена сама хронология появления этой орды. В это же время был принят «закон Махометанский», в результате чего местные роды перестали быть чудью и стали бусурманами,

что опять же свидетельствует в пользу не столько этнического, сколько социального или культурно-религиозного понимания некоторые терминов [18]. При этом датировка этого события сближается с датой исламизации из Катановской рукописи, против которой уже высказывались исследователи [11, с. 140]. Обратим внимание и на то, что в этом фрагменте вообще не указывается Тайбуга и его потомки. Связь ишимских правителей с Тайбугидами можно реконструировать только в процессе соотнесения этого фрагмента с иными рассказами из летописи Черепанова, причем и в этом случае Тайбуга оказывается не сыном Онсона, а Иртышака, потомка Мунчака, а правит он не на Ишиме, а на Тоболе.

Таким образом, мы видим, что в летописи Черепанова нет единой истории ханов, которых именуют красноярскими, ишимскими или саргатскими. Она составляется из разных заимствований, среди которых явно выделяются уникальные рассказы из «второго описания Ремезова». Проблема заключается в том, как трактовать эту историю, поскольку в ней чрезвычайно много компонентов, в том числе явно этимологических легенд и мифологических рассказов именно о трех братьях, которые были записаны, скорее, со слов русских старожилов Сибири. При этом чрезвычайно смущает то, что местные информаторы, несмотря на огромное число подробностей об ишимских ханах, которые, за исключением Онсона, неизвестны в иных источниках, из Чингизидов знают только основателя династии и Кучума. Как уже было указано выше, не до конца понятна здесь и родственная связь Тайбугидов с предшествующими правителями. Кроме того, обращает на себя внимание довольно своеобразная трактовка сибирско-казанских отношений. Очевидно, что текст летописи Черепанова очень важен для понимания специфики осмысления самими сибиряками предшествующей истории, а также вводит в оборот некоторые довольно своеобразные трактовки событий. Вся проблема в том, является ли весь этот рассказ или его фрагменты историческим фактом или лишь фактоидом, то есть недостоверным или ложным утверждением, которое облекается в форму достоверного и выдается за достоверное. И, если мы считаем, что это факт, то в таком случае необходимо брать за основу исследования не только рассказ из четвертого фрагмента, но и понимать его место внутри летописи и соотношение с иными рассказами, объясняя то, почему мы считаем достоверным историю домонгольской ишимской правящей династии, но не рассматриваем иные летописные элементы в качестве таковых.

Библиографический список

1. *Абрамов Н. Город Тюмень / Н. Абрамов // Тобольские губернские ведомости. – 1858. – № 50. Отдел II. Часть неофициальная. – С. 712–715.*
2. *Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири / А. И. Андреев. – Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1960. – Вып. 1. XVII век. – 280 с.*
3. *Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком / И. Введенский // Тобольские губернские*

- ведомости. – 1883. – № 3. Часть неофициальная. – С.2–5.
- 4 Игнатъев Р. Г. Памятники древностей в Курганском округе, Тобольской губернии // Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М. И. Роднов. – Уфа, 2011. – Т. V: 1873–1875 годы. – С. 26–45.
- 5 Исхаков Д. М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. / Д. М. Исхаков // Тюркские народы : материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск-Омск : ОмГУ, 2002. – С. 173–181.
- 6 Исхаков Д. М. О Шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи / Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских // Золотоордынское обозрение. – 2013. – № 2. – С.128–145.
- 7 Коблова Е. Ю. Ишимское ханство в источниках и историографии / Е. Ю. Коблова // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань : Издательство «Ихлас», 2010. – Вып. 2. – С.36–40.
- 8 Кузембайулы А. Сибирский Улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти / А. Кузембайулы, Е. Абиль, Т. Алибек. – Костанай : Региональный университет имени А. Байтурсынова, 2022. – 256 с.
- 9 Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ТГИАМЗ. – № 12137.
- 10 Маслюженко Д. Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии / Д. Н. Маслюженко // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань : Ихлас, 2010. – Вып.2. – С. 9–21.
- 11 Маслюженко Д. Н. Процесс исламизации населения Западной Сибири в XIII–XVI вв. / Д. Н. Маслюженко // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7, № 1. – С.131–158.
- 12 Маслюженко Д. Н. Шибаниды и Тайбугиды в 1563 года: значение в истории и историографии Сибирского ханства / Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябинина // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии : материалы международной научно-практической конференции. – Москва : ООО «Издательский дом “Медина”», 2017. – С. 457–468.
- 13 Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена / Г. Ф. Миллер. – Москва : Либерея, 1998. – Кн.1. – 416 с.
- 14 Парунин А. В. Тайбугиды: от клана к княжеской династии / А. В. Парунин // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань : Ихлас, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – Вып. 3. – С. 94–111.
- 15 Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. – Москва : Наука, 1987. – 383 с.
- 16 Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению ея Президента. Т.6. Записки путешествия академика Фалька. – Санкт-Петербург : при императорской Академии наук, 1824. – X+446 с.
- 17 Рейсер С. А. Палеогеография и текстология нового времени / С. А. Рейсер. – Москва : Просвещение, 1970. – 336 с.
- 18 Самигулов Г. Х. Понятие «Иштэк»/«Остяк» как социум (Урал и зауральские уезды конца XVI–XVII вв.) / Г. Х. Самигулов, Д. Н. Маслюженко // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 45–60.
- 19 Сибирская летопись Ивана Леонтьевича Черепанова [Рукопись]. – [Б. м.], третья четверть XVIII в. – 510 л.; 1° (32,7 x 19,7) см. // Российская государственная библиотека. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010655313> (дата обращения: 19.06.2023).
- 20 Сибирские летописи. Издание Имперской Археографической комиссии. – Санкт-Петербург : типография И. Н. Скороходова, 1907. – 462 с.
- 21 Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р. Г. Скрынников. – Новосибирск : Издательство «Наука» Сибирское отделение, 1982. – 254 с.
- 22 Трепавлов В. В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта / В. В. Трепавлов // Сулеймановские чтения : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень : СИТИ ПРЕСС, 2007. – С. 101–102.
- 23 Файзрахманов Г. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века / Г. Файзрахманов. – Казань : Татарское книжное издательство, 2007. – 431 с.
- 24 Федорова В. П. Народная культура в Зауралье: сказочная проза / В. П. Федорова. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. – 342 с.
- 25 Черепнин Л. В. Русская палеогеография : учебное пособие для высших учебных заведений / Л. В. Черепнин. – Москва : Гос. изд-во политической лит., 1954. – 616 с.
- 26 Шилов С. Н. К вопросу о местонахождении Салтысаранской крепости эпохи позднего средневековья / С. Н. Шилов // Земля Курганская: прошлое и настоящее. – Курган, 1994. – Вып. 8. – С. 80–82.
- 27 Юшков И. Сибирские татары (оттиск из Тобольских губернских ведомостей, 1861, № 35–45) / И. Юшков. – Тобольск, б.г. – 122 с.

СВЕДЕНИЯ О ЧИНГИЗИДАХ В КАЗАНСКОМ «ОГУЗ-НАМЕ»

Аннотация. В статье приводятся сведения о Чингизидах из оригинальной рукописи «Огуз-наме», хранящейся в архиве «Мирасхане» ИЯЛИ АН РТ. В казанском «Огуз-наме», происходящем из севера Афганистана, созданном в конце XVIII века и написанном на тюркском языке неизвестным автором, рассказывается не только древняя история тюрков и история легендарного Огуз-хана, но и даются сведения о средневековых тюрках, в том числе история Чингиз-хана и его сыновей, правителей Золотой Орды (Батый, Узбек, Джанибек и Бердибек ханы). Отдельно дается информация о среднеазиатских джучидах, правителях так называемых узбекских ханств Мавераннахра и родословие их предков, начиная от Шибана, сына Джучи, заканчивая Абулхайр-ханом и Мухаммед Шибани-ханом. Дается достаточно подробная информация о правлении шибанидов в Средней Азии. Также автор приводит историю Аштарханидов, начиная от их правления в Астраханском ханстве и заканчивая их правлением в Средней Азии.

Источник введен в научный оборот турецкими исследователями, российским исследователям этот труд пока малоизвестен. Анализ сведений казанского «Огуз-наме» показывает, что источником информации для его автора были книги по истории тюрков, которые он называет «Огуз-наме», а информацию о Джучидах автор взял у Абулгази. Сведения казанского «Огуз-наме» требуют дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Огуз-наме, Чингизиды, Шибаниды, Аштарханиды, Джучи, Джанибек, Средняя Азия.

Annotation. The article provides information about the Chingizids from the original manuscript "Oguz-name", stored in the archive "Miraskhan" of the Institute of Literature of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. The Kazan "Oguz-name", originating from the north of Afghanistan, created at the end of the 18th century and written in the Turkic language by an unknown author, provides not only the ancient history of the Turks and the history of the legendary Oguz Khan, but also information about the medieval Turks, including the history of Genghis Khan and his sons, about the rulers of the Golden Horde (Batu, Uzbek, Dzhanipek and Berdibek khans). Separately, information is given about the Central Asian Jochids, the rulers of the so-called Uzbek khanates of Maverannahr and the genealogy of their ancestors, starting from Shiban, the son of Jochi, ending with Abulkhaiyr Khan and Muhammad Shibani Khan. Sufficiently detailed information is given about the rule of the Shibanids in Central Asia. The author also cites the history of the Ashtarkhanids, starting from their reign in the Astrakhan Khanate and ending with their reign in Central Asia.

The source was introduced into scientific circulation by Turkish researchers; this work is still little known to Russian researchers. An analysis of the information from the Kazan Oguz-name shows that the source of information for its author were books on the history of the Turks, which he calls Oguz-name, and the author took information about the Jochids from Abulgazi. Information from the Kazan Oguz-name requires further research.

Keywords: Oguzname, Chingizids, Shibanids, Ashtarkhanids, Jochi, Janibek, Central Asia.

«Огуз-наме» является одним из самых узнаваемых произведений тюркского мира, где повествуется история ранних тюрков. Однако «Огуз-наме» сложился в период средневековья и поэтому носит информацию и более позднего периода.

Безусловно, «Огуз-наме» был своеобразным жанром, как «Чингиз-наме», «Зафар-наме», «Пенд-наме» и т. п., поэтому думать, что есть один «Огуз-наме» и остальные являются списками изначального текста, невозможно. Эти произведения создавались на обширной территории обитания тюрков, прежде всего южных тюркских групп, т. е. огузских племен, хотя такое разделение является весьма условным, о чем свидетельствует так называемый казанский «Огуз-наме», который хранится в Мирасхане ИЯЛИ АН РТ [1, д. 39–152].

Мной эта рукопись был просмотрен еще в начале 2000-х годов. Известный археограф М. И. Ахметзянов при личной беседе высказал тогда предположение, что эта рукопись была летописью золотоордынских ханов. Но информации о том, как эта рукопись оказалась в Казани, у него не было.

Неудивительно, что казанский «Огуз-наме» при-

влек большое внимание турецких коллег, т. к. эта рукопись является одним из последних «Огуз-наме», который до сих пор не был изучен и введен в научный оборот.

Сегодня благодаря кропотливой работе именно турецких коллег мы можем сказать, что работа по введению в научный оборот этого интереснейшего источника состоялась.

Работ, упоминающих это произведение на русском или татарском языке, мне не известно. Вся историография на сегодняшний день состоит из работ турецких авторов. Впервые об этом произведении сделал доклад Фикрет Туркмен на международном турецком лингвистическом конгрессе в 1992 году. Фикрет Туркмен высказал предположение, что это или копия древнего списка «Огуз-наме», или же написана на Кавказе. В дальнейшем текст доклада Ф. Туркмена издавался несколько раз в разных журналах в Турции и в Туркменистане [см. статью в научном журнале: 13]. Казанский «Огуз-наме» в виде факсимиле был издан также в Турции в 1998 году фондом Ахмет Вели Менгера [9].

В 2008 году была опубликована уже исследова-

тельская работа турецкого исследователя Б. А. Гокдага [8]. Этот автор, проведя анализ рукописи, сделал ряд важнейших замечаний и определил содержание произведения.

Интерес к этой рукописи в Турции объясняется, конечно же, названием произведения. Поэтому турецкие ученые давали своим ученикам это сочинение в качестве диссертационного исследования. В итоге на сегодняшний день мне известно четыре магистерских диссертаций [6; 10; 12; 14]. Возможно есть еще.

Как видим из названий работ, в основном они все посвящены разным аспектам языкового анализа или месту этого сочинения в культуре и истории. Историковедческий же анализ проведен только в работе Б. А. Гокдага. Из того, что мне удалось найти, говорить о распространенности казанского «Огуз-наме» пока не приходится. Также не известно, есть ли другие списки этого сочинения.

Из всех турецких работ я бы отметил труды Б. А. Гокдага и А. Динчера¹. Исследование последней скоро должно выйти в виде монографии.

Необходимо отметить, что в этом произведении автор в двух местах называет свое сочинение «Огуз-наме» («Султан дал этому произведению название Огуз-наме»), а не «Огуз-наме дастаны», что не одно и то же. Но первые турецкие издатели не видели разницу в этом вопросе и принимали казанский «Огуз-наме» за «Огуз-наме дастаны». В произведении говорится, что Огуз-хан попросил египетских ученых написать историю тюрков, и после создания данного произведения эти ученые назвали свое произведение «Огуз-наме». При этом надо отметить немаловажный факт: в произведении автор ссылается на другие «Огуз-наме», но не конкретизирует их, поэтому этот вопрос остается открытым, так как не понятно, то ли речь идет об известных «Огуз-наме дастанах», то ли это какие-то исторические сочинения, также названные «Огуз-наме», как и в ситуации с «Чингиз-наме», как название работ по истории чингизидов [4, с. 32]. Я бы обратил внимание и на словосочетание «Огузнамелэрдэ шойлэ язылмышдыр» [1, д.39–152, л. 56б], т. е. речь идет о нескольких «Огуз-наме», что говорит в пользу того, что автор под «Огуз-наме» здесь имеет в виду другие исторические сочинения, скорее всего, посвященные тюркам.

Как выяснили турецкие исследователи, данное сочинение относится к концу XVIII века и написано оно на севере Афганистана. К сожалению, в самом произведении нет никаких данных об авторе, месте и времени написания. Оно написано на арабице, на тюркском языке, произведение довольно объемное, всего 109 листов (218 страниц), написано почерком талик и без харакэ. Принадлежало известному татарскому тюркологу Саит Вахидову и в 1962 году была передана в архив ИЯЛИ АН РТ. На листах 65б и 109б есть печать некоего Гатауллаха Салимжанова [1, д.39–152].

Казанский «Огуз-наме» хоть и называется так,

но Огуз-хан не главный персонаж, в центре фигура Афшар-хана и афшаров из дурранидов Афганистана. Хотя история начинается именно от Огуз-хана. По сути, это произведение написано или по заказу династии дурранидов, или посвящена им.

Источниками казанского «Огуз-наме» выступают Коран и хадисы, предания, а также названы сочинения таких ученых, как Мухаммед бин Каб, Табари. Автор также использует «Зафар-наме». Как предположила Аслыхан Динчер, здесь, скорее всего, речь идет о «Зафар-наме» Шереф ад-дина Али Йезди или Низам ад-дина Шами [6, с. 7]. Также, проанализировав данное произведение, Аслыхан Динчер пришла к выводу, что автор использовал труды Абулгази Бахадур хана «Шеджереи Теракима», давая обширные цитаты из его произведения. Наше сопоставление данных о золотоордынских правителях действительно взято из «Шеджереи таракима» Абулгази [2; 11], но не всегда дословно.

Написан «Огуз-наме» в классическом мусульманском стиле, начиная от сотворения мира, истории пророков и истории Огуз-хана и его потомков. Обширные сведения о пророках заметно отличают казанский «Огуз-наме» от других «Огуз-наме», уделяя внимание древней истории тюрков. Далее идет история Чингиз-хана, Шейбанидов, Джаногуллары, Аккоюнлар, Афшары Ирана и Афганистана.

На листах 426–436 описываются монгольские завоевания «Ирана и Турана», бегство «Султана Мухаммеда Шах Хорезмшаха Туркмена» в Мазендаран, взятие Чингиз-ханом Бухары, Самарканда и Ташкента, после чего он отправил «двух своих беков Карачар Нойана и Субедей Бахадира» с 30 тысячами воинов для завоевания Ирака, Гилана, Мазендарана, Азербайджана и Грузии, а во главе 50-тысячной армии отправил «младшего сына Тулуй-хана» для захвата Хорасана.

Кроме того, Чингиз-хан во главе 80-тысячной армии для захвата Ургенча отправил своих сыновей – «Джучи-хана, Чагатай-хана и Угедей-хана». «На девятый месяц сыновья Чингиз-хана взяли Ургенч, Чагатай и Угедей ушли к отцу на службу в Термиз, а Джучи со своими нукерами ушел в Дешти-Кыпчак и захватил кыпчаков. После смерти Джучи власть перешла к Саин-хану».

Далее рассказывается, что из потомков Джучи в этом юрте ханствовали 24 человека. После них власть попала в руки Мангыта. «После этого говорили юрт мангытов, а после туда пришли калмыки, стали называть юрт калмыков» [1, д.39–152, л.426–436]. Автор пишет, что захватившие земли джучидов калмыки относят себя к народу Угедея «селатин Калмак неселбери Огетей Каана итгисал кылулар» [1, д.39–152, л.94а].

С листа 866 начинается история Чингиз-хана, его взятия страны Рум, «которой управляли Кайы» [1, д. 39–152, л. 866].

Все это передается кратко, что не скажешь о родах туркмен (эски и теvedжи), которые происходят от слуг золотоордынского хана Джанибека [1, д.39–152,

¹ Благодарю госпожу Аслыхан Динчер за консультацию по этому источнику. Также она изучает «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека. См. ее работу [7].

л. 886–896]. В казанском «Огуз-наме» дается та же история о том, что Джанибек отправил своих зрителей за верблюдами (теведжи) к туркменам. Она изложена у Абулгази, и автор казанского «Огуз-наме» практически целиком эту историю приводит у себя [2, с. 74–75–77].

Далее автор казанского «Огуз-наме» дает краткие сведения касательно Золотой Орды чингизидов и конкретно о Джучи. Автор пишет, что Джучи умер в 20 лет и что у него осталось 4 сына [1, д.39–152, л. 946]. Как известно, Рашид ад-дин в генеалогическом произведении «Шуаб-и панджгана» говорит о 15 сыновьях Джучи [более подробно см.: 3, с. 60].

Учитывая место написания «Огуз-наме», неудивительно, что автор хорошо осведомлен о среднеазиатских джучидах, правителях Мавераннахра. Он знает их род, даже знает про род аштарханидов, но практически ничего не пишет о тукай-тимуридах и, например, о казахских ханах, но приводит родословную шибанидов, с которыми активно взаимодействовали туркмены.

«Четвертый сын – самый праведный из них Шибан. Сын Шибана Кабгай Султан, его сын Хызр Хан, его сын Бахадыр Казан, его сын Метегул Султан (?), его сын Хадже Буга Султан, его сын Мелик Тимур Султан, его сын Улуг Фулад Султан, его сын Али Анби Султан, его сын Девлет Шейх Султан, его сын Абулхайыр хан, который владел Дешт-и Кыпчаком, Туркестаном и Чагатаем и которому служили потомки эмира Тимура Гургана, такие как Султан Абу Саид Мирза, Минучихр Мирза, Мухаммед Чуки Мирза и Султан Хусейн Мирза»¹ [1, д.39–152, л. 946].

«Абулхайыр хан 40 лет правил в Дешт-и Кыпчаке и в землях Урус, Булгар и в царстве Туркестан. У него остались два сына: Шах Будаг Султан и Махмуд Султан. У Шах Будака было два сына. Старший сын – великий хан и милосердный правитель Шибан хан и младший сын Махмуд Султан» [1, д.39–152, л.95а].

«Абулхайыр хан прозвал Шибана Мухаммед Шибани. После смерти Абулхайыр хана ил и улус его прошли через много трудностей, пока все единогласно не объединились вокруг Шибана, который центр своего государства перенес в Мавераннахр, где правили потомки эмира Тимура Гургана. Народ Туркестана был на стороне султана (Шибани)» [1, д.39–152, л.95а].

«Территорию Балха он отдал сыну Хуррем Шаху, вилает Хорасана сыну Тимур хану. После этого он призвал Шаха Исмаила Сефеви отвернуться от нововведений и вернуться в лоно правильного пути (в «изначальный путь», т.е. уйти от шиизма) и пришел с войском в Мерв. После нескольких сражений пал шахидом от кызылбашей» [1, д.39–152, л.956].

«У Шибани хана остались трое сыновей. Тимур хан, Хуррем Шах и Севинч Мухаммед султан. Также от Махмуда Султана остался один сын – Абдуллах хан» [1, д.39–152, л. 956]. «После смерти Шибан хана Абдуллах хан правил Бухарой, у него остался один

сын – Абдулазиз хан. Абдулазиз хан долгие годы был ханом» [1, д.39–152, л.956]. Далее идет подробный рассказ о правителях Бухары из этого рода.

На листах 96а–96б рассказывается история аштарханидов и приводится их родословие: «Джани хан бин Йар Мухаммед хан бин Багышлад хан бин Джавак хан бин Мухаммед хан бин Бахадыр хан бин Кутлук хан бин Кутлук Буга Султан бин Арыш хан бин Джучи хан бин Чингиз хан».

«История Султан Эштерхана. Арыш хан был убит во время битвы с эмиром Тимуром. Кутлук Тимур хан бежал в Эштерхан² и Кутлук Тимур хана назначили султаном над народом урус. Кутлук Тимур хан со своими сыновьями правил вилаетом Эштерхан до времен Йар Мухаммед хана. Во времена Йар Мухаммеда случился между ними раздор и Йар Мухаммед со своим сыном Джани ханом прибыл в вилает Бухара. В то время Бухарой правил Искандер хан. У Абдуллах хана была сестра по имени Зехра, которую отдали Джани хану, от нее у него родились три сына – Дин Мухаммед хан, Баки Мухаммед хан и Вели Мухаммед хан» [1, д.39–152, л. 96а–96б]. Далее перечисляются ханы из династии аштарханидов и их краткая история.

Казанский «Огуз-наме» является одной из поздних общетюркских «историй», где дается древняя и средневековая история тюрков. Автор затронул историю тех тюркских династий, которые были актуальны для его времени. Учитывая близость Средней Азии, история их династий представляла интерес для правителей средневекового Афганистана. Источником его информации служили предания «туркменов», труды Абулгази и, возможно, других авторов. Свои источники он называет «Огуз-наме». Из всех сведений автора казанского «Огуз-наме» наиболее ценными являются безусловно его данные об аштарханидах и об их происхождении.

Библиографический список

- 1 Архив «Мирасхане» ИЯЛИ. Казанский «Огуз-наме». Дело 39–152.
- 2 Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского / А. Н. Кононов. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. – 285 с.
- 3 Миргалеев И. М. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина: перспективы изучения / И. М. Миргалеев // Золотоордынское обозрение. – 2013. – № 1. – С. 57–64.
- 4 Шәжәрәи төрек / Әбелгазый Баһадир хан; кереш мәк. авт. М. Әхмәтҗанов. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2007. – 271 б.
- 5 Dinçer A. Kazan Oğuznâmesi: Orijinalliği, Yazılış Tarihi, Coğrafyası, Dili // Karadeniz Araştırmaları. – 2020. – XVII/65. – S. 235–270.
- 6 Dinçer A. Kazan Oğuznâme'si üzerine bir dil incelemesi. – Kırıkkale, 2011. – 427 s. [Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi]
- 7 Dinçer A. On Kadyr Ali-bek's narrative of Oghuz khan // Золотоордынское обозрение=Golden Horde Review. – 2023. – Т.11, №. 2. – С. 274–284.
- 8 Gökdağ Bilgehan Atsız. Kazan Oğuznâmesi ve Aşarlar // Ahmet Bican Ercilasun Armağanı. – Ankara : Akçağ Yay,

¹ Перевод И. М. Миргалеева.

² Астрахань, по-татарски Хаджи-Тархан.

Рисунок 1 – Рукопись казанского «Огуз-наме». Хранится в Казани. Архив «Мирасханэ» ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ

2008. – S. 643-656.
9. Kazan Oğuznamesi: Oğuzname Destanı. – İstanbul : Ahmet Veli Menger Vakfı Yayınları, 1998. – 110 s. (faksimile).
10. Okyay F. Oğuznâme. Metin (1a-50b varakları arası) – Dizin. Ankara : Gazi Üniversitesi, 2004. – 269 s. [Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi]
11. Ölmez Z. Şecere-i Terâkime (Türkmenlerin Soy Kütüğü). – Ankara : Simurg Yay, 1996. – 560 s.
12. Tülin Gümüş. Kazan Oğuznâme'sinin arketipsel sebolizm

baglamında incelenmesi. – Ardahan, 2016. – 153 s. [Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi].
13. Türkmen Fikret. Kazan'da Bulunan Yeni Bir Oğuznâme Nüshası Üzerine // Milli Folklor. – 1995. – 427. – S. 4-7.
14. Ükten Selim Serkan. Kazan Oğuznâme'sinin Tarihsel ve Kültürel Açından Değerlendirilmesi. – Ankara Üniversitesi, 2010. – 184 s. [Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi].

АНАЛИЗ ГЕНЕАЛОГИЙ ДЖУЧИДОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ДВУХ СПИСКОВ «ТАВАРИХ-И ГУЗИДА-ЙИ НУСРАТ-НАМЕ»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос соотношения данных в двух списках «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме». Ленинградский (Санкт-Петербургский) список частично был переведен на русский язык в 1969 году. Лондонский список долгое время был недоступен. Извлечения из него стали публиковаться в 2010-х годах. В 2022 году был опубликован полный перевод лондонского списка на турецкий язык. Сопоставив сведения из двух списков, автор нашел большое количество расхождений между ними. В статье представлен сравнительный анализ этих различий.

Ключевые слова: Шибаниды, Тука-Тимуриды, Джучиды, Таварихи Гузида-йи Нусрат-наме, Золотая Орда, Улус Джучи.

Annotation: This article discusses the question of the correlation of data in the two lists of Tavarikhi Guzidayi Nusrat-name. The Leningrad (St. Petersburg) list was partially translated into Russian in 1969. The London list was unavailable for a long time. Extracts from it began to be published in the 2010s. In 2022, a complete Turkish translation of the London List was published. Comparing the information from the two lists, the author found a large number of discrepancies between the two lists. The article presents a comparative analysis of these differences.

Keywords: Shibanids, Tuka-Timurids, Jochids, Tavarikhi Guzidayi Nusrat-name, Golden Horde, Ulus Jochi.

«Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» является очень важным источником по истории Улуса Джучи, улуса Шибана, а также по биографиям отдельных Шибанидов.

В 1967 году вышла монография А. А. Акрамова [9], в которой была предпринята попытка провести критический анализ связи двух списков «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме».

В 1969 году извлечения из Ленинградского (Санкт-Петербургского) списка «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» были опубликованы в рамках сборника Материалов по истории казахских ханств [2].

В 2006 году русский перевод был переиздан в рамках серии «История Казахстана в персидских источниках» [1].

В 2010–2011 годах И. А. Мустакимов ввел в научный оборот отдельные переводы отрывков из «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» [3–4].

Нами также был выпущен целый ряд статей, посвященных данному источнику [5–8].

В 2019 году турецкий исследователь Харун Кайа выпустил научную статью [11] и защитил диссертацию [10] по теме «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме».

В 2022 году он выпустил перевод на турецкий язык Лондонского списка «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» [12].

Таким образом, на данный момент есть перевод Лондонского списка на турецкий язык и перевод Ленинградского (Санкт-Петербургского) списка на русский язык.

У исследователей, кто интересуется различными аспектами генеалогий Джучидов, появляется возможность сверить сведения двух списков, выявив расхождения в них.

Сравнив эти расхождения с другими генеалогическими источниками (Джами ат-таварих, Шуаби Панджгана, Муизз ал Ансаб, Бахр ал Асрар и т. д.), мы можем уточнить многие моменты в истории улуса Джучи.

Ниже мы перечислим наиболее характерные отличия в этих двух списках. Здесь мы не будем касаться случаев различного написания одного и того же имени. Иногда мы будем привлекать для сравнения данные из Джами ат-Таварих.

1 В Лондонском списке расписаны многие потомки Орда-эджена [12, с. 115–118], в то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке их просто нет.

2 Структурно Лондонский список представляет непрерывно все генеалогии Джучидов, в то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке генеалогии Джучидов поделены на две части. В первой части мы видим роспись потомков Бату, Берке, Беркечара и части Шибанидов. Вторая часть стартует с Шибанидов и заканчивается Тука-Тимуридами. При этом некоторые Шибаниды указаны как в первом отрывке, так и во втором.

3 В Джами ат-Таварих у Тумана, сына Кули упоминается семь сыновей, и все они приведены по именам. В Лондонском списке упомянуто, что у него шесть сыновей, но по именам названы все семь [12, с. 117].

4 Если в Джами ат-Таварих отцом Тимур-Буки и Улуту является Хулагу, то в Лондонском списке их отец Кутуку, брат Хулагу [12, с. 117].

5 В Лондонском списке (по сравнению с Джами ат-Таварих) не упомянуты дети Улуту [12, с. 117].

6 В росписи потомков Бату оба списка похожи. При этом, по сравнению с Джами ат-Таварих, в этих списках нет Юзбуки (сын Кончека) и внуков Менгу-Тимура.

7 В Лондонском списке сыном Тохты является Найруз [12, с. 119], в то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке сыном Тохты назван Йабарыш. По другим источникам, его звали Ильбасар.

8 В Лондонском списке четвертым сыном Бату

назван Сингум, в то время как в других источниках это Улагчи.

9 В Лондонском списке Турди Мухаммед сын Мехди, сына Бахтияра, сына Хызыр-хана. При этом там отсутствует имя Науруз (брат Турди Мухаммеда). В Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке эти двое братьев не понятно чьи сыны. Из-за контекста можно подумать, что они дети Муталлиба, сына Хамзы, сына Бахтияра, сына Хызыр-хана.

10 Если в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке у Абулхаир-хана есть сын по имени Ак-Йорук, то в Лондонском списке он назван как Ак-Бурук. По нашему мнению, именно он тождественен Бурунчоглану, сыну Абулхаир-хана, который погиб в 1473 году в битве с могулами.

11 В Лондонском списке указано на два сына и одного внука Мухаммеда Шейбани больше, чем в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке. Этих двоих сыновей звали Абулхаир и Мухаммед Суйунч [12, с. 120]. А внука звали Мухаммед Имин.

12 В Лондонском списке указаны оба сына Шейх-Хайдара (Хуш-Хайдар и Джан-Хайдар), в то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке допущена ошибка, и появился фантомный хан Хуш-Хайдар-хан. Версия о двух сыновьях гораздо более достоверная.

13 В Лондонском списке упоминаются сыновья Кучкунджи по именам Абу Сеид Абдулла, Абд ал Латиф. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке упомянут только Абу Сеид. Таким образом, вполне возможно, под именем Абу Сеид Абдулла скрываются все-таки два человека (Абу Сеид и Абдулла).

14 В двух списках есть разные варианты генеалогии Ядигер-хана. В Лондонском списке он сын Мухаммед Сеида, сына Тимур шейха [12, с. 121]. В Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке Ядигер сын Тимур шейха.

15 В Лондонском списке упоминаются внуки Ядигер-хана. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке их нет.

16 По-разному представлены братья Хаджи Мухаммед-хана. В Лондонском списке мы имеем следующий список: Анук, Курулай Ахмед, Хаджи Мухаммед, Абдул Азиз, Баба, Ахмед. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке мы видим немного другую картину: Анук, Курулай, Ахмед, Хаджи Мухаммед, Абд ал Азиз, Баба-Ахмед. Здесь, скорее всего, первый вариант перевода адекватнее.

17 В Лондонском списке упоминаются брат Ибак-хана по имени Аглак-хан, а другой его брат по имени Мамук упоминается с эпитетом хан. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке Мамук без эпитета хан, а Аглак-хан не упоминается вовсе.

18 По-разному представлены сыновья Ибак-хана. В Лондонском списке мы имеем следующий список: Кулук, Муске, Мухаммед, Камач, Мухаммед Таки. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке мы видим немного другую

картину: Бутур, Кулук, Мусеке, Мухаммед, Камач Мухаммед.

19 По-разному представлены сыновья шибанида Мангытая. В Лондонском списке мы имеем следующий список: Хызыр, Хаджи, Муруввет. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке мы видим немного другую картину (два сына): Хызыр, Хаджи-Мурут

20 По-разному представлены сыновья шибанида Тама Токты. В Лондонском списке мы имеем следующий список его пяти сыновей и внука: Бакирча, Кунчек, Садкан, Чавчук, Ташбука, а также Айн-ходжа, сын Кончека. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке мы видим немного другую картину (два сына Тама Токты): Бакырджа, Кончак и сын Кончака Иса-ходжа.

21 Потомки Саилкана, сына Шибана. В Лондонском списке упомянут целый ряд Шибанидов, которых нет в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке. Айран коз, его сын Тубтуглы Мубарек, его сын Хасан шейх, его сын Гиран улан. Саилкан Киранбай, Боралчи, Ямгурчи, Хасан, Ахмед, Куватдык, Кудаш, Мухаммед, Юсуф Муртаза.

22 Касательно росписи потомков Бувала Лондонский список совпадает с данными Джамии ат-Таварих и превосходит Ленинградскую (Санкт-Петербургскую) рукопись.

23 Потомки Сунгура, сына Джучи. Здесь есть большая путаница. В Джамии ат-таварих у трех сыновей Сунгура было следующее потомство.

Йису-Бука (пять сыновей): Буралыги, Кублук, Тудакан, Тудачу, Аджинджи.

Ширамун (три сына): Хорезми, Джакугу, Байрам.

Маджар (три сына): Урусак, Баян, Байку.

В Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке у Маджара четыре сына: Буралки, Кулек, Тудан, Тарджу. У Ширамуна три сына: Рурсак, Баян, Тайджу. У Йису-Буки четыре сына: Ходжа-Хорезми, Джавту, Байрам, Буарсак.

В Лондонском списке мы видим следующую картину. У Ширамуна три сына: Хорезми, Джавту, Байрам. У Йису-Буки четыре сына: Буралки, Куйлук, Тоден, Тайчу. У Маджара три сына: Орусак, Баян, Байку. У этого самого Орусака сын по имени Иди Берди Шейх суфи, или же это два его сына.

24 Потомки Бачман-оглана. В Ленинградской (Санкт-Петербургской) рукописи на два потомка больше (Ак-султан, Бутуй).

25 Дочери Тохтамышша. В Ленинградской (Санкт-Петербургской) рукописи упомянуты пять дочерей (Малика, Ханинка, Джанинка, Саадат-бек, Кадиджа). В Лондонском списке Малика и Ханика слились в одну дочь Мулке Ханике.

26 Дети Худайдад-хана. В Ленинградской (Санкт-Петербургской) рукописи упомянуты три дочери и сын (Изат, Хурмат, Азиз и Хаджи-бий). В Лондонском списке три дочери: Изат, Хурмат, Хаджи Сахиб.

27 Сыновья Улуг Мухаммеда. В Лондонском

списке мы имеем следующий список его шести сыновей: Махмудек-хан, Якуб, Тулек, Мустафа, Фирузе Касим (не понятно, это один человек с именем Фирзе Касим или два родных брата). При этом упоминается факт, что у него семь сыновей и три дочери. В то время как в Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке мы видим немного другую картину. Видимо, первые три персоны из списка (Дилшад, Даулат, Даулатшах) – это дочери. А остальные это сыновья.

28 В Лондонском списке нет Михр-Насаб, дочери Девлетберди.

29 Дети Хаджи-Гирея. В Лондонском списке указаны по именам семь из восьми сыновей (Девлетияр, Нур-Девлет, Хайдар-хан, Кутлук Заман, безымянный, Менгли Гирей хан, Ямгурчи, Уз-Тимур). В Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке тоже названы семь сыновей из восьми: Даулат-йар, Нур-Даулат-хан, Кутлук-хан, Кельдыш, Менгли Гирей-хан, Ямгурчи, Уз-Тимур.

Сравнив два списка, можно прийти к выводу, что Хаджи Гирей имел восемь следующих сыновей: Даулат-йар, Нур-Даулат-хан, Хайдар-хан, Кутлук-хан, Кельдыш, Менгли Гирей-хан, Ямгурчи, Уз-Тимур.

30 Дети Кучук-Мухаммеда. В Лондонском списке указаны по именам четыре сына Кучук-Мухаммеда (Ахмед, Махмуд, Джавак, Башбек). В Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке допущены существенные ошибки при росписи генеалогий потомков Кучук Мухаммеда.

31 Дети Ахмад-хана. Отличия в двух списках следующие. В Лондонском списке упомянуты отдельно Едиге ходжа и Мухаммед. В Ленинградском (Санкт-Петербургском) списке мы видим Уки и Ходжа-Мухаммеда.

32 Роспись потомков Шадибек-хана в двух списках сильно отличаются.

33 В Лондонской копии упомянуты Урусиды Полад и Ак Полад.

34 Сыновья Барак-хана. С 1969 года сильно закрепился тезис о том, что казахский Джанибек-хан также назывался Абу Саид. Но буквально некоторое время назад на одном из форумов пользователь под ником Бир Бала предположил, что это не один и тот же человек, а два родных брата. С этим тезисом можно полностью согласиться.

35 Братья Кара-Ногай-хана. В Лондонской копии источника двое младших брата Кара-Ногай названы Тоглу Бекри и Катакчу Ече. В Ленинградской (Санкт-Петербургской) копии данного источника два младших брата Кара-Ногай-хана названы Туглу и Букри-Катак-ходжа. Какая версия более достоверная, трудно сказать.

36 Потомки Мубарак-ходжа-хана. В Лондонской копии источника у него четыре сына (Башибек, Йахшибек, Хасан, Ахмед) и два внука (Алп Йаз и Ер шейх). В Ленинградской (Санкт-Петербургской) копии данного источника идет речь про четырех сыновей, но написаны по именам двое (Хасан, Ахмед) и один внук (Алб Базар шейх).

37 В Таварихи Гузидаи Нусрат-наме есть формулировка «вместе родились». Под ней ранее понималось то, что это единоутробные братья. Но если посмотреть эти свидетельства и сопоставить их с другими источниками, то противоречий станет еще больше. Вполне возможен вариант, когда «вместе родились» означает синхронность рождения в один и тот же год. Такую интерпретацию не стоит исключать.

В целом уже беглый анализ двух списков Таварихи Гузидаи Нусрат-наме показывает огромное количество противоречий между ними. На данный момент уже назрела необходимость издания критического текста генеалогий Джучидов из Таварихи Гузидаи Нусрат-наме. Издав эти генеалогии с научными комментариями, мы сможем гораздо больше и лучше изучить историю династии Джучидов.

Библиографический список

- 1 История Казахстана в персидских источниках. – Алматы : Дайк-Пресс, 2006. – Т.IV. – 620 с.
- 2 Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. – Алма-Ата : Издательство Академии Наук КазССР, 1969. – 652 с.
- 3 Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида-Нусрат-наме» о владениях некоторых Джучидов / И. А. Мустакимов // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. – Москва : Восточная литература, 2011. – С. 228–248.
- 4 Мустакимов И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабграфических источников / И. А. Мустакимов // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2010. – №. 2. – С. 21–32.
- 5 Сабитов Ж. М. Таварих-и Гузида-йи Нусрат-нама как источник по генеалогии Джучидов / Ж. М. Сабитов // Золотоордынская цивилизация. – 2009. – №. 2. – С. 108–116.
- 6 Сабитов Ж. М. Таварихи Гузидаи Нусрат-наме и Бахр ал Асрап: сравнительный анализ данных по генеалогиям джучидов / Ж. М. Сабитов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2012. – №. 3. – С. 133–136.
- 7 Сабитов Ж. М. Источники по генеалогии Джучидов: критический анализ / Ж. М. Сабитов // Золотоордынская цивилизация. – 2013. – №. 6. – С. 29–34.
- 8 Сабитов Ж. М. Сравнение сведений «Муизз ал-Ансаб» и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» о ханах улуса Джучи с данными нумизматики / Ж. М. Сабитов, Р. Ю. Рева // Золотоордынское обозрение. – 2016. – №. 1. – С. 102–114.
- 9 Таварих-и гузида -Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотация А. М. Акрамова. – Ташкент : Фан, 1967. – 475 с.
- 10 Kaya H. Tevârih-i Güzide Nusret Nâme (Giriş-Metin-Notlar-Dizin-Tıpkıbasım) (Basılmamış Doktora Tezi). Ankara Üniversitesi. – Ankara, 2019. – 743 p.
- 11 Kaya H. İslamiyet Sonrası Orta Asya'da Türkçe Tarih Yazıcılığı ve Tevârih-i Güzide-Nusret-Nâme // Yeni Türkiye. – 2019. – Vol. 106. – P. 510-521.
- 12 Kaya H. Tevârih-i Güzide Nusret Nâme Metin-Aktarım Dizin. Turk Tarih Kurumu. – Ankara, 2022. – 470 p.

«ПРИИДЕ ЖЕ СТЕПЬЮ ИС КАЗАЧЬИ ОРДЫ ЦАРЬ КУЧЮМ М[У]РТАЗЕЕВ СЫН ...» (ОБ ИСТОЧНИКЕ И СТЕПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ ОДНОГО ИЗВЕСТИЯ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

Аннотация. Тобольские и сольвычегодские летописи, начиная с Основных редакций Есиповской и Строгановской, содержат подчас видоизменявшееся указание на прибытие Кучума в Сибирь из Казахского ханства. Зачастую источником этого известия, обычно признающегося достоверным, считается какое-то предание тюркоязычных народов, чаще всего татар, живших в «стольном» Тобольске. Не исключено, что из «скаски» местных служилых татар (йомышлы) русским книжникам стало известно не только родословие Тайбугидов, но и имя отца самого известного сибирского хана, и о том, откуда последний прибыл в Искер. Автор протографа Основных редакций Есиповской и Строгановской летописей мог также заключить, что до появления в Сибири Кучум находился в «Казачьей орде», ибо с ней враждовал его прежний карачи-бек (Карача), оставивший безжалостно из Искера «царя» и откочевавший в верховья Иртыша, а вскоре получивший у Ермака казачью станицу якобы для защиты от казахов. Ко второй трети XVII в., когда в Тобольске стало вестись летописание, вполне определенными сведениями о судьбе Кучума до занятия им престола, видимо, местные татары уже не располагали.

Ключевые слова: Кучум, захват им власти в Сибирском юрте, Казахское ханство («Казачья орда»), летописная версия прибытия Кучума в Сибирь из Казахской степи, происхождение этой версии, степень ее достоверности, «скаска» тобольских служилых татар.

Annotation. The Tobolsk and Solvychevodsk Chronicles, starting with the Basic Editions of Esipovskaya and Stroganovskaya, sometimes contain a modified indication of the arrival of Kuchum in Siberia from the Kazakh Khanate. Often the source of this news, which is usually recognized as reliable, is considered to be some kind of legend of the Turkic-speaking peoples, most often the Tatars, who lived in the “capital” Tobolsk. It is possible that Russian scribes learned not only the genealogy of the Taibugids, but also the name of the father of the most famous Siberian khan, and where the latter came from to Isker, from the “skask” of local serving Tatars (yomysly) to Russian scribes. The author of the protographer of the main editions of the Esipov and Stroganov chronicles could also conclude that before appearing in Siberia, Kuchum was in the “Cossack horde”, because his former Karachi-bek (Karacha) was at enmity with her, who left the “king” who had fled from Isker and migrated to the upper reaches of the Irtysh, and soon received a Cossack village from Yermak, allegedly to protect against the Kazakhs. By the second third of the 17th century, when chronicles began to be written in Tobolsk, apparently, the local Tatars no longer had quite definite information about the fate of Kuchum before he took the throne.

Keywords: Kuchum, his seizure of power in the Siberian yurt, the Kazakh Khanate (“Cossack horde”), the chronicle version of Kuchum’s arrival in Siberia from the Kazakh steppe, the origin of this version, the degree of its reliability, the “skask” of the Tobolsk service Tatars.

Перечень последних беков из рода Тайбугидов, начиная с Агиша, в появившейся в 1636 г. Основной редакции Есиповской летописи (далее – ОЕЛ) продолжен главой, открывающейся сообщением о захвате власти в Сибирском юрте ханом Кучумом. По словам автора этой летописи, известной в трех десятках списков, «прииде же степью ис Казачьи орды царь Кучюм М[у]ртазеев сын со многими воинскими людьми и дойде до града Сибири, и град взя, и князей [Е]тигера и Бекбулата уби». Прочитанное сообщение повторено в Титовском виде (далее – ТВ) ОЕЛ, где в существенно расширенном перечне сибирских народов к ним подобно обитателям Пегой орды причислены жители Казачьей орды, и в большинстве вторичных редакций повести Саввы Есипова «О Сибири и о Сибирском взятии» [20, с. 48, 80, 81, 108, 130, 180, 232, 236, 301, 304, 358, ср. с. 32, 38, 44, 45, 107, 118, и др.]. (В начале ОЕЛ из этих орд упомянута лишь Пегая, т. е. селькупы Нарымского Приобья [20, с. 45]. Я. В. Пилипчук, говоря об отражении истории Пегой орды в сибирских летописях, указание на «Ка-

зачью орду» в ТВ «Сказания» Есипова обошел вниманием).

По заключению А. В. Парунина, «изложение обстоятельств» правления Кучума в восточных источниках «практически полностью совпадает с имеющимися» в тех, которые сложились в России. В первых из них, однако, умалчивается о том, что «фактический основатель Сибирского ханства» [30, с. 46, 47] ранее жил в «Казачьей орде». Среди его многочисленных жен, кстати, была и дочь казахского хана Шигаия [7, с. 206, 220; 30, с. 102, и др.]

Создатель Румянцевской редакции (далее – РР) «сложения» дьяка трех кряду тобольских архиепископов имена убитых Кучумом беков счел излишними; в Лихачевской редакции самой популярной сибирской летописи говорится о том, что будущий хан «прииде» в Сибирь «в то время» (хотя накануне говорится лишь о правлении там Едигера и Бекбулата, сыне последнего Сейдяке) и «овладел градом Сибирским», Едигера схватил «жива», а его брата умертвил. Кроме того, в приведенных строках из РР вида Б

и Абрамовской редакции (далее – АР) «Сказания» Есипова, очевидно, была пропущена лексема «ис», почему Кучум превратился в царя «Казачьей орды», которому подчинялось ее «воинство» [7, с. 882; 20, с. 32, 38, 119]. (О том, что в ряде летописей он выдается за казахского хана, идет речь еще в знаменитом труде Г. Ф. Миллера [16, с. 192], хотя «отец сибирской истории» не считал [см.: 15, с. 41; 30, с. 14] Кучума среднеазиатским правителем, одолевшим Тайбугидов. Эти беки, однако, не располагали, хотя бы в середине 1580-х гг., поддержкой казахов, как иногда предполагалось [8, с. 131]).

А. А. Дмитриев находил, что «силы» Кучума со времени занятия ханского престола «подкреплялись» киргиз-кайсаками [4, с. 118]. В. В. Трепавлов и С. Ф. Татауров, однако, констатировали, что отношения между Сибирским и Казахским юртами были сложными и напряженными, с «Казачьей ордой» «кучумляне», «видимо, почти не общались» [27, с. 75; 28, с. 54, ср. с. 27; 7, с. 206, 214, 218; 8, с. 124, 125; 30, с. 74, 76, 77, 102, 103, 111–113, 126, 264, и др.]. В конце XVI в. московское правительство даже добивалось, чтобы казахи пленили уже «сбитого» «с куреня» сына Муртазы и прислали его к «царскому порогу», хотя, думается, не проявляя особой настойчивости [ср. 10, с. 72–73; 30, с. 267].

Кучум, лишенный «православным воинством» юрта, в представлении Есипова, впрочем, не был казахом (так однажды утверждалось [6, с. 9]), автор самой ранней среди дошедших до нас тобольских «исторических повестей» только думал, что этот хан являлся выходцем из Казахской орды, но кем именно, осталось неизвестным и софийскому дьяку [23, с. 99, 108], и многочисленным редакторам его летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде». Куда бежал еще накануне считавшийся могущественным властитель, которого разгромили казахи сотни Ермака, в ОЕЛ, заметим, говорится еще более неопределенно – в «поле», т. е. в степь, о чем прямо сказано в АР «истории» Есипова [7, с. 887, 894, 895; 20, с. 68, ср. с. 57, примеч. 94; с. 59, 84, 93, 97, 110, 111, 116, 141, 142, 147, 183, 370; 21, с. 19; 28, с. 13, 15, 18, 24, 42; 30, с. 111, 112, и др.]. (Такое указание чаще всего представляет собой литературный штамп [26, с. 17–18; см. также: 19, с. 14, 212]).

Напомним, что сын Бекбулата Сейдяк (Сеид-Ахмед), который опасался «убиения» с воцарением Кучума, согласно ОЕЛ, после вступления в Искер «дружины» Ермака и пленения казаками царевича Маметкула вернулся в Сибирь из «Бухарской земли» [20, с. 48, 59, ср. с. 135, 137, 251, примеч. 70].

Излагая обращение хана к своей свите во время решающей битвы с «русским полком» близ Искера, у засеки «под Чувашеею», Есипов, кстати, вкладывает в уста «бесерменского царя» такие слова: «Приидох и победих (Едигера и Бекбулата. – Я. С.) ни от кого ж послан, но самозванен приидох корысти ради и величия» [7, с. 884; 20, с. 55, ср. с. 84, 93, 111, 132, 182]. (Заметим, что почти в половине списков ОЕЛ о «са-

мозванстве» Кучума мы не прочтем). Про Казахское ханство при этом умалчивается.

Версия о прибытии Кучума «степью» в Сибирь из «Казачьей орды», на рубеже XVII – XVIII вв. повторенная в Ремезовской летописи (далее – РЛ) [21, с. 332, 423], обычно считается достоверной [1, с. 209; 7, с. 747; 8, с. 123–124; 9, с. 84; 29, с. 209; 30, с. 97, и др.], но в определении ее источника (или источников) ученые не столь единодушны.

А. В. Парунин предположил, что возле территории, занятой казахами, находился улус Кучума и его старшего брата Ахмад-Гирея [18, с. 71]. (Они оба захватили Сибирский юрт [30, с. 110, 125, и др.]). У продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи есть упоминание о пребывании Чайлу – брата Кучума – в казахских юртах и войне последнего с казахами до его появления в Сибири [7, с. 950, 951; 8, с. 122; 30, с. 70, 101; ср. 28, с. 54]. (В генеалогической таблице, составленной Д. Н. Маслюженко и А. В. Беляковым, султан Чайлу не значится, как и в работах В. В. Трепавлова, см. [28, с. 16, примеч. 1; 30, с. 455, и др.]).

По словам Д. Н. Маслюженко, в середине XVI в. хан Муртаза с сыновьями Ахмад-Гиреем и Кучумом «скорее всего, могли находиться в низовьях Тобола, на его притоках Убаган и Абуга, на северной границе степной зоны Зауралья и Северного Казахстана» [11, с. 52]. Вспомним также, что Кучум воспитывался в Ногайской орде и был ее наместником в башкирском улусе [7, с. 231; 13, с. 250; 28, с. 14, 16, примеч. 2; 30, с. 69, 102, 109, и др.].

С точки зрения Г. Ф. Миллера, в основе интересующего нас известия ОЕЛ лежат предания тобольских татар [16, с. 192]. И. В. Ерофеева в данной связи называла тюркоязычные народы Сибири, а Д. Н. Маслюженко ссылался на устные и письменные источники татарского происхождения, сложившиеся предположительно в окружении Тайбугидов [5, с. 19–20; 12, с. 229–230; 30, с. 125, ср. с. 40, 41, и др.]. И. Р. Нигматзянов допускал, что, говоря о прибытии Кучума к Искеру из Казахской орды, Есипов использовал предания о распространении ислама в Сибири среднеазиатскими выходцами. (При этом казанский историк почему-то писал об угрозе, которую уже в ту пору Кучум нес «русскому менталитету той эпохи») [17, с. 71, 72]. Нам представлялось, что, следуя устной традиции, владычный дьяк мог запечатлеть показания служилых людей «стольного» Тобольска; скорее же всего, Есипов передал сообщения оказавшейся доступной ему «скаски» местных йомышлы [24, с. 99, 104–105; 25, с. 322; 26, с. 12–13].

Происхождение интересующего нас летописного свидетельства можно объяснить и иначе. Судя по ОЕЛ и сочинению, вышедшему из-под пера анонимного строгановского «историографа» в 1630-х гг., общий источник этих «исторических повестей» содержал рассказ о том, что Карача, т. е. карачи-бек (его звали Маметом или Мухаммедом [28, с. 348–349, 368; 30, с. 43, 87, 410, 411, и др.]), ранее являвшийся любимым «думчим» («думным», первым советником) хана, сделавшись его недругом, откочевал от побеж-

денного Ермаком «с товарищи» и бежавшего из Искера Кучума и расположилась у Юлымского (Ялымского и т. п.) озера или в «Лымской земле» в верховьях Иртыша, между Тарой и Омью; вскоре Карача попросил «большого» атамана выделить ему «воев» для защиты от «Казачьей» (либо Ногайской, что должно считаться ошибкой [22, с. 62, примеч. 99; 23, с. 21]) орды, а затем их – станицу Ивана Кольца – вероломно истребил (о чем говорится и синодике «ермаковых казаков») [20, с. 59–61, 71, 380, ср. с. 78; 21, с. 28, 33, 34, ср. с. 73, 78, 101]. (Карачи-бек покинул Кучума не вслед за безуспешной осадой Искера, как представлялось А. В. Матвееву и С. Ф. Татаурову [7, с. 219], а накануне, причем едва ли вскоре после битвы возле Чувашева мыса, в течение 1583–1584 гг. и тем более, о чем писал М. А. Усманов, в 1582 г. Утверждение, будто Карача «дважды пытался отбить Искер у казаков» [28, с. 141, 367; 30, с. 87, 170], тоже противоречит летописным свидетельствам).

Как мог подумать автор протографа самых ранних среди сохранившихся повестей о «Сибири и о Сибирском взятии», захвативший Искер Кучум прибыл к этому столичному «граду» из «Казачьей орды», со временем ставшей враждебной прежнему визирю хана. (Кстати, по сведениям русских дипломатов, разгромленный казаками Кучум бежал в «Казацкую орду» [30, с. 264, и др.]).

Позднее Карача, о чем писали многие тобольские и сольвычегодские книжники, очутился в городе Сибири (откуда бек Сейдяк изгнал старшего сына Кучума Али) вместе с царевичем «Казачьей орды Салтаном» [20, с. 43, 66–68, и др.], т. е. Ураз-Мухаммедом. (Утверждать подобно А. Г. Нестерову, что Кучум предоставил этому султану убежище в Искере [7, с. 207, 209], нет оснований, хотя Ураз-Мухаммед и являлся пасынком самого известного сибирского хана [2, с. 62; 28, с. 10, 178, 346; 30, с. 329]. Опрометчиво и вслед за Е. А. Рябининой [30, с. 262] доверять сообщению РЛ, будто Карача вместе с Кучумом «выманил» Ермака из «града Сибири» «в засаду»).

Сравнительно недавно выяснилось, что после захвата Шибанидами власти в Искере в 1563 г. там начал править Ахмад-Гирей [14, с. 200–201; 30, с. 70]. Есипов, очевидно, не знал про этого хана, о котором сообщается в сибирско-татарском фольклоре и одном русском документе [28, с. 16, примеч. 2], к тому же Кучум царствовал «на Сибири» значительно дольше брата [см.: 30, с. 70], а жившие там татары, да и вогулы, башкиры, помнили о хане, «сбитом» «с куреня» «ермаковыми казаками», в течение многих десятилетий, вплоть до XIX в. [3, с. 290; 7, с. 485, 486; 28, с. 19, 23–24, 26–31, 58–59, 66, 72, 153, 154, 429, 430, и др.]. В «скаске» же йомышлы, ставшей, думается, известной автору протографа ОЕЛ и строгановской повести «О взятии Сибирских земли ...», видимо, шла речь о Тайбуге и его наследниках, среди которых подробнее всего сообщалось про Мамета, перенесшего столицу юрта из Чингидена (Чимги-Туры) в Сибир (Искер, Кашлык). Из этой «скаска», что кажется наиболее вероятным, анонимный летописец второй четверти

XVII в. мог узнать и о том, откуда прибыл в Сибирь «прегордый» Кучум, и про его «отчество». (Утверждение А. Г. Нестерова, будто «русские сибирские летописи обычно именуют» Муртазу «владельческой особой» [7, с. 203], должно считаться ошибочным, в них он всего лишь упоминается, причем без титулования, а в избилующей недостоверными сведениями РЛ, кроме того, сказано, что отец Кучума «много зла содеял» ногаям [7, с. 882; 20, с. 32, 38, 42, 48, 79, 81, 108, 119, 122, 125, 130, 180, 231, 232, 236, 244, 254; 21, с. 1, 19, 352–353; 24, с. 100, примеч. 54; 30, с. 270, и др.]).

Библиографический список

- 1 Абдиров М. Хан Кучум / М. Абдиров // Простор. – 1993. – № 9. – С. 207–223.
- 2 Беляков, А. В. Ураз-Мухаммед в Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. – С. 61–64.
- 3 Буцинский П. Н. Сочинения : в 2 т. / П. Н. Буцинский ; под ред. С. Г. Пархимовича ; сост. Ю. Л. Мандрика. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – 327 с.
- 4 Дмитриев А. Пермская старина : сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. – Вып. V. Покорение Угорских земель и Сибири / А. Дмитриев. – Пермь : Типография Н[аследни]ков П. Ф. Каменского, 1894. – XII + 220 + IV с.
- 5 Ерофеева И. В. Сведения о казахском народе и Казахстане в российских летописных и дипломатических источниках XVII – первой трети XVIII века / И. В. Ерофеева // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – Т. 2. – С. 12–32.
- 6 История земли Уватской. – Уват : б. и., 2000. – 239 с.
- 7 История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 1080 с., ил.
- 8 История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 1031 с., ил.
- 9 Кадырбаев А. Ш. Ермак и «взятие Сибири»: тюркский контекст / А. Ш. Кадырбаев // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Международной конференции. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. – С. 82–87.
- 10 Лалин Н. С. «Сибирский фактор» в казахско-русских переговорах 1594–1595 гг. / Н. С. Лалин // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. – С. 69–73.
- 11 Маслюженко Д. Н. Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 1555–1563 гг. / Д. Н. Маслюженко // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. – С. 50–55.
- 12 Маслюженко Д. Н. Условия и особенности реставрации власти Шибанидов в Сибири в 1560-е годы / Д. Н. Мас-

- люженко // Сулеймановские чтения : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции по теме «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке». – Тобольск : Изд-во ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2008. – С. 229–231.
- 13 Маслюженко Д. Н. Кучум / Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябина // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. К – Р. – С. 250–251.
- 14 Маслюженко Д. Н. Приход Шибанидов к власти в Искере в 1563 году: значение в истории и историографии Сибирского ханства / Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябина // Сулеймановские чтения (девятнадцатые) : всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Сохранение татарского языка, фольклора, традиций и обычаев в современных условиях» (Тюмень, 20 мая 2016) : труды и материалы / под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Х. Ч. Алишиной. – Тюмень : Изд-во «Печатник», 2016. – С. 198–202.
- 15 Менициков В. В. Досоветская отечественная историография истории западносибирской тюрко-татарской государственности / В. В. Менициков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. – С. 41–45.
- 16 Миллер Г. Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. I. – 630 с.
- 17 Нигматзянов И. Р. Имагология хана Кучума в Есиповской летописи и исторические реалии / И. Р. Нигматзянов // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. – С. 70–74.
- 18 Парунин А. В. Территории Тюменского ханства в описании западноевропейских авторов XVI в. / А. В. Парунин // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2019. – № 11. – С. 67–73.
- 19 Полное собрание русских летописей. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – Т. XIX. – XVI + 530 с.
- 20 Полное собрание русских летописей. – Москва : Изд-во «Наука», 1987. – Т. 36. – Ч. 1. – 382 с.
- 21 Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Изд-во «Александрия», 2008. – 10 + I + XXXI + I + 645 с.
- 22 Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – 330 с.
- 23 Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 234 с.
- 24 Солодкин Я. Г. К определению татарских источников первых русских летописных сочинений о Сибири и «Сибирском взятии» / Я. Г. Солодкин // Вестник «Альянс-Архео». – 2020. – Вып. 33. – С. 84 – 111.
- 25 Солодкин Я. Г. Начало присоединения Сибири к России и Казахское ханство (к интерпретации летописных известий) / Я. Г. Солодкин // Казахское государство и евразийское пространство: история и современность : сборник материалов XI Евразийского научного форума. – Астана : Изд-во ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2014. – С. 322–325.
- 26 Солодкин Я. Г. Сибирское летописание XVII – первой половины XVIII вв.: спорные и малоизученные вопросы / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2018. – 146 с.
- 27 Татауров С. Ф. К вопросу о формировании сибирских татар / С. Ф. Татауров // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. – С. 74–78.
- 28 Трепавлов, В. В. Сибирские царевичи в истории России / В. В. Трепавлов, А. В. Беляков. – Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2018. – 496 с.
- 29 Тычинских З. А. Взаимоотношения Московского царства и Сибирского юрта в 1550-х – начале 1580-х гг. / З. А. Тычинских, Д. М. Исхаков // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. – С. 204–215.
- 30 Тюменское и Сибирское ханства. – Казань : Изд-во Казанского федерального ун-та, 2018. – 560 с.

НУМИЗМАТИКА И АРХЕОЛОГИЯ

Р. Ю. Рева, г. Новосибирск, эксперт Министерства Культуры РФ)

Б. И. Леонов, г. Санкт-Петербург, независимый исследователь

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ ХОРЕЗМА ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ КУНГРАТСКИХ ЭМИРОВ (762–781 ГГ.Х. / 1361–1379 ГГ.)

Аннотация. Штемпельный анализ серебряных монет Хорезма 762–781 гг.х. позволил обновить нумизматическую картину этого региона. Для некоторых штемпельных сочетаний представлены историография прочтения и трактовки монетных легенд. Удалось исправить некоторые ошибки предшественников. Было обнаружено, что помимо анонимных эмиссий с религиозными формулами, приписываемых Кунградским эмирам Хорезма, были произведены «султанские» выпуски. С указанием даты 774 были выпущены монеты от имени Урусхана. В 775 г.х. были чеканены монеты от имени Шибанида Ильбака. В 780–781 гг.х. в Хорезме изготавливались монеты, где вместо указания имени эмитента проставлялся титул «Султан справедливый». Сравнение нумизматических данных со сведениями из письменных источников значительно дополняет картину исторических событий этого региона.

Ключевые слова: Хорезм, серебряные монеты, Кунградские эмиры, Урусхан, Ильбак, Шибаниды.

Annotation. Stamp analysis of silver coins of Khorezm AH 762–781 allowed to update the numismatic picture of this region. For some stamp combinations the historiography of the reading and interpretation of coin legends is presented. It was possible to correct some errors of predecessors. It was found that in addition to the anonymous issues with religious formulas attributed to the Kungrat emirs of Khorezm sultan's issues were produced. With the date 774 coins were issued with the name of Urus Khan. In AH 775 coins were minted on behalf of Shibanid Ilbak. In AH 780–781 in Khorezm coins were made, where instead of indicating the name of the issuer, the title "Sultan the Just" was affixed. Comparison of numismatic data with information from written sources made it possible to significantly complete the picture of the historical events of this region.

Keywords: Khwarizm, silver coins, Kungrat amirs, Urus Khan, Ilbak, Shibanid.

В статье 1965 года «Нумизматика Хорезма золотоордынского периода» Г.А. Федоров-Давыдов представил достаточно подробную картину монетных эмиссий этого региона [14, с. 179–224]. За прошедшее время была накоплена новая нумизматическая информация, были получены сведения о новых находках монет, были значительно усовершенствованы методы обработки нумизматического материала. Все эти обстоятельства привели к тому, что стал насущным вопрос о новых публикациях по заданной тематике с привлечением современных методик и с рассмотрением ранее недоступных нумизматических объектов.

Серебряные монеты, рассматриваемые в предлагаемой работе, произведены в Хорезме в 762–781 гг. х., этот период в научной литературе называется «Временем правления Кунградских Суфи» [5, с. 104]. Монетным эмиссиям, которые будут представлены в нашем исследовании, в указанной работе Германа Алексеевича уделено не очень много места. Описание их занимает менее одной страницы текста. Монеты этого периода были разделены исследователем на семь типов [14, с. 184–185]. Эскизы были представлены для шести монетных типов [14, с. 220–221, №№ 22–26, 28], приведены фотоизображения трех экземпляров [14, с. 224. Таб. VI, №№ 24, 25, 27].

В целях построения современной нумизматической картины Хорезма обозначенного периода авторами был проведен штемпельный анализ доступных нам изображений монет. В результате работы над материалом выяснилось, что некоторые описания в ука-

занной статье Г. А. Федорова-Давыдова не совсем точны, некоторые – неверны. Были обнаружены новые типы монет. В предлагаемой работе нами выделены следующие варианты эмиссий.¹

1-4. Анонимные, Хорезм 762 г.х. Вес: **1** – 1.50, 1.86, 1.93; **2** – 2.10; **3** – 1.85; **4** – 1.40, 1.76, 1.90, 2.00 г.

Л.с. Легенда А: «Нет бога кроме Аллаха. Мухаммад – посланник Аллаха», в сегментах – «узлы счастья»

О.с. Легенда I: «Чеканено в году 762. Хорезм», в сегментах – «узлы счастья»

Ф-Д 22.

5.6. Анонимные, Хорезм 763 г.х. Вес: **5** – 1.60, 1.80, 1.93; **6** – 1.70 г.

Л.с. Легенда А, в сегментах – «узлы счастья»

О.с. Легенда J, в сегментах – «узлы счастья»

У Ф-Д нет.

7.12. Анонимные, Хорезм 769 г.х. Вес: **7** – 1.67, 2.02; **8** – 0.99, 1.80; **9** – 1.80-2 шт.; **10** – 1.58, 1.78; **11** – 1.80; **12** – 1.82 г.

¹ Реконструкции штемпелей и штемпельных связей представлены на рисунках 1–3, изображения лучших по состоянию экземпляров монет – на рисунках 5–7 (нумерация соответствует номерам на схемах шт. связей). При описании монет указаны латинские литеры, которыми обозначены арабграфические легенды рисунка 4. В конце каждого описания отмечено, приведён ли такой вариант в работе «Нумизматика Хорезма золотоордынского периода» [14, с. 184–185], далее по тексту Ф-Д. Для каждого штемпельного сочетания указан вес монет в граммах (если он был известен).

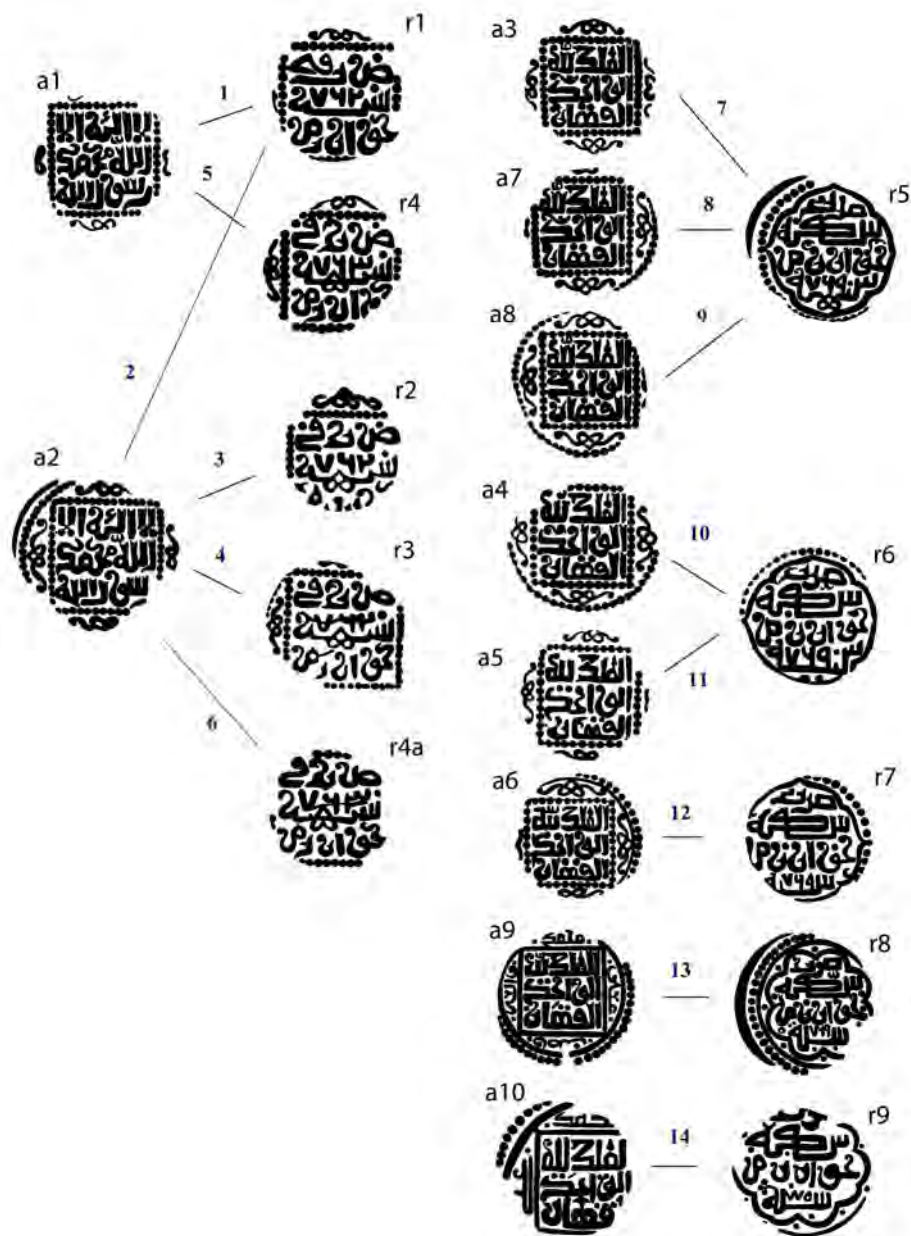

Рисунок 1 – Реконструкция штемпелей и штемпельные связи монет Хорезма

Л.с. Легенда D: «Власть Богу Единому, Всемогу-щему», в сегментах – «узлы счастья»

О.с. Легенда K: «Чеканена монета: Хорезм, год 769»

Ф-Д 23.

13. Анонимные, Хорезм 769 г.х. Вес: 1.60 г.

Л.с. Легенда D, в сегментах легенда Y

О.с. Легенда K

У Ф-Д нет.

14. Анонимные, Хорезм 770 или 775 г.х. Вес: 1.50 г.

Л.с. Легенда D, в сегментах легенда X: «Мухам-мад, 'Али ...»

О.с. Легенда L

У Ф-Д нет. Последняя цифра года исполнена в виде капли, что предполагает её трактовку как «пя-тёрки». Состав легенды и общее композиционное по-

строение как лицевой, так и оборотной сторон близко к эмиссиям 769 г.х. Однако легенда сегментов лицевой стороны и вес монеты ближе к выпускам середины 770-х г.х. Надеемся, что исследование синхронных золотых и медных выпусков Хорезма позволит точнее определить реальную дату чеканки таких монет.

15. Анонимные, Хорезм 772 г.х. Вес: 1.84 г.

Л.с. Легенда A, в сегментах – «узлы счастья»

О.с. Легенда N: «Чекан Хорезм, год 772»

У Ф-Д монета 772 г.х. помечена как тип 22, однако на известных нам экземплярах в легенде оборотной стороны, в отличие от монет типа Ф-Д 22, отсутствует предлог «фи».

16.17. Анонимные, Хорезм 773 г.х. Вес: 16 – 1.93; 17 – 1.39, 1.46 г.

Л.с. Легенда A, в сегментах – «узлы счастья» и «Абу Бакр ...»

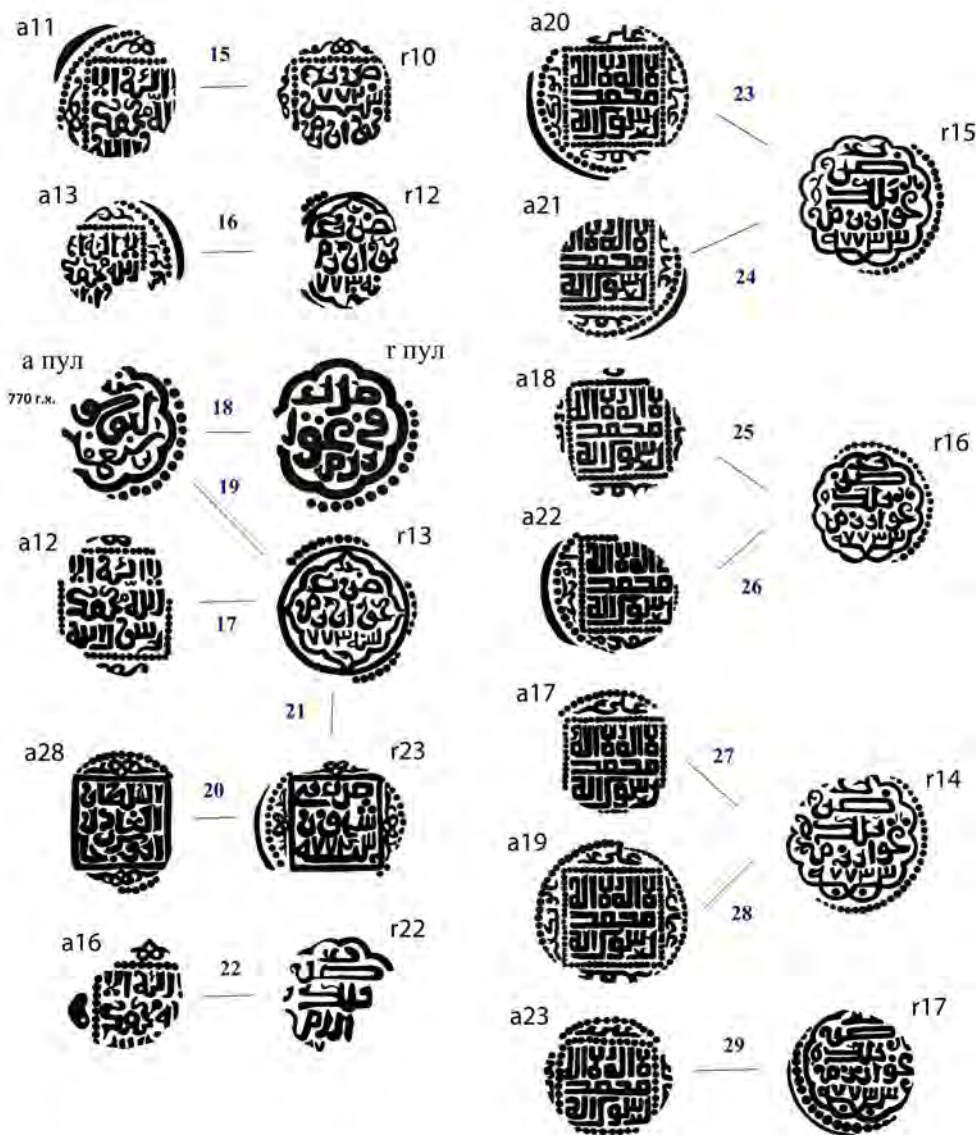

Рисунок 2 – Реконструкция штемпелей и штемпельные связи монет Хорезма

О.с. Легенда О: «Чекан: Хорезм, год 773»
Ф-Д 24.

18. Пул, анонимный, Хорезм 770 г.х. Вес: 3.10 г.
Л.с. Легенда Н: «Год семьсот семьдесят»
О.с. Легенда М: «Чеканено в Хорезме»

Этот пул добавлен в статью по причине того, что его л.с. штемпелем отчеканен мул №19 (см. ниже). Такой тип пула был опубликован в статье «Монеты с городища Шахерлик» с неверной атрибуцией «780 г.х.» [15, с. 123-124, № 59]. Приведённая в статье Г.А. Федорова-Давыдова прорисовка монеты не совсем точна, что послужило причиной неправильного прочтения года. Сделанная нами реконструкция штемпеля позволяет исправить эту ошибку. Можно добавить, что на следующей монете (№19), битой, по всей видимости, в середине 770-х гг.х., очень хорошо видно, что лицевой штемпель уже имеет значительную степень износа, что свидетельствует в пользу того, что сам штемпель был изготовлен задолго до 780 г.х.

19. Мул, Анонимный, Хорезм «770 / 773». Вес: 1.57 г.

Л.с. Легенда Н
О.с. Легенда О

20. Урусхан, 774 г.х. Вес: 1.39, 1.48 г.

Л.с. Легенда Е: «Султан справедливый Урусхан»

О.с. Легенда R: «Чеканено в месяцах года 774». В сегментах «узлы счастья»

У Ф-Д нет. Монета такого типа была загружена интернет-базу Zeno.ru в апреле 2018 года. А. О. Брагин правильно атрибутировал её как чеканку от имени Урусхана в 774 г.х. Чуть позже В. Н. Настич добавил, что, хотя на монете нет указания на монетный двор, общий стиль монеты выглядит как хорезмийский.¹ Предположение уважаемого Владимира Ниловича оказалось верным. Как мы видим, рассматриваемый вариант штемпельно связан с монетами Хорезма.

¹ URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=202500>. Дата обращения 01.05.2023 г.

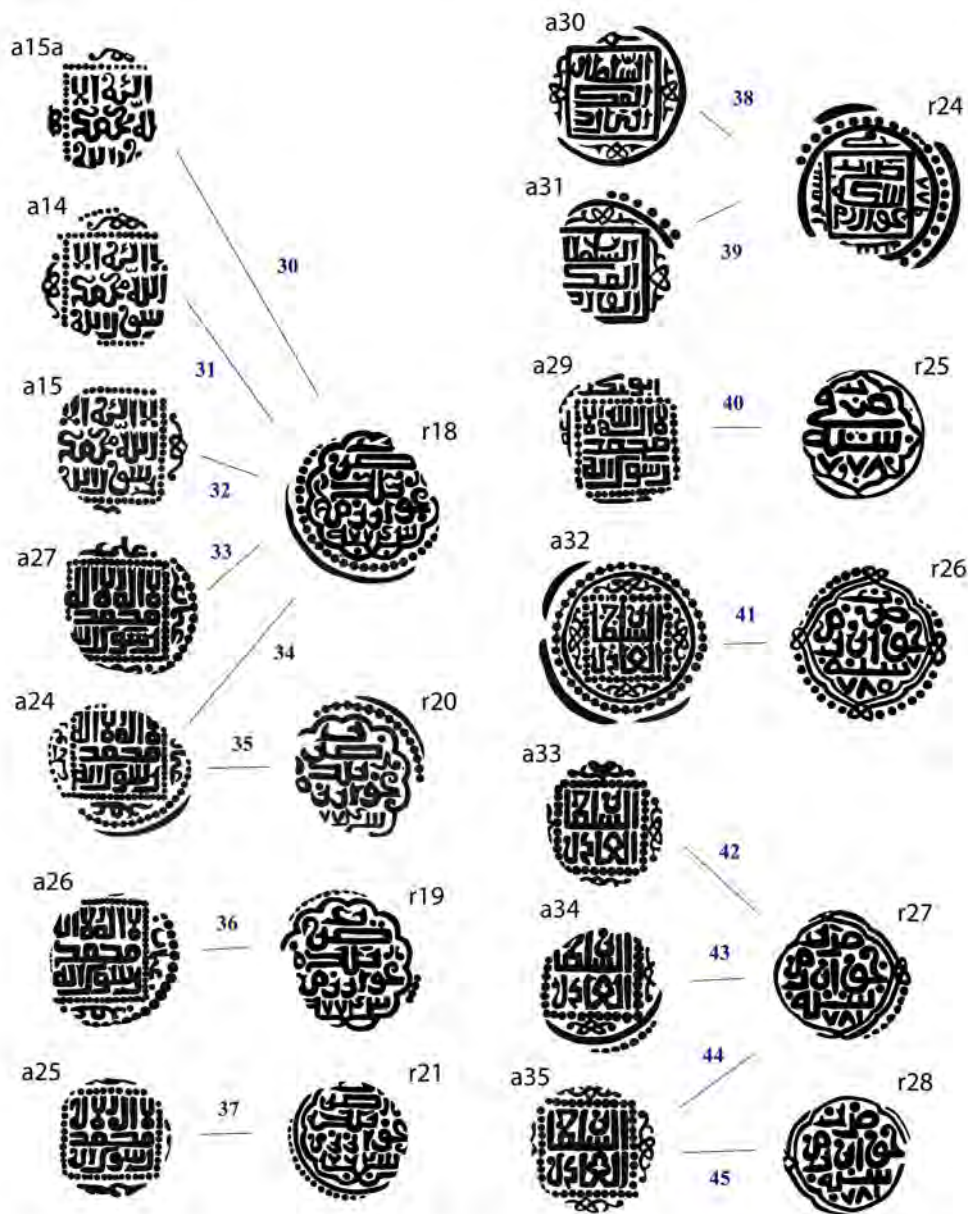

Рисунок 3 – Реконструкция итемпелей и итемпельные связи монет Хорезма

21. Мул, Анонимный, Хорезм 773 / 774 г.х. Вес: 1.27, 1.33, 1.38, 1.43 г.
Л.с. Легенда О
О.с. Легенда R
У Ф-Д нет.

22. Анонимные, Хорезм. Вес: 1.60 г.
Л.с. Легенда А, в сегментах «узлы счастья»
О.с. Легенда «Чеканено: город Хорезм ...»

23.29. Анонимные, Хорезм 773 г.х. Вес: **23** – 1.95, 1.98, 2.19; **24** – 2.00; **25** – 1.70, 1.90; **26** – 1.54, 1.98; **27** – 1.80; **28** – 1.76, 1.93; **29** – 1.97 г.
Л.с. Легенда С, в сегментах имени халифов W: «Абу Бакр, ‘Умар, ‘Усман, ‘Али»
О.с. Легенда Р: «Чеканено: город Хорезм 773 год»

Ф-Д 25. У Германа Алексеевича неверно показаны расположения имён халифов на аверсе, а также,

возможно, в результате опечатки не совсем верно передана легенда реверса: вместо «белдат» (город), в описании стоит «белед» (округа, область).

30-32. Анонимные, Хорезм 774 г.х. Вес: **30** – 1.80; **31** – 0.91, 1.64, 1.70; **32** – 2.01 г.
Л.с. Легенда А, в сегментах «узлы счастья»
О.с. Легенда Q: «Чеканено: город Хорезм 774 год»
У Ф-Д нет.

33-37. Анонимные, Хорезм 774 г.х. Вес: **33** – 1.80, 1.81; **34** – 1.68; **35** – 1.73, 1.85; **36** – 1.85; **37** – 1.07 г.
Л.с. Легенда С, в сегментах имени халифов W
О.с. Легенда Q: «Чеканено: город Хорезм 774 год»
Ф-Д 25. Те же замечания, что для вариантов 23-29.

38-39. Ильбак (Илфак), Хорезм 775 г.х. Вес: **38** – 1.66, 1.68, 1.79, 1.84; **39** – 1.60 г.

Легенды поля аверсов:		Легенды поля реверсов:	
A	لا اله الا الله محمد رسول الله	I	ضرب في ٧٦٢ سنة خوارزم
B	لا اله الا الله محمد رسول الله	J	ضرب في ٧٦٣ سنة خوارزم
C	لا اله الا الله محمد رسول الله	K	ضرب سكة خوارزم ٧٦٩ سنة
D	الملك لله الواحد القهار	L	ضرب سكة خوارزم ٧٧٥ سنة
E	السلطان العادل اروس خان	M	ضرب في خوا رزم
F	السلطان الفك العادل	N	ضرب ٧٧٢ سنة خوارزم
G	السلطان العادل	O	ضرب خوارزم سنة ٧٧٣
H	سنة سبعين و سبعمائة	P	ضرب بلدة خوارزم ٧٧٣ سنة
		Q	ضرب بلدة خوارزم ٧٧٤ سنة
		R	ضرب في اشهور ٧٧٤ سنة
		S	ضرب سكة خوارزم
		T	ضرب في سنة ٧٧٨
		U	ضرب خوارزم سنة ٧٨٥
		V	ضرب خوارزم سنة ٧٨١

Рисунок 4 – Легенды монет Хорезма 762–781 гг.х.

Л.с. Легенда F: «Султан Илфак справедливый». В сегментах «узлы счастья»

О.с. Легенда S: «Чеканена монета Хорезм». В сегментах легенда Z: «В месяцах года 775»

Впервые такие монеты (3 шт.) опубликовал М. Е. Массон при описании клада из 475 монет, найденных в 1928 году в Термезе. Михаил Евгеньевич ошибочно посчитал, что эти монеты чеканены в 688 г.х. неким «Султаном Ахмедом» [7, с. 54, 62]. В работе 1965 года Г. А. Федоров-Давыдов резонно заметил, что «такой датировке противоречит стиль монет и их вес» [Ф-Д, 1965. С. 185]. Герман Алексеевич указал, что дату, проставленную в легенде монеты, следует читать как 775 или 779 г.х. Эмитентом этих монет Г. А. Федоров-Давыдов продолжал называть некоего хана Ахмеда, заметив, что «хан Ахмед неизвестен в истории Золотой Орды и встречается только на этих монетах (sic! - ?? P.P., Б.Л.)» [14, с. 185, № 26]. Для нас непонятно, почему исследователь не попытался по-другому прочесть имя эмитента. Очевидно, что последнюю букву имени правителя невозможно воспринимать как даль. Длинный горизонтальный харф подсказывает, что это буква каф. Новую трактовку имени предложили в совместной публикации один из авторов этих строк и А. О. Брагин, предположив, что на монетах начертано имя Шибанида Ильбака, отца Каганбека, которое передано в форме Илфак, т. е. так, как оно записано в сочинении Утемиша-хаджи «Чингиз-наме»¹, а дату

на монетах следует читать как 775 г.х. [9, с. 142; 11, с. 117, 215]. В 2021 году авторы этих строк совместно с Ф. В. Ермоловым опубликовали статью, в которой на основании штемпельного анализа монет и изучения текстов письменных источников пришли к выводу, что в 775 г.х. ханом Шибанидов стал Ильбак, сменив на троне своего брата Пулада-Ходжу, сына Минг-Тимура [6, с. 81–82].

40. Анонимные, 778 г.х. Вес: 1.04, 1.18 г.

Л.с. Легенда B, в сегментах имени халифов

О.с. Легенда T: «Чеканено в году 778»

У Ф-Д нет. Хотя на этом типе монет не указано место чеканки, однако общий стиль монет подсказывает, что бита она хорезмскими мастерами².

41. Анонимные, Хорезм, 780 г.х. Вес: 1.18, 1.21, 1.33, 1.51 – 2 шт., 1.54 г.

Л.с. Легенда G: «Султан справедливый». В сегментах «узлы счастья»

О.с. Легенда U: «Чекан: Хорезм. Год 780»

Ф-Д 27.

42.45 Анонимные, Хорезм, 781 г.х. Вес: 42 – 1.42; 43 – 1.21, 44 – 1.40; 45 – 1.43 г.

Л.с. Легенда G: «Султан справедливый», в сегментах «узлы счастья»

сوناжа показано как Илгак [12, с. 57, 131], однако при изучении факсимиле средневековых текстов [см. 1, с. 352; 12, с. 221] становится понятно, что в обоих случаях транскрипция была сделана неверно, так как в самих рукописях имя начертано как Илфак (алиф-йа-лам-фа-алиф-каф).

2 Можно сравнить также с медной монетой Хорезма. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=6416> (дата обращения: 01.05.2023).

1 В 2014, 2016 и 2018 гг. были опубликованы факсимиле, транскрипции и переводы средневековых сочинений «Умдет ал-ахбар» и «Кара-таварих», которые подтверждают версию Ревы-Брагина. Хотя в транскрипции и переводе «Умдет ал-ахбар» имя Шибанида, отца Канбая, передано как Ильган [1, с. 86; 2, с. 63], а в транскрипции и переводе «Кара таварих» имя этого пер-

Рисунок 5 – Монеты Хорезма 762-773 гг.х.

О.с. Легенда V: «Чекан: Хорезм. Год 781»
Ф-Д 27.

Описывая монеты, мы не отмечаем для каждого конкретного штемпеля тип почерка, которым исполнены монетные легенды. Однако даже беглого взгляда на реконструкцию штемпелей достаточно, чтобы заметить, что часть надписей исполнено почерком процветший куфи (1–17, 22, 30–32 и др.). Для оформления другой части монет был использован квадратный (архитектурный) куфи (aversы 23–29, 33–37, 40).

При обработке материала нам пока не встретился тип Ф-Д 25 с годом 777 г.х. и словом «мадинат» вместо «балдат» в легенде оборотной стороны¹, а также тип Ф-Д 28 (с добавлением предлога «фи» в легенду оборотной стороны).

Добавим, что слово «Хорезм» в монетной легенде следует воспринимать как наименование эмиссионного центра, находившегося на территории «страны Хорезм», т. е. не обязательно только столицы. Слово сочетание «Балдат Хорезм» в то время являлось обозначением главного города – Ургенча.

Обсуждение материала

С 691 по 762 г.х. в Хорезме чеканились серебряные монеты с указанием имён Джучидских ханов: Токты, Узбека, Джанибека, Бердибека, Кульпы, На-

вруза и Хызра. Однако с 762 г.х. монетарии Хорезма перестали проставлять на монетах имена правителей Золотой Орды, заменив в легенде имя и титул хана на религиозные формулы.

Отсутствие имён Джучидских правителей может быть объяснено, как невозможностью для монетариев указать точно, кто в текущий момент должен считаться правителем Джучидского государства, так и стремлением Кунградских правителей Хорезма к самоопределению этой территории в условиях перманентной гражданской войны, захлестнувшей страну после смерти Бердибека. Замену на монетах имени султана религиозным изречением большинство исследователей связывали с тем, что так кунградские правители, взяв курс на создание собственного теократического государства в границах исторического Хорезма, показывали, что власть им дана напрямую от Бога, минуя светских сюзеренов [3, с. 154–155; 14, с. 185]. В 1929 году М. Е. Массон писал: «Появление в конце 762 года анонимной монеты знаменует собой начало самостоятельности Хорезма под властью правителей династии Суфи из отуреченного монгольского рода Кунград» [7, с. 63]. В 1960 году Б. И. Вайнберг опубликовала статью «К истории Кунградских Суфи», где представила историю этой династии [5, с. 104–114]. Впоследствии в некоторых нумизматических каталогах монеты Хорезма изучаемого периода

¹ Возможно, так в Ф-Д была определена монета разновидности 37.

Рисунок 6 – Монеты Хорезма 773–774 гг.х.

стали рассматриваться как эмиссии некоего отдельного государственного образования [18, р. 225].

Однако существует и другая точка зрения. С. А. Янина считала, что эмиры Хорезма в этот период не пытались намеренно отделиться от Джучидского государства. «Основной задачей было – продержаться до лучших времен, избежать присоединения к государству Тимура» [17, с. 59]. «Выделение монетного чекана Хорезма 760–770-х гг.х. из чекана Золотой Орды в самостоятельную группу не имеет оснований...» [17, с. 60]. Для того чтобы приблизиться к решению поставленного вопроса, рассмотрим известные из письменных источников, сравнив их с представленными выше нумизматическими фактами.

Правителем Хорезма с 743 г.х. был Хасан-Суфи, назначенный сюда Джанибеком [13, с. 69]. Дата смерти этого эмира пока неизвестна, однако тюркоязычные источники сообщают, что во время воцарения Хызра, сына Мангута, что происходит на 761 г.х., правителем Хорезма был уже «сын Кунграт Нангудая Ак-Хусейн-бек» [1, 2014. с. 81, 356; 2, 2018. с. 59; 12, с. 52, 126, 232]. Низам ад-Дин Шахи писал: «Когда Тимур освободил государство из рук чужеземцев (771 г.х. – Р.Р., Б.Л.) ...власть в государстве передал роду Чагатай и восстановил их правила, прошло уже 5 лет, как эмир Хусейн-Суфи захватил Кят и Хиву» [8, с. 514], т. е. Хусейн-Суфи распространил свою власть на эти некогда чагатайские владения примерно

в 766 г.х. Нам, к сожалению, пока доподлинно неизвестно, были ли Хасан-Суфи и Ак-Хусейн-Суфи родственниками, а также Ак-Хусейн-Суфи и Хусейн-Суфи – это один и тот же или два разных человека. О событиях в Хорезме начиная с 773 г.х. можно подчерпнуть некоторые сведения в персидских сочинениях. Во время Первого похода Тимура на Хорезм Хусайн-Суфи умер, его преемником стал его брат Йусуф-Суфи, который заключил мир с Тимуром, пообещав отдать в жены сыну Тимура Джахангиру дочь Ак-Суфи, которая была внучкой хана Узбека по материнской линии. В Рамадане 774 г.х. амир Тимур совершил Второй поход на Хорезм ввиду несоблюдения Йусуфом-Суфи условий договора [16, с. 74-78].

Как мы видим из штемпельных раскладок, в монетном производстве Хорезма в 774 г.х. произошли некоторые изменения. В одну штемпельную гребёнку вместе с аутентичными штемпелями Хорезма входят штемпели монет с именем Джучида Урусхана, который контролировал в это время Сыгнакские территории государства. Объяснить ситуацию можно либо тем, что в это время Хорезмские власти самостоятельно приняли решение считать своим сюзереном этого Тукатимурида, т. е. искали в нём поддержку против амира Тимура, либо тем, что войска Урусхана совершили поход на Хорезм и принудили к такому решению местных правителей. На самих монетах Урусхана монетного двора Хорезм не указано.

Рисунок 7 – Монеты Хорезма 774–781 гг.х.

Цепочка с именем Урусхана и легендой «Чеканено в месяцах года 774» включает в себя лишь ранние штемпели (770 и 773 г.х.). Большинство других штемпелей с датой 774 соединены с штемпелями с Калимой. Если внимательно посмотреть на вес серебряных монет штемпельной связки, в которую входят монеты Урусхана (№№ 18–21), то очевидно, что они чеканены по весовой норме значительно меньшей, чем монеты 772 и 773 г.х. (№№ 5–16 и 23–29), и даже меньшей, чем монеты, уверенно относимые к 774 г.х. (№№ 30–36). Это обстоятельство наталкивает на мысль, что возникновение причин, вызвавших появление «урусхановых» монет, произошло либо в начале 774 г.х., затем ситуация вернулась в привычное русло, и выпуск анонимных монет продолжился, либо монеты были чеканены в другом месте нежели Хорезм. В настоящее время трудно сказать, до или после Второго похода Тимура на Хорезм произведены «хорезмские» выпуски Урусхана, но мы полагаем, что эти события взаимосвязаны. Одно из них явилось следствием второго.

В 775 г.х. внучку Узбека Севинбек привезли из Хорезма и выдали замуж за Джахангира [16, с. 78]. В этом году после смерти брата Пулада-Ходжи ханом Шибанидов стал Ильбак [6, с. 81–82]. Заметив претензии Урусхана, его соперника на верховенство в Улусе Джучи, на Хорезм, а затем сближение кунградских правителей Хорезма с чагатаями, Ильбак, контролировавший тогда североказахстанские земли, не мог не отреагировать. Видимо, «хорезмские» эмиссии Ильбака являются следствием этих событий.

Монеты 775 г.х. с именем Ильбак хотя и несут в своей легенде указание Хорезма, однако стиль и почерк заставляют задуматься, могли ли они быть изготовлены в самом Ургенче? Скорее всего, придя к власти, Ильбак, будучи правителем Сарайчука, начал выказывать претензии на другие территории государства, в том числе на Хорезм. Действительно Ильбак

овладел какой-то частью Хорезма или только отчеканил монеты, на которых обозначил свои претензии, или какие-то части Хорезма самостоятельно признали его власть, определить по монетам пока не представляется возможным. Выпуски с именем Ильбака изолированы, почерк отличен от почерка основных эмиссий Хорезма.

Время смерти Ильбака точно неизвестно, но в 777 г.х. монеты в Сарае-ал-Джадида уже чеканил его сын – Каганбек (Каганбай, Каан-бай).¹ В начале этого года амир Тимур совершил свой Третий поход на Хорезм, что также может быть связано с известием о смерти сильного соперника. Поход не был доведен до логического завершения в связи с мятежом джалаирских и кипчакских эмиров в войске Тимура. В этом же году умер Джахангир, сын Тимура. В следующем 778 г.х. Тимур объявил ханом недавно приехавшего к нему Джучида Токтамыша и направил последнего на войну с Урусханом.

На представленных монетах 778 г.х. отсутствует указание на место чеканки, хотя хорезмский стиль – очевиден. Лицевая сторона (как и хорезмские эмиссии 773–774 г.х.) исполнена почерком квадратный куфи, содержит Калиму и имена четырех первых халифов, обратная – близка к медным выпускам Хорезма того же 778 г.х. Возможно, как и в ситуации 774 г.х. с монетами Урусхана, монеты 778 г.х. произведены хорезмскими мастерами при каких-то особых обстоятельствах. Напомним, что в 778 г.х., воспользовавшись отсутствием в центральных землях Мавераннахра амира Тимура, воевавшего тогда на Сыр-Дарье с Урусханом, Йусуф-Суфи посылал отряды на разграбление Бухары [16, с. 88].

В начале 779 г.х. умер Урусхан. Всё большую силу при поддержке Тимура обрел Токтамыш. Появились и другие сильные претенденты на власть.

¹ URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=4623> (дата обращения: 01.05.2023).

Это отразилось на монетных эмиссиях Хорезма. Так на монетах 780 и 781 гг.х. религиозная формула была заменена легендой «Султан справедливый», что свидетельствует о том, что Хорезмским властям пришлось отказаться от идеи самостоятельного государства (если таковая вообще была), и теперь они были вынуждены указывать, что служат «султану», правда, в тот момент предпочли не указывать точно какому. В это время борьба за власть в этом регионе была наиболее острой. Претендентами были ханы-Шибаниды Каганбай и Арабшах, ханы-Тукатимуриды Токтамыш, Тимур сын Кутлуг-Тимура (потомок Нугмана), Тимур-Малик (сын Урусхана). Ещё одним султаном, претендовавшим на Хорезм, был ставленник амира Тимура на Чагатайском троне – Угедей Суйюргатмыш. В такой ситуации, действительно, самым разумным было продолжать выпускать анонимные монеты, сместив акцент с того, что власть Кунградским эмирам делегируется напрямую от Аллаха, минуя мирских султанов.

Вскоре ситуация с анонимными выпусками решилась сама собой. В 781 г.х. во время Четвёртого похода Тимура на Хорезм и трёхмесячной осады Ургенча умер Юсуф-Суфи. Его наследником был Ходжа-Лак, однако внутри города одержали верх сторонники Байнака-Суфи, Ходжа-Лак бежал к Тимуру, которому удалось захватить Ургенч. Город был разграблен, ремесленники и ученые переселены в город Кеш [5, с. 106; 17, с. 44]. Начиная с 781 г.х. эмиссии Хорезма снова стали именованными. На серебряных монетах появились имена ханов Токтамыша¹, Суйюргатмыша и амира Тимура², на золотых – Суйюргатмыша и Тимура [4, с. 263–264].

В заключение авторы хотели бы заметить, что они вслед за С. А. Яниной считают, что не следует рассматривать Хорезм 760-770-х гг.х. как некоторое особое государственное образование, не входившее в то время в состав Золотой Орды. Тем более неверно рассматривать монетные эмиссии Хорезма как нечто отдельное по отношению к организации монетного дела в государстве Джучидов. В 770-е гг.х. в Сарая также некоторое время чеканились монеты без указания имени правителя, но с религиозными формулами [10, с. 51–53]. Надеемся, ни у кого из исследователей не возникнет соблазна объявить, что вилайет Сарай вышел в это время из состава Улуса Джучи? Очевидно, что на протяжении всей истории Джучидского государства в каждом Улусе империи существовал собственный способ организации монетного дела. Иногда происходили попытки унификации денежного производства. Однако по прошествии какого-то времени по разным причинам монетное дело снова разбивалось на отдельные зоны, стандарты чеканки в которых были отличными от стандартов других частей государства. Именно это и произошло с эмиссиями Хорезма в описываемое время. Отсутствие имён

ханов на монетах в это время, скорее, следствие невозможности для правителей Хорезма определить точно, кто из многочисленных враждующих друг с другом Джучидов, объявивших себя ханами, является законным правителем всего государства. Действия же самих эмиров с очевидностью показывают, что они с неохотой и только под военным давлением шли на какие-то уступки Тимуру, изменяя ему и проявляя враждебность при малейшей возможности. Отношение к Джучидам было совершенно иным. Это демонстрируют и монетные выпуски с их именами, и синхронные с Джучидами военные действия правителей Хорезма против Тимура. Да и сам амир Тимур в это время не стремился забрать в свою пользу какие-то куски Джучидской державы, ограничиваясь пока стремлением сделать главой этого государства всем обязанного ему Джучида. Конфликт с Хорезмом первоначально возник по причине того, что некоторые части исторического Хорезма (Кят, Хива, кварталы Каана в Ургенче и др.), отданные в своё время Чингизханом другим сыновьям, в середине 760-х гг.х. вернулись под власть правителей Ургенча. Таким образом, Тимур сначала действовал под знаменем «восстановления целостности» державы Чагатаидов. Добившись своего, Тимур перестал чеканить в Ургенче собственную монету не позднее 783 г.х. [4, с. 266], передав город «законному» Джучиду – Токтамышу.

Таким образом, бессмысленно выделять в отдельное государство какую-то часть страны, рассуждая о возможных намерениях правивших там эмиров, так как в итоге такого отделения не произошло. В других частях Джучидского государства в это время происходили схожие явления. Поэтому, объявив одну из частей Джучидской империи отдельным государственным образованием, исследователь неминуемо столкнется с тем, что ему придётся поступить так же с остальными частями державы. В 760-770-х гг.х. государство прошло период раздробленности и гражданских войн, однако внутри страны и за её пределами продолжала жить идея единой Джучидской империи. И, действительно, буквально через несколько лет после рассмотренных событий это государство снова будет собрано под властью одного хана. Причём большая часть золотоордынской элиты признали верховным правителем Токтамыша без военного принуждения. «Люди, которые повсюду в вилайате Дешта своевольно подняли головы, волей-неволей явились сами и покорно стали нукерами» [12, с. 59]³.

Что касается другого тезиса уважаемой Светланы Алексеевны о том, «что “династии кунградских Суфи” не существовало» [17, с. 60], то авторы с осторожностью относятся к столь категоричному высказыванию. С. А. Янина заметила, что приставка к имени «Суфи» была достаточно распространена среди золотоордынской элиты. «Другими словами – из одного добавления к имени “Суфи” вовсе не следует,

1 URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=134877> (дата обращения: 01.05.2023).

2 URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=48732&cat=9851&ppuser=&sortby=d&way=desc> (дата обращения: 01.05.2023).

3 Стоит заметить, что на периферии и за пределами Империи остались некоторые представители золотоордынской элиты, не признавшие верховенство Токтамыша.

что то или иное лицо следует отнести к членам “династии Суфи”» [17, с. 48]. Заметим, что имена эмиров Хорезма XIV века, правивших один за другим были Хасан-Суфи, Ак-Хусейн-Суфи, Хусейн-Суфи, Йусуф-Суфи, Байнак-Суфи, Сулейман-Суфи и т. д. Для большинства из них доказано, что они происходили из племени Кунграт и были родственниками. Непрерывность правлений родственников-эмиров Хорезма с приставкой к имени «Суфи» не может быть объяснена простой распространённостью такой приставки. Налицо как раз династическая преемственность.

Библиографический список

- 1 Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу / Абдулгаффар Кырыми. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 420 с.
- 2 Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Абдулгаффар Кырыми ; перевод с османского Ю. Н. Каримовой, И. М. Миргалеева. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 200 с.
- 3 Бартольд В. В. Сочинения. Том II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / В. В. Бартольд. – Москва : Издательство Восточной литературы, 1963. – 1020 с.
- 4 Брагин А. О. Золотые монеты Хорезма амира Тимура / А. О. Брагин, Р. Ю. Рева, И. Д. Дитятовский // Российский конгресс по нумизматике. – Москва : Издательство «Наука», 2023. – С. 260–267.
- 5 Вайнберг Б. И. К истории Кунгратских Суфи / Б. И. Вайнберг // Материалы Хорезмской экспедиции / под общ. ред. С. П. Толстова. Вып. 4. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 году. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 104–114.
- 6 Ермолов Ф. В. О правителях третьей четверти XIV века с именем «Пулад». Монеты Пулад-Ходжи / Ф. В. Ермолов, Р. Ю. Рева, Б. И. Леонов // Сибирский сборник. – Тобольск : Тобольская типография, 2021. – Вып. 6. – С. 60–88.
- 7 Массон М. Е. Монетный клад XIV века из Термеза // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета / Массон М. Е. – Вып. 18. – № 7. – Ташкент : САГУ, 1929. – С. 53–68.
- 8 Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т.1 VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. – Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1939. – 612 с.
- 9 Рева Р. Ю. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным. (Часть 1. События 773–781 годов Хиджры) / Р. Ю. Рева, А. О. Брагин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. № 7: Археология и этнография. – С. 140–148.
- 10 Рева Р. Ю. Тростянский О. В. О чекане Сарая ал-Джедид в 70-е гг. XIV века / Р. Ю. Рева, О. В. Тростянский // Тезисы 17 Всероссийской нумизматической конференции. – Москва : Триумф принт, 2013. – С. 51–53.
- 11 Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле / перевод, транскрипция, исследование В. П. Юдина. – Алма-Ата : Гылым, 1992. – 296 с.
- 12 Утемиш-хаджи. Кара таварих / транскрипция И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова ; пер. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.
- 13 Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи / Фасих Хавафи. – Ташкент : Фан, 1980. – 348 с.
- 14 Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода / Г. А. Федоров-Давыдов // Нумизматика и эпиграфика. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1965. – Т. 5. – С. 179–224.
- 15 Федоров-Давыдов Г. А. Монеты с городища Шахерлик / Г. А. Федоров-Давыдов // Этнография и археология Средней Азии. – Москва : Издательство «Наука», 1979. – С. 122–126.
- 16 Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / пер., предисловие, комментарии и карта А. Ахмедова. – Ташкент : Издательство журнала «SAN'AT», 2008. – 486 с.
- 17 Янина С. А. Золотые анонимные монеты Хорезма 60–70-х гг. XIV века в собрании Государственного исторического музея / С. А. Янина // Нумизматический сборник ГИМ. – Москва : ГИМ, 1971. – Ч. IV. – Вып. III. – С. 25–76.
- 18 Album S. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. – Santa Rosa: Stephen Album Rare Coins, 2011. – 324 p.

ТЮРКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В X–XV ВЕКАХ – АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

Аннотация. Изучение процессов формирования тюркоязычного населения Западной Сибири в настоящий момент является одной из основных задач воссоздания этнической истории региона II тыс. н.э. Археологические материалы позволяют говорить об определенном единстве населения лесостепной зоны в интересующее нас время. Но остается разрыв в изучении территорий Южной Сибири – Алтая и Верхнего Иртыша и лесостепи Западной Сибири. Без решения этой проблемы воссоздание этнических процессов формирования сибирских татар остается проблематичным.

Ключевые слова: Сибирь, тюркизация, археология, сибирские татары.

Annotation. The study of the processes of formation of the Turkish-speaking population of Western Siberia is currently one of the main tasks of reconstructing the ethnic history of the region in the 2nd millennium AD. Archaeological materials allow us to speak of a certain unity of the population of the forest-steppe zone at the time of interest to us. But there remains a gap in the study of the territories of Southern Siberia - Altai and the Upper Irtysh and the forest-steppe of Western Siberia. Without solving this problem, the reconstruction of the ethnic processes of the formation of the Siberian Tatars remains problematic.

Keywords: Siberia, Turkization, archaeology, Siberian Tatars.

Формирование тюркоязычного населения во II тыс. н. э. в лесостепной полосе Западной Сибири в настоящее время является одной из основных проблем средневековой истории этого региона. По факту на момент присоединения Сибири к Российскому государству здесь проживало несколько групп населения, отличающихся по языку, некоторым чертам культуры и хозяйства, которые сложились скорее в результате административного деления территорий русской администрацией, чем природными условиями или разными местами выхода со своих прежних мест проживания. Совершенно прав Д. М. Исхаков, говоря, что «в XVI в. сибирско-татарская общность уже существовала» [2, с. 145]. Мы этот тезис отразили в своей работе, но объяснения этого в силу разных причин не сделали. Прежде всего, из-за того, что в этом исследовании нам было отведено время, когда русские уже перевалили через Уральские горы [9]. Приводимое исследование частично восполняет этот пробел.

Для XVI–XVII вв. описание аборигенного населения Сибири облегчается наличием русских источников, при определенной корреляции имеются достаточно точные данные о численности и местах проживания отдельных групп тюркоязычного населения, их хозяйственных занятиях и особенностях культуры. Это в свое время позволило Н. А. Томилову представить сибирских татар в виде нескольких локальных этнических объединений [11]. Но это была фиксация населения уже с опорой на русские источники, а для более раннего периода глубина исторической памяти тюркоязычного населения была недостаточной. «Курдаки (курдакско-саргатские татары – С. Т.), на наш взгляд, в какой-то мере могут быть ассоциированы с курчаками, древним тюркским населением Саяно-Алтайского нагорья, но тогда

остаются неясными время и пути проникновения их в Среднее Прииртышье» [12, с. 43]. Для X–XV вв. русских документов практически нет, и о ситуации в Сибири можно только находить крупицы информации в письменных источниках, относящихся к Средней Азии и другим сопредельным территориям. Удревнение тех или иных конструктов этнической истории с опорой только на письменные и этнографические источники не очень надежно. В качестве примера можно привести попытки отнести распространение ислама в Томском Приобье на более раннее время – к концу I тыс. н. э. [1].

Археологические материалы раскопок памятников первой половины II тыс. н. э. достаточно информативны, археологические исследования комплексов этого времени в Западной Сибири были весьма масштабны и могли бы многое дать в плане воссоздания этнических процессов этого времени. Но... Произошло наложение нескольких факторов, которые в отличие от предшествующей эпохи раннего железного века, когда были выделены кулайская и саргатская культурно-исторические общности, объединившие практически всю лесостепную и таежную зоны Западной Сибири, привели к появлению большого количества локальных археологических культур и, как следствие, отсутствию общего понимания картины расселения в период средневековья.

В. И. Матющенко, характеризуя эпоху средневековья, писал: «Бурные политические события в Центральной Азии, Южной Сибири и на Дальнем Востоке в период VI–XIII/XIV вв. и позднее сопровождались очень широкими вторжениями тюрков (разных государственных образований) и монголов в соседние регионы. Эти вторжения имели разные последствия и протекали в разных формах» [3, с. 194]. К большому сожалению, созданные учеными

локальные археологические культуры – устьишимская, юдинская, бакальская, релкинская, басандайская и многие другие, привели к определенному культурно-хронологическому разрыву пришедшего в лесостепную и южнотаежную зоны Западной Сибири тюркского мира. Выделенные по ряду идентичных признаков, но на «своих» территориях они и в настоящее время препятствуют объединению археологических материалов в единое культурное пространство. Следует признать, что каждый регион в силу природно-географических и исторических реалий имел свою специфику, что и позволило ограничить ареалы этих культур, например, Приобье или Прииртышьем, но практически во всех случаях в основе их носителей находится тюркоязычное население. Фактически все население этих зон говорило на одном языке и имело в своей основе одну культуру. С течением времени приход новых волн южных мигрантов приносил определенные новшества в расселение будущих сибирских татар, отражавшихся в постепенном продвижении на север и более структурированной системой землепользования на ранее занятых землях.

На рубеже I и II тыс. «границы тюркского культурного пространства сдвигаются в районы Приуралья, Центрального Казахстана и восточноевропейских степей» [7, с. 66]. В бассейнах Иртыша и Оби, Тобола и Ишима в лесостепной зоне к концу XIV в. сформировалось весьма многочисленное тюркское в своей основе население, структурированное в виде родовых и племенных объединений. В каждом из наиболее плотно заселенных районов появляются ставки местных правителей, в наиболее удобных местах, на пересечении торговых путей они постепенно превращаются в достаточно многочисленные поселения (только отсутствие ремесленного производства не позволяет их считать в полной мере городами). В Прииртышье поселения этого времени насчитывают до ста жилищных комплексов [4, с. 226–228] и такие же погребальные комплексы, например, Ирчинский курганный могильник насчитывает более ста пятидесяти курганов.

Отличительной чертой средневековых археологических материалов лесостепи Западной Сибири является единство культурно-хозяйственного типа (КХТ) населения. Я уже писал об определенном единстве погребального обряда лесостепной зоны Западной Сибири, как наиболее традиционном культурном признаке [10]. Деревянные надмогильные (могильные) сооружения, которые постепенно трансформируются от ящиков, по подобию каменных ящиков, в надмогильные срубы, характерные для XVII–XVIII вв. и увенчивающие могилы в настоящее время. Огонь, как неперенный атрибут обряда, фиксируемый на обгоревших деревянных конструкциях, как выражение основной мифологемы тюрков. Характерной чертой обряда является присутствие культа лошади в захоронениях: частично скелета – голова и конечности или шкура и упряжи – удила, стремяна, уздечки.

В этом же ключе следует рассматривать жилища этого пришлого населения – наземные, каркасно-столбовые с использованием больших полотен из бересты, кож и пр. Б. А. Коников отмечал, что по мере продвижения на север жилые объекты из-за более сурового климата получают особенность постепенного заглубления в землю и распространения срубных конструкций [5, с. 418–430]. Важен момент дробления больших поселений (более 80 жилых комплексов), о чем написано выше, по мере продвижения в северную лесостепь и юг тайги на более мелкие, состоящие из 5–10 жилищных комплексов. Кормовые угодья и условия содержания животных в более суровом климате не могли выдержать многочисленные стада, поэтому населению приходилось разукрупнять хозяйства.

Керамика, служащая основным маркером для более ранних эпох бронзы и раннего железного века, остается значимым элементом культуры для тюркского мира в лесостепи Западной Сибири и во время развитого средневековья. Но перестает быть в полной мере культурообразующим элементом, так как является фактом смешения собственно тюркской керамической традиции (для которой характерна грубая слабоорнаментированная малопрофилированная посуда) и местных сибирских традиций (со сложноорнаментированной и хорошо профилированной керамикой). Поэтому при описании посуды II тыс. н. э. характерны термины, показывающие низкий уровень изготовления посуды и небрежность в нанесении известных местных орнаментов. Но именно эта грубоватая посуда является одним из связующих элементов тюркоязычного населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв. [6].

В результате можно констатировать: территория лесостепной зоны Западной Сибири была заселена этнически близким населением с одинаковым КХТ. Этнические группы во многом сохранили между собой социально-экономические связи как в Сибири, так и с местами выхода – предгорьями Алтая и Верхним Иртышом. Эта ситуация сохранилась до конца XVI в., то есть до присоединения Сибири к Московскому царству. Только территориально-административное деление Сибири российским государством нарушило эти связи и привело к обособлению этнических групп татар.

В настоящий момент основной проблемой в изучении этногенеза тюркоязычного населения Западной Сибири является исследование материалов археологических комплексов II тыс. н. э., располагающихся в поясе южной лесостепи Западной Сибири. Без этих материалов прояснить ситуацию с формированием сибирских татар весьма проблематично.

Библиографический список

- 1 Водясов Е. В. Первые мусульмане в Томском Приобье: гипотезы и дискуссии / Е. В. Водясов, О. В. Зайцева // *Былые годы*. – 2018. – Вып. 50 (4). – С. 1347–1353.
- 2 Исхаков Д. М. *История и специфика формирования насе-*

- ления (до середины XVI в.) / Д. М. Исхаков // Тюменское и Сибирское ханство. – Казань : Изд-во Казан, 2018. – С. 141–145.
- 3 Матющенко В. И. Древняя история Сибири / В. И. Матющенко. – Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. – 232 с.
- 4 Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск : Наука, 2001. – 256 с.
- 5 Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – Т. 1. – Кн. 1. Поселения и жилища. – 485 с.
- 6 Рафикова Т. Н. Позднесредневековые комплексы лесостепного и подтаежного Зауралья (по материалам городища Старый Погост (Кысым-Туры) / Т. Н. Рафикова, О. М. Аношко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 4 (55). – С. 101–112.
- 7 Савинов Д. Г. Динамика древнетюркского культурного пространства / Д. Г. Савинов // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т.1. – С. 64–67.
- 8 Татауров С. Ф. Керамика тюркоязычного населения Западной Сибири XII–XVI веков: от поиска к стандарту / С. Ф. Татауров // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2013. – С.212–217.
- 9 Татауров С. Ф. Население во второй половине XVI–XVII вв. / С. Ф. Татауров, Н. А. Томилов // Тюменское и Сибирское ханство. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С.145–150.
- 10 Татауров С. Ф. Погребальный обряд как показатель социальных и экономических связей населения Сибирского ханства / С. Ф. Татауров // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30–31 октября 2020 г.). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – С. 84–87.
- 11 Томилов Н. А. Тюрко-язычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. / Н. А. Томилов. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981. – 276 с.
- 12 Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. / Н. А. Томилов. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1992. – 271 с.

С. С. Тихонов, С. Ф. Татауров
г. Омск, Омская лаборатория археологии,
этнографии и музееведения,
Институт археологии и этнографии СО РАН

КОВШИ С ПРОТОМОЙ ДРАКОНА ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Авторы подходят к рассмотрению круга вопросов, возникающих при изучении клада конца XIV века, найденного в Среднем Прииртышье. Являясь закрытым комплексом, он содержит монеты, позволяющие уверенно говорить о верхней дате сокрытия клада и вписать его в систему памятников, существовавших между поздними памятниками усть-ишимской культуры и ранними памятниками Сибирского ханства. В Западной Сибири этот период практически не изучен, а культурно-хронологический комплекс этого времени не описан. Точная дата клада позволит рассмотреть вопросы синхронизации и уточнения датировки памятников, расположенных как на территории Золотой Орды в восточноевропейских степях, так и в таежных районах Среднего Прииртышья и Сургутского Приобья. Есть и другие, пока не решенные вопросы, связанные с художественными особенностями предметов, процедурой их попадания в Сибирь и т. д.

Ключевые слова: клад, Золотая Орда, протома с драконом, дирхемы.

Annotation. The authors approach the consideration of a range of issues that arise when studying the treasure of the end of the 14th century, found in the Middle Irtysh region. Being a closed complex, it contains coins that allow us to confidently speak about the upper date of the concealment of the treasure, and to enter it into the system of sites that existed between the late sites of the Ust-Ishim culture and the early sites of the Siberian Khanate. This time in Western Siberia has practically not been studied, and the cultural and chronological complex of this time has not been described. The exact date of the treasure will make it possible to consider the issues of synchronization and clarification of the dating of both sites located on the territory of the Golden Horde in the Eastern European steppes, and in the taiga regions of the Middle Irtysh and Surgut Ob regions. There are other unresolved issues related to the artistic features of objects, the procedure for their entry into Siberia, and so on.

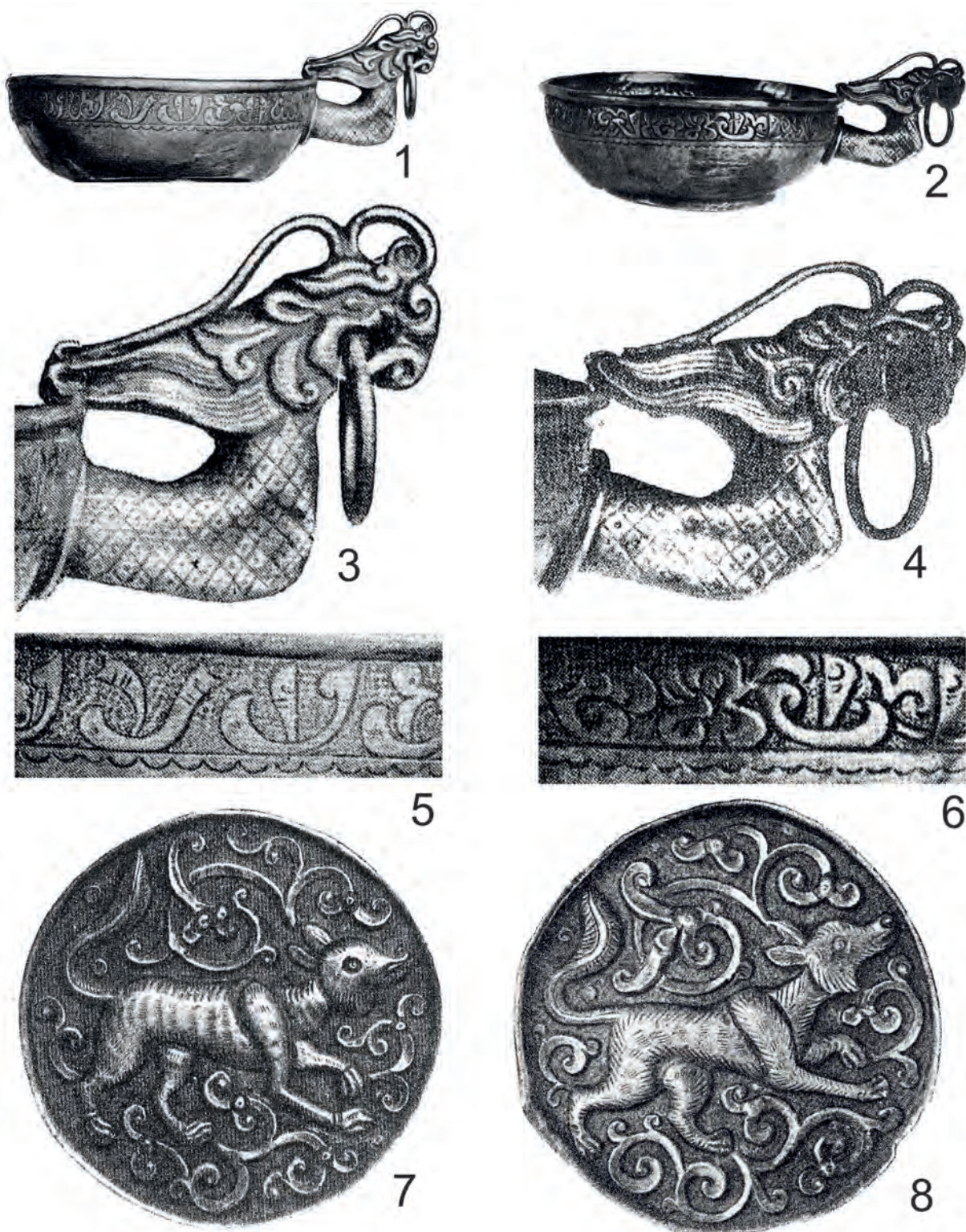
Keywords: treasure, Golden Horde, protome with dragon, dirhems.

Наше исследование посвящено кладу серебряных предметов и монет, найденных у д. Терехово Большереченского района Омской области в конце XIX в. По причине разделения его по разным местам хранения до настоящего времени эти находки не были полностью опубликованы, что мы и восполняем. На наш взгляд, этот клад является принципиально важным источником для воссоздания исторических процессов в западносибирских и восточноевропейских степях в XIII – первой половине XVI в. Только сейчас, спустя 130 лет со времени находки, он стал предметом пристального изучения. Это первый в лесостепной полосе Западной Сибири многоплановый комплекс ювелирных серебряных изделий и монет, датирующийся концом XIV в. На основе предварительного анализа можно говорить, что предметы изготовлены в одном из ремесленных центров Средней Азии – Бухаре, Самарканде или др. Подобная находка ставит вопросы по причинам его появления на столь северных широтах: кому он принадлежал или кому предназначался, его оценочная стоимость на этой территории и т. д.

Перейдем к описанию событий, связанных с находкой клада и его судьбе. Летом 1893 года (23 июня) крестьянка, жившая в д. Терехово Логиновской волости Тарского уезда, шла по склону террасы в пойму Иртыша. Увидев на спуске черепок горшка, она вытянула его, а вместе с ним две серебряные чаши, два серебряных ковша с рукояткой в виде морды дракона, два слитка серебра и двадцать серебряных монет-дирхемов (рисунок 1).

Судя по описанию расположения предметов, они были подготовлены для сокрытия: во вложенные друг в друга чаши наподобие пиал с растительным орнаментом в верхней части были положены монеты и слитки, завернутые в бересту. Чаши были накрыты перевернутыми ковшами, на дне которых были изображены звери, а по ободку шел растительный орнамент. Находки были переданы тарскому окружному исправнику, доставившему их в Тобольский губернский музей. А оттуда они были пересланы в Императорскую археологическую комиссию. После осмотра этих и других предметов, которые удостоил своим вниманием Николай II, последовало его распоряжение: один ковш и одну чашу передать в Эрмитаж, другие отдать Musée Impérial Historique (ныне – Государственный исторический музей), слитки и монеты вернуть в Тобольск. Такова краткая история клада, содержащаяся в мелких публикациях по случаю его находки [3, с. 22; 7, с. 452; 9, с. 45; 10, с. XLII]. Добавим, что единственную публикацию предметов (не монет) сделал И. Я. Смирнов [2], а к монетам обратились Г. А. Федоров-Давыдов [12], А. К. Бустанов [1] и неизвестный специалист, подготовивший описание монет для Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника в 1987 году. Кстати, именно он единственный, кто полно описал сохранившиеся до наших дней пять монет.

Рассмотрим теперь вопросы, которые возникают при изучении клада:

1–2 – ковши, 3–4 – рукоять в виде дракона, 5–6 – фрагмент орнаментального пояса, 7–8 – медальон с изображением животного на дне ковша. 1, 3, 5, 7 – предмет хранится в Государственном Эрмитаже, 2, 4, 6, 8 – ковш находится в ГИМе.

Рисунок 1 – Предметы из Тереховского клада

• **место находки клада** (рисунок 2). Казалось бы, ясно написано, что вещи были найдены близ д. Тереховой Логиновской волости Тарского уезда крестьянкой Акулиной Полянцевой. Эта деревня существует и сейчас, и в ней были крестьяне с такой фамилией. Однако по какой-то причине известный омский краевед А. Ф. Палашенков в рукописи монографии «Памятники древней истории Среднего Прииртышья» написал, что клад нашли на р. Оше в Коловском районе Омской области (4, оп. 3, д. 2, л. 187). Там действительно были деревни Большая Терехина и Малая Терехина. Но в 1893 году их нельзя было отнести к Логиновской волости, т. к. сама деревня Ново-Логинова на Оше была основана через два года после нахождения клада. Мы полагаем, что клад был найден севернее деревни Терехово на спуске близ дороги, которая вела в пойму Иртыша, и далее к переправе через Иртыш у юрт Чипляровских. Очевидно, что точное место расположения клада уже не найти, поскольку в этом месте Иртыш интенсивно моет левый берег.

На берегах Иртыша в этом течении проживают достаточно многочисленные группы курдакско-саргатских и тарских татар. Долина реки была одним из основных торговых путей, связывающим Среднюю Азию с Сибирью на этой территории. Это объясняет появление здесь описываемых предметов, вполне возможно, конечная цель оставившего этот клад человека – город Кизыл-Тура, располагавшийся севернее по Иртышу близ устья р. Ишим. Археологические раскопки памятников интересующего нас времени предоставили значительный комплекс среднеазиатского импорта. В. А. Могильников именно на основании большого количества импорта и схожести планиграфии с Искером считал, что Кизыл-Тура находилась на месте городища Голая Сопка, а не в районе Красноярского комплекса памятников [6]. Поэтому большого удивления данные предметы у местного населения вызвать не могли. Например, в ходе раскопок курганного могильника у д. Кип Тевризского района Омской области был найден ковш, правда, несколько иного оформления [5, рис. 155, с. 387].

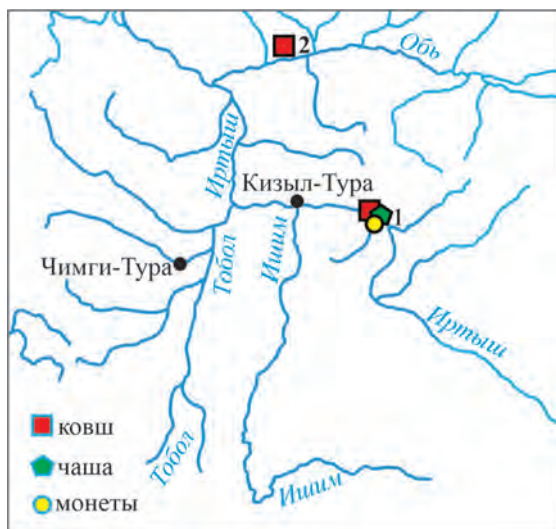

Рисунок 2 – Место расположения Тереховского клада (1) и Сайгатинского IV могильника

• **датировка клада и вопросы хронологии комплексов с ковшами с рукоятью в виде дракона и серебряных чаш.** Специалисты Императорской археологической комиссии датировали монеты 1313–1362 годами. Следовательно, клад не мог быть зарыт ранее 1362 года. Но в описи монет в Тобольске имеется и дата 1373 год, что позволяет омолодить клад. Но учитывая то, что ордынские дирхемы от реформы хана Токты до реформ хана Тохтамыша, т. е. почти весь XIV век, имели длительный период хождения (судя по монетам клада, около 50 лет), то может быть, верхнюю дату клада можно поднять до конца XIV? Датировать клад более поздним временем не представляется возможным, т. к. в начале XV века ходили монеты другого чекана с иной монетной стопой и т. д.

Отметим, что в сводке памятников с предметами, аналогичными содержащимся в Тереховском кладе, сделанной В. Н. Чхаидзе [13], большая часть комплексов в Поволжье, Подонье, Северном Кавказе датируется концом XIII – первой половиной XIV века. Т. е. они старше материалов клада минимум на 50 лет, хотя тот датируется не по аналогиям, а по монетам. Клад может быть полезен и при датировке материалов Сургутского Приобья, поскольку почти такой же ковш был найден могильнике Сайгатино IV Л. М. Тереховой в 1987 году [11].

Естественно, уточнение датировок и синхронизации памятников на столь обширной территории требует специального изучения. Мы же пока только обращаем внимание на такую возможность. Предположим, что ковши с протомой драконы существовали не слишком длительный по археологическим меркам период, поскольку их появление и период использования могут определяться модой на подобные изделия.

• **Места распространения находок.** В Западной Сибири найдено четыре ковша: два в Тереховском кладе (Среднее Прииртышье), один в Сайгатинском IV могильнике (Сургутское Приобье) (рисунок 3, 4–8) и один где-то в Сибири до 1727 года (рисунок 3, 1–3). Последний был в коллекции Musée Asiatique в Санкт-Петербурге (ныне Институт Восточных рукописей РАН). Но после Октября 1917 года коллекции этого музея были переданы в Эрмитаж, где, вероятно, ковш и хранится. Поиски его не производились. Может быть, поскольку ковш был найден до 1727 года, в качестве предположения его можно связать с деятельностью бугровщиков и князя Матвея Гагарина, собравшего коллекцию золотых изделий, легших в основу «Золотой коллекции» Эрмитажа. А поскольку крестьяне «бугровали» в степях к югу от Тобольска, то и ковш могли найти именно там.

Основная территория распространения таких вещей – это земли Золотой Орды в восточноевропейских степях [8], а отдельные находки были сделаны в Семиреченской области, относящейся сейчас к Казахстану и Киргизии. Интересен вопрос: каким образом золотордынские предметы попали в Западную Сибирь?

1–3 – находка в Сибири XVIII века, ковш и детали; 4–8 ковш из Сайгатинского IV могильника;
7 – медальон на дне внутри ковш; 8 – негатив медальона на дне ковш снаружи

Рисунок 3 – Сибирские аналоги тереховских ковшей

• **Художественные особенности.** Предметы легко узнаваемы, в первую очередь, по технологии изготовления и по сочетанию техник нанесения орнаментальных композиций и рисунков. Особенный интерес представляет сочетание чеканки и резки по металлу, что придает объем изображениям и позволяет выделять значимые для композиции узлы и детали. Например, чаша с валиком по срезу венчика, под которым идет орнаментальная лента, опоясывающая весь сосуд. К чаше через кольцо припаяна голова, состоящая из двух половинок. Незначительно отличаются размеры ковшей, орнаментальные пояса. Головы дракона тоже не одинаковы. У них по-разному оформлены гривы, чешуя на шее, детали морды, под разными наклонами показаны головы. Это позволяет предположить, что предметы изготавливали или в разных мастерских, или на разных матрицах. Медальоны на тереховских ковшах очень похожи, но детали растительного орнамента и животных различаются. Медальоны читаются только внутри ковшей на дне. Внешняя сторона дна гладкая. Иначе изготовлен медальон на дне сайгатинского ковша. Он отчеканен изнутри сосуда, а на дне снаружи орнамент выглядит выполненным из валиков зеркально. Художественные особенности предметов целесообразнее изучать на полной совокупности предметов, но это дело будущего.

Причины попадания тереховских ковшей в Сибирь. Если верна дата конец XIV века, то их можно связать с проникновением в Сибирь лиц, связанных либо с походами шейха Багауддина, либо с противостоянием Тохтамышша и Тимура. Пока это только предположения. Оба события легендарны, то есть практически никак не подтверждены другими источниками, в первую очередь археологическими, но они показывают значимость Сибири на политической арене Северной Азии как весомой военной силы, что и выразилось спустя несколько десятков лет в походе Абулхайр-хана.

Таковы предварительные выводы о перспективах изучения тереховского клада и решения связанных с ним вышеупомянутых вопросов.

Библиографический список

- 1 Бустанов А. К. Денежное обращение в Сибирском улусе / А. К. Бустанов // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – Москва : Восточная литература, 2009. – С. 56–66.
- 2 Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения / сост. Я. И. Смирнов. – Санкт-Петербург, [б.и.], 1909. – СXXX с.
- 3 Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1895. – 32 с.
- 4 Исторический архив Омской области. Ф-2200. Оп. 3. Д. 2. Л. 187.
- 5 Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье / Б. А. Конилов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2007. – 466 с.
- 6 Могильников В. А. О локализации Кизил-Туры / В. А. Мо-

гильников // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень, 2001. – С. 258–261.

- 7 Обзорение раскопок, находок и разные известия // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. – Москва : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1893. – Т. 1. – С. 13–452.
- 8 Отчет императорской археологической комиссии за 1890 год. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1893 – 151 с.
- 9 Отчет императорской археологической комиссии за 1893 год. – Санкт-Петербург : Типография Главного управления уделов, 1895 – 121 с.
- 10 Текущая хроника музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск : Губернская типография, 1893. – Вып. I. – С. I–LXI.
- 11 Терехова Л. М. Отчет о раскопках Сайгатинского IV могильника в Тюменской области / Л. М. Терехова // Архив ИА РАН. Р-1, 16196. – Екатеринбург, 1991.
- 12 Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучинских монет / Г. А. Федоров-Давыдов // Нумизматика и эпиграфика. – I. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 94–192.
- 13 Чхаидзе В. Н. Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV веков / В. Н. Чхаидзе // Поволжская археология. – №4 (22). – 2017. – С. 275–296.

СРЕДНЕЕ И НИЖНЕЕ ПРИТОБОЛЬЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ II ТЫС. Н. Э. (К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ И ИСТОЧНИКА)

Аннотация. В работе рассматриваются основные проблемы изучения исторических событий второй половины XIII – XIV в. по археологическим данным. На основании известных археологических коллекций и серий радиоуглеродных дат сделан вывод, что на территории Среднего и Нижнего Притоболья продолжалось развитие местных традиций – юдинской культуры и макушинского типа памятников, которые в отличие от населения степной полосы не ощутили значительного влияния со стороны монгольских племен.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Притоболье, монгольское время, золотоордынский период, юдинская культура, макушинский тип памятников.

Annotation. The article deals with the historical events of the second half of the 13th–14th centuries according to archaeological data. Based on the known archaeological collections and radiocarbon dates, it was concluded that local traditions (the Yudino culture and the Makushino type sites) continued to exist on the territory of the Tobol basin, which, unlike the population of the steppe zone, were not influenced by the Mongol tribes.

Keywords: Western Siberia, Tobol basin, Mongolian era, Golden Horde period, Yudino cultures, Makushino type sites.

Первая треть II тыс. н.э. – знаковое время в истории населения Западной Сибири. Оно неразрывно связано с эпохой монгольских завоеваний, перекроивших этнокультурную карту региона и в дальнейшем поспособствовавших включению территории западной части Западной Сибири в состав государственного объединения Улуса Джучи (Золотая Орда). Немногочисленные письменные свидетельства говорят о динамичных историко-политических событиях, протекавших в Урало-Сибирском регионе начиная с середины XIII в. Ввиду этого нередко в археологических периодизациях по материалам Западной Сибири выделяются «предмонгольский» и «золотоордынский» периоды [11, с. 89; 1, с. 183], подчеркивающие особую роль монгольских племен в становлении и развитии культуры аборигенного населения. Некоторые авторы склонны считать, что верхние хронологические рамки западносибирских культур совпадают с началом XIII в. Так, например, существование юдинской культуры в Среднем и Нижнем Притоболье ограничивается рубежом XII/XIII вв. [8, с. 253; 7, с. 264; 12, с. 232], что, вероятно, было обусловлено началом монгольской экспансии западносибирской ойкумены. Несмотря на это, по-прежнему актуальной остается проблема выделения в Среднем и Нижнем Притоболье археологических комплексов «монгольского» времени, демонстрирующих включение лесостепной и подтаежной зон в общеэкономическую и политическую систему Золотой Орды [6, с. 517]. Хотя сколько-нибудь достоверные свидетельства представлены отдельными типами материальной культуры, разрозненные остатки которых нередко встречаются в юдинских древностях. Ввиду этого весьма остро стоит вопрос, как быстро притобольский регион был интегрирован в состав Монгольской империи и насколько массовым было присутствие членов инокультурных формирований на территории западной части Западной Сибири.

Общую историко-культурную ситуацию на тер-

ритории лесостепного и подтаежного Притоболья накануне «монгольских завоеваний» можно охарактеризовать следующим образом. На рубеже I и II тыс. н. э. в этнокультурной схеме региона происходят масштабные изменения. Угасание бакальской культуры и отток части ее населения на запад в конце VIII в. поспособствовали началу формирования в притобольском бассейне нового культурного образования – юдинской культуры. Основой для ее сложения послужили уральский субстрат, с которым мы соотносим носителей петрогромско-батырской культуры, и северозападносибирский суперстрат – представители кинтусовского этапа нижнеобской историко-культурной общности [2, с. 162]. В результате взаимодействия представителей двух вышеописанных культурных групп в Нижнем Притоболье складывается самобытная традиция, имеющая общий корень с синхронными западносибирскими культурами (усть-ишимская, кинтусовский этап нижнеобской ИКО). Хронологические рамки юдинской культуры ограничиваются второй половиной IX – XIII в., внутри которых выделяется несколько периодов [10, с. 142].

На ранней стадии (вторая половина IX – первая половина XI в.) происходит расселение юдинских коллективов преимущественно в подтаежной зоне. В результате вдоль крупных притоков Нижнего Тобола формируется плотная поселенческая сеть, состоящая из хорошо укрепленных поселений. Данные поселения, вероятнее всего, выполняли функции административных и торгово-ремесленных центров. Сложение поселенческой структуры вдоль крупных водных артерий, берущих свое начало на Урале, являлось ответом на процессы активизации трансевразийской торговли, основу которой составляла пушнина. Можно сказать, что в это время территория Нижнего Притоболья являлась транзитной зоной, объединяющей север Западной Сибири и Восточную Европу. Об этом говорит значительное количество

импортных изделий (металлическая посуда, украшения и детали костюма), повсеместно встречающихся в юдинских комплексах этого времени.

В дальнейшем во второй половине XI – XIII в., происходит расцвет местных традиций. На это время приходится расширение ареала юдинской культуры на юг – в лесостепь – и распространение основного массива погребальных и поселенческих памятников в регионе. Перманентные контакты с представителями кочевых объединений, одними из которых были кыпчаки, привели к тому, что в контактной зоне лесостепного Притоболья в XII в. складывается южный локальный вариант юдинской культуры – макушинский тип памятников. Сосуществование нескольких традиций на территории Притоболья выразилось в развитии нескольких линий погребального обряда, представленных грунтовыми могильниками и захоронениями, впущенными в курганные насыпи предшествующих эпох. Общей чертой двух этих традиций являются захоронения со шкурой лошади, свидетельствующие о тесных контактах с группами степных кочевников и выделении представителей кавалерии в аристократическое сословие местного общества. Эта традиция прослежена на материалах комплексов юдинской культуры (могильники Пылаевский, Медный Борок, Усть-Терсюк-3) и макушинского типа (могильники Козырь, Макушинский). Уровень взаимодействия юдинских и макушинских коллективов установить достаточно сложно, тем не менее проживание в рамках единой экологической ниши двух групп населения было обусловлено различными культурно-хозяйственными типами. Так, юдинская экономика базировалась на оседлых формах скотоводства, охоты и рыболовства, в то время как макушинская – на подвижном животноводстве.

С середины XIII в. происходит отток притобольского населения. Так, представительная часть юдинских коллективов мигрирует в Приуралье [5, с. 234], в результате чего на территории среднего Прикамья появляются погребальные комплексы, несущие явные юдинские черты. Одним из таких является Кишертский могильник в Сылвенском поречье [9]. Прямые параллели в погребальном обряде, керамическом и инвентарном комплексах Кишертского и ряде притобольских могильников (Пылаевский, Медный Борок, Усть-Терсюк-3) позволяют говорить о формировании юдинских анклавов в Предуралье. Другая

часть отстает севернее, в таежную зону, где оставляет памятники типа Ликинского могильника. Отличительной чертой данных комплексов является сочетание нескольких типов погребального обряда в рамках одного могильника, а именно – кремации на стороне, трупосожжения на месте и ингумации. Наличие нескольких типов обрядности, включая кремацию, характерно для некрополей XII–XVI вв. сайгагинской культуры регионов верхней Конды [3, с. 36]. Таким образом, биритуализм погребального обряда, сочетающий трупоположение и кремацию, объясняется чересполосным проживанием носителей юдинской культуры и представителей нижнеобской ИКО на территории северо-западного Притоболья.

Дальнейшие события, протекавшие на территории Нижнего и Среднего Притоболья, в силу слабой представительности археологических комплексов реконструировать довольно сложно. Представляется, что лесостепная и подтаежная зоны вошли в зону расселения носителей макушинской традиции, практиковавших весьма мобильный образ жизни, чем объясняется отсутствие однослойных поселенческих комплексов конца XIII – XIV в. Несмотря на это, ревизия имеющихся на сегодняшний день археологических коллекций, серий абсолютных дат, а также планомерные исследования памятников развитого средневековья позволили уточнить данную точку зрения.

Во второй половине XIII в. происходят некоторые изменения в инвентарном комплексе населения Западной Сибири. В первую очередь, это распространение отдельных типов металлической посуды, таких как литые чугунные котлы. В Притоболье они зафиксированы в горизонтах совместно с макушинскими и юдинскими материалами. Почти целый котел обнаружен в верхних горизонтах городища Боровиково-I на р. Нице, отдельные фрагменты таких котлов происходят с Папского городища и с межмогильного пространства могильника Медный Борок из Приисетья. На основании радиоуглеродного анализа можно заключить, что данные памятники функционировали в рамках конца XIII – начала XV в. На этот же период указывают абсолютные даты других макушинских комплексов из лесостепного Притоболья – городище Прыговское и могильник Кордон Миассово-I, датироваемых второй половиной XIII – XIV в.

Таблица 1 – Радиоуглеродные даты памятников Среднего и Нижнего Притоболья первой половины II тыс. н.э.

№	Памятник	Код	Материал пробы	14С л.н.	1σ (68.3%)	2σ (94.5%)
1	мог. Большеказакбаевский-2	Le-5511	кость человека	870±90	1047–1262	995–1285
2	мог. Медный Борок	СОАН-9565	уголь	775±45	1222–1276	1169–1288
3	гор. Прыговское	Le 5040	кость верблюда	700±80	1248–1392	1170–1412
4	мог. Кордон Миассово-I	Le-10990	кость человека	660±70	1279–1394	1231–1420
5	мог. Медный Борок	СОАН-9563	уголь	640±50	1291–1394	1280–1403
6	гор. Папское	СОАН-9725	древесина	550±45	1320–1426	1300–1440
7	гор. Боровиково-I	СОАН-10005	древесина	560±30	1326–1415	1312–1428
8	мог. Медный Борок	СОАН-9564	уголь	480±45	1410–1450	1320–1609

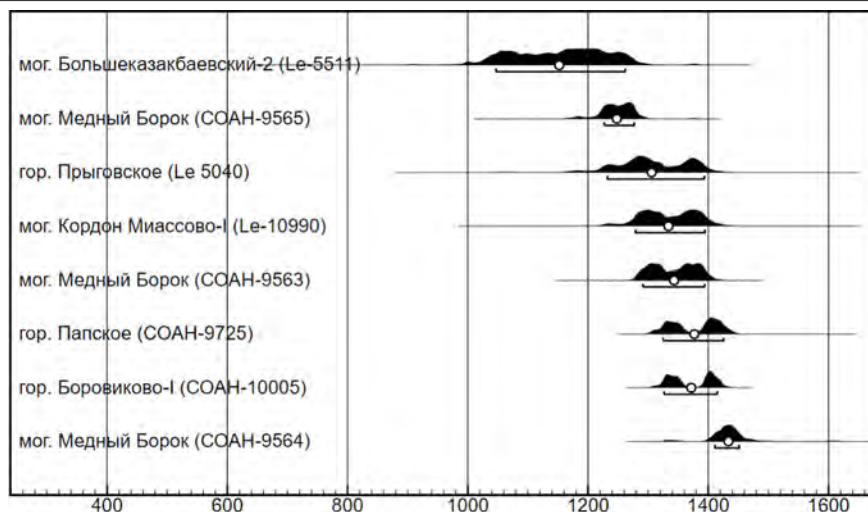

Рисунок 1 – График калиброванных дат памятников Среднего и Нижнего Притоболья первой половины II тыс. н. э.

1, 2 – зеркала; 3-5 – чугуновые котлы и их фрагменты. 1 – святилище в Загородном Саду; 2 – святилище Песьянка-1; 3 – городище Папское; 4 – могильник Медный Борок; 5 – городище Боровиково-I

Рисунок 2 – Предметы материальной культуры из памятников Среднего и Нижнего Притоболья середины XIII – XIV в.

Еще одной категорией предметов, характерных для этого времени, являются литые бронзовые зеркала, имевшие хождение у населения Западной Сибири до XIV в. включительно. Пара таких зеркал происходит из юдинских святилищ – в Загородном Саду и Песьянка-1.

Таким образом, материалы исследованных комплексов позволяют говорить нам, что во второй половине XIII – XIV в. на территории Среднего и Нижнего Притоболья поселенческая структура, заложенная еще в начале II тыс. н.э. юдинским населением, продолжает существовать. Наряду с этим в регионе по-

являются некрополи, соотносимые с представителями макушинского типа памятников, а отдельные могильники юдинской культуры продолжают функционировать, как, например, могильник Медный Борок. Судя по всему, сосуществование двух родственных групп населения – макушинского и оставшегося в Притоболье юдинского – в рассматриваемый период продолжалось. При этом развитие культуры местного населения происходило на фоне глобальных историко-политических и экономических процессов, чем и объясняется распространение в юдинской и макушинской среде изделий из золотоордынских цен-

тров. Напротив, практически полное отсутствие достоверных комплексов, отражающих ход монгольской экспансии на территорию западной части Западной Сибири, ставит под сомнение тезис о столь быстром вхождении данной территории в единое политическое и культурное пространство Золотой орды, о чем свидетельствуют письменные данные. Здесь стоит согласиться с мнением ряда исследователей, считающих, что регион лесостепного и подтаежного Притоболья являлся северо-восточной периферией кочевого мира [6, с. 521], в то время как глобальные этнополитические события в большей степени протекали в степной зоне. Данный вывод подтверждается большим количеством закрытых комплексов, фиксируемых от Иртыша до Волги [4, с. 257–298]. Как представляется, этнокультурные процессы, протекавшие в Притоболье во второй половине XIII – XIV в., шли по пути развития местных традиций, заложенных еще в конце I тыс. н. э., при этом роль монгольского компонента в культурогенезе на сегодняшний день оценить весьма сложно.

Любой хронологический период является неким историческим конструктом, с помощью которого рассматриваются процессы прошлого на фоне значимых событий. В данном случае на фоне монгольских завоеваний. При этом в каждом регионе в силу объективных причин данные события протекали по-разному. Так, если на территории степного пояса монгольские походы в этническом и культурном планах оставили неизгладимый след, то в лесостепном и подтаежном районах такого влияния номадов мы практически не фиксируем. Ввиду этого представляется, что понятие «монгольское» время, как и «предмонгольское», не применимо для описания археологических комплексов Нижнего и Среднего Притоболья, так как события середины XIII в. не были столь знаковыми для местного населения. Данная проблематика требует серьезного исследования, в первую очередь, с точки зрения выявления и изучения археологических объектов этого времени.

Библиографический список

- 1 Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале / Г. Н. Гарустович // Уфимский археологический вестник. – 2015. – Вып. 15. – С. 181–198.
- 2 Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Н. П. Матвеева, А. П. Зыков, А. С. Зеленков [и др.]. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2022. – 260 с.
- 3 Зыков, А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время / А. П. Зыков. – Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН, 2012. – 232 с.
- 4 История Южного Урала : в 8 т. / С. Г. Боталов, В. П. Костюков, Д. Н. Маслюженко [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук», Южно-Ураль-

- ский филиал, Руководитель проекта : Г. П. Вяткин. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – Т. 5. – 424 с.
- 5 Казаков Е. П. Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы / Е. П. Казаков // Поволжская Археология. – 2014. – № 3(9). – С. 222–241.
 - 6 Маслюженко Д. Н. Археологические памятники XIII – XIV вв. на территории лесостепного Притоболья: вопросы выявления / Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябинина // Маргулановские чтения-2019 : материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева. – Нур-Султан : ИПТКА «Глобус», 2019. – С. 516–522.
 - 7 Маслюженко Д. Н. Германская чаша рубежа XII–XIII веков с территории Среднего Притоболья: археологический источник и историческая реконструкция / Д. Н. Маслюженко // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 360–368.
 - 8 Матвеева Н. П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья / Н. П. Матвеева // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск, 1997. – С. 245–263.
 - 9 Пастушенко И. Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы / И. Ю. Пастушенко // Уфимский археологический вестник. – 2007. – Вып. 6. – С. 162–184.
 - 10 Третьяков Е. А. Хронологические комплексы средневековых памятников Западной Сибири / Е. А. Третьяков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 1(56). – С. 134–147.
 - 11 Троицкая Т. Н. Археология Западно-Сибирской равнины / Т. Н. Троицкая, А. В. Новиков. – Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2004. – 136 с.
 - 12 Цембалюк С. И. Селище Старо-Лыбаево III. Новый памятник эпохи Средневековья из Притоболья (предварительные результаты) / С. И. Цембалюк, С. В. Берлина, Е. Д. Огнева // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): материалы Международной археологической конференции молодых исследователей. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – С. 227–233.

ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ ХАНСТВА И ИХ СОСЕДИ

А. В. Аксанов

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ КРЫМА, МОСКВЫ, ТЮМЕНИ И МАНГЫТСКОГО ЮРТА НА РУБЕЖЕ XV–XVI ВЕКОВ

Аннотация. Рубеж XV–XVI вв. один из самых насыщенных на политические события периодов истории Казанского ханства и ее соседей. Многочисленные конфликты, произошедшие в это время вокруг казанского престола, историки относили к проявлениям внутрипартийной борьбы. Однако если рассматривать эти события в более широком контексте, то отчетливо прослеживается влияние на них межгосударственных отношений, складывающихся в Улусе Джучи. Казанское ханство было включено в борьбу Крыма, Москвы, Большой Орды, Литвы, Тюмени и Ногайской Орды за сферы влияния на постордынском пространстве. От исхода этого противостояния во многом и зависела политическая ситуация внутри Казанского ханства. Особенно отчетливо это видно с 1487 г., когда ханство было включено в крымско-московский военный блок.

Ключевые слова: Казанское ханство, Улус Джучи, Великое княжество Московское, Крымское ханство, Мангытский юрт (Ногайская Орда), Тюменское ханство, Большая Орда, Великое княжество Литовское.

Annotation. The turn of the XV–XVI centuries is one of the most eventful periods in the history of the Kazan Khanate and its neighbors. Historians attributed the numerous conflicts that occurred at that time around the Kazan throne to manifestations of internal party struggle. However, if we consider these events in a broader context, it clearly shows the influence of interstate relations developing in the Jochi Ulus on them. The Kazan Khanate was included in the struggle of the Crimea, Moscow, the Great Horde, Lithuania, Tyumen and the Nogai Horde for spheres of influence in the post-Horde space. The political situation inside the Kazan Khanate largely depended on the outcome of this confrontation. This is especially clearly seen since 1487, when the Khanate was included in the Crimean-Moscow military bloc.

Keywords: Kazan Khanate, Jochi Ulus, Grand Duchy of Moscow, Crimean Khanate, Mangytsky Yurt (Nogai Horde), Tyumen Khanate, Great Horde, Grand Duchy of Lithuania.

В конце XV – начале XVI в. в политической истории Казанского ханства наблюдается затяжной кризис. В глаза бросается частая смена ханов, сопровождавшаяся крупными военными конфликтами. Исследователи обычно объясняли природу этого кризиса внутривосточной борьбой между промосковской и восточной партиями казанской знати [14, с. 44–45, 54, 57–58; 3, с. 400; 1, с. 45; 4, с. 171–172, 183]. При этом основная канва событий описывалась ими с опорой на репрезентацию официального московского летописания, которая зиждилась на библейских представлениях о вероломности безбожных народов, склонных к постоянным распрям и изменам. Можно сказать, что историки стали заложниками летописной идеологии. В трудах наших предшественников мало внимания уделялось внешнеполитическим факторам истории Казанского ханства. На данном этапе развития исторической науки есть возможность рассмотреть события политической истории Казанского ханства на фоне широкой панорамы отношений постордынских государств, что позволяет существенно пересмотреть, сложившиеся в историографии представления.

Чехарда на казанском престоле началась в 1485 г. и закончилась только в 1502 г. Симптоматично, что именно в этот период сложилось два крупных воен-

но-политических альянса (Крымско-московский и Большеордынско-литовский блоки), противостояние между которыми закончилось разгромом Большой Орды в 1502 г. и победой Великого Княжества Московского над Польско-Литовским государством в 1503 г. В то же время по мере ослабления Большой Орды росло влияние сибирских Шибанидов и Мангытов, не раз заявлявших о себе и на казанской политической арене.

В 1485–1487 гг. Московское государство при дипломатической поддержке Крыма вело борьбу против казанского хана Ильхама. В результате этого противостояния в 1487 г. московские воеводы пленили хана Ильхама и его сторонников [9, с. 153; 8, с. 217], при этом дипломатические акты говорят о том, что «Алказый да Тевекел сеит, да Касым, да Бегиш с сыном Утешем и иные...» [11, с. 21] знатные казанцы спаслись бегством к тюменскому хану Ибрагиму (Ибак/Айбак) [11, с. 34]. Тюменский хан не только приютил казанских князей и мурз, но и стал инициатором мирных переговоров с русским государем. В 1489 г. в Москву прибыло тюменско-ногайское посольство с грамотами от хана Ибрагима и ногайских мурз [12, с. 81–82]. Ибрагим требовал от Ивана III освобождения хана Ильхама с семьей, взамен тюменский хан обещал стать союзником великого князя. Но

московские дипломаты ответили требованием казнить сторонников Ильхама, бежавших в Тюмень, и вернуть награбленное имущество [12, с. 84]. По всей видимости, на этом переговоры зашли в тупик. В 1493 г. хан Ибрагим отправил новое посольство с тем же предложением. На этот раз великий князь продемонстрировал желание установить дружеские отношения, но затянул с отправкой посольства, и переговоры вновь завершились без видимых результатов [11, с. 48–49; 12, с. 199].

Материалы этой переписки указывают на некоторые особенности политической жизни Казанского ханства. Ранее исследователи, развивая тезис о расколе казанской элиты на промосковскую и восточную партию, видели в бежавших к Ибрагиму казанцах («Алказий, да Тевекель Сеит, да Касым Сеит, да Бегитш с сыном с Утешом и иные их товарищи») представителей восточной партии. Казалось бы, данное сообщение посольских книг впервые указывало конкретные имена представителей одной из партий, оставалось только назвать членов промосковской партии. Однако источники не только не сохранили имен сторонников московского влияния, но и не содержат никакой, даже косвенной информации о деятельности этой группировки. Поэтому в очередной раз возникает вопрос: а существовало ли такое партийное деление внутри казанской знати или этот конфликт необходимо рассматривать в контексте более масштабного противостояния за гегемонию в Улусе Джучи?

Для понимания источников необходимо рассмотреть политическую историю Казанского ханства в контексте межгосударственных отношений, развивавшихся в 1480-е гг. вокруг борьбы за верховенство в Орде. После смерти хана Ахмада в 1481 г. помимо его наследников на роль верховного хана претендовали крымский хан Менгли-Гирей и тюменский хан Ибрагим. Московский государь, умело использовавший противоречия между различными татарскими правителями для того, чтобы обезопасить себя, ориентировался на Крым, который подобно Москве был заинтересован в борьбе с Польско-Литовским государством и с Большой Ордой. А казанский хан Ильхам склонялся к союзу с тюменским ханом Ибрагимом.

Вместе с тем у крымского хана после женитьбы на вдове казанского хана Нурсултан появилась возможность упрочить свои позиции в Среднем Поволжье. Менгли-Гирей и Нурсултан ходатайствовали о московской военной помощи для Мухаммад-Амина, сына Нурсултан, боровшегося за казанский престол с единокровным братом Ильхамом. В сложившейся обстановке в 1485 г. Иван III при поддержке Менгли-Гирея развернул борьбу против Ильхама. В результате длительной войны в 1487 г. Ильхам был выдан казанцами, и ханство присоединилось к московско-крымскому альянсу. При этом очевидно, что с 1481 г. (после победы хана Ибрагима над ханом Ахмадом) московско-крымскому блоку, кроме Ахмадовичей, противостояли тюменские Шибаниды и Мангыты, контролировавшие левое крыло Улуса Джучи.

Устюжский летописец сообщает, что во время осады Казани 1487 г. некий «Ольгаза силе великого князя много дурно учинил и прогна за Каму в поле» [10, с. 50, 96]. Вероятнее всего, речь идет об «Алказье», упомянутом посольскими документами во главе группы казанцев, пришедших в Тюмень. Видимо, он и его соратники во время осады 1487 г. возглавляли ту часть казанского войска, которая действовала в тылах осаждающих. Практика разделения войска на две основные части для более эффективной обороны известна и по другим эпизодам московско-казанского противостояния. Хан возглавлял оборону крепости и организовывал вылазки, в то время как другая часть войска, оставшись вне города, атаковывала тылы противника. Но, как сказано в Устюжской летописи, во время войны 1487 г. «Ольгазу» с войском прогнали «за Каму в поле», откуда они, вероятно, и направились в Тюмень. Так им удалось избежать пленения, но в плен попали их близкие родственники, оставшиеся в Казани. Ногайские мурзы Муса, Ямгурчей и Талач в 1489 г. просили Ивана III освободить своих родственников, которые были пленены в ходе казанского похода 1487 г. Таким образом, лидеры Ногайской Орды – Муса и Ямгурчей – стояли как за возвышением тюменского хана Ибрагима, так и за казанским ханом Ильхамом.

За короткий промежуток времени с 1496 по 1497 гг. в Казани побывало три хана: Мухаммад-Амин, Мамук и Абдул-Латиф. Многие историки считали, что это было следствием борьбы за власть между московской и восточной партиями казанской аристократии [14, с. 53–56; 3, с. 400; 1, с. 45; 4, с. 183]. Однако летописцы, используя эпитеты и парафразы из Библии, указали на отрицательные качества, присущие всем казанцам. Они не разделяли их на сторонников и противников Москвы¹. Более того, активными проводниками всех политических изменений того времени были одни и те же представители знати.

Согласно Д. А. Котлярову, переворот 1496 г. совершили сторонники Ильхама, потерявшие надежду на его освобождение и пригласившие в Казань хана Мамука: «Мухаммед-Эмин был лишен поддержки большей части казанской аристократии... и держался на престоле только благодаря покровительству великого князя московского» [6, с. 165; 7, с. 178]. Д. М. Исхаков резонно считал упомянутых во главе заговора «Калиметя и Оурака, и Садыря, и Агыша» казанскими карача-беками, лидерами четырех правящих кланов, и, в отличие от Д. А. Котлярова, относил их к сторонникам хана Мухаммад-Амина, оставшимся «в Казани еще с 1487 г., когда часть казанской аристократии бежала после интронизации нового хана при московской поддержке» [5, с. 391]. По мнению Д. М. Исхакова, шибанский хан Мамук, утвердившись на казанском престоле в 1496 г., «изымал» (схватил, арестовал) упомянутых четырех князей за то, что они некогда изменили хану Ильхаму.

Это вполне логично, но у нас нет определенных

¹ *Герменевтический анализ этих известий см.: [2, с. 117–120].*

доказательств того, что «Калимет да Оурак, да Садырь, да Агыш» были схвачены Мамуком именно за измену Ильхаму. Летописи ясно свидетельствуют лишь о том, что они изменили Мухаммад-Амину и не оказали сопротивление Мамуку. Источники не сообщают о причинах конфликта между шибанским ханом и казанскими князьями, но говорят о том, что в результате конфликта князья оказались под арестом, а купцы и земские люди были ограблены. Поэтому не исключено, что конфликт произошел на материальной почве. Согласно военно-политическим традициям, хан обязан был щедро одарить своих людей за успешный поход. Видимо, Мамук надеялся решить этот вопрос за счет казанской казны и богатых казанцев, но карачи-беки выступили против.

Арест важнейших государственных деятелей и ограбление населения подорвали авторитет новоявленного хана, и против него выступили Арские князья. Вероятнее всего, именно столь шаткое политическое положение вынудило Мамука освободить карачи-беков и заручиться их поддержкой в походе на Арск. Д. М. Исхаков предложил два возможных варианта развития событий: Арские князья выступили против Мамука, так как они были сторонниками Мухаммад-Амина, «или же представители этого клана попали вначале в г. Казани в плен к Мамуку, а после того как тот их «выпустил», они удалились в Арск» [5, с. 391]. Конечно, допустимы оба варианта, но, учитывая особенности политической системы Казанского ханства и вполне логичное допущение самого Д. М. Исхакова о том, что «Калимет да Оурак, да Садырь, да Агыш» были карача-беками, можно немного уточнить ситуацию. Карачи-беки были лидерами четырех правящих кланов, каждый из которых контролировал отдельную даругу ханства, поэтому если Арский карача-бек изначально вместе с другими карача-беками выступил за смену власти в пользу Мамука, едва ли остальные Арские князья из этого же клана оставались сторонниками Мухаммад-Амина. Но арест лидера клана в Казани, конечно же, мог вызвать восстание его соплеменников в Арске.

В конце концов, те же самые князья «измену на него (Мамука. – А. А.) възложиша» и обратились к Ивану III с просьбой прислать на ханское место Абдуллатифа. Официальные летописи дважды подчеркнули безнравственное поведение Мухаммад-Амина и указали на то, что это было основной причиной измены казанцев. Еще до этих событий о неразумном поведении молодого хана Мухаммад-Амина сообщила его мать, Нурсултан. В целом ее послание к Ивану III от 1493 г. позволяет лучше понять события 1496-1497 годов. Хан-бике просила великого князя принять на попечение или отправить в Казань ее младшего сына, Абдуллатифа. При этом она опасалась того, что молодые братья не смогут ужиться в Казани, и просила отпустить туда Абдуллатифа в том случае, если «улары и князи добрые веремяники и все добре хотя станут просити» [12, с. 194]. Как видно, после изгнания Мамука казанцы все же попросили на ханский трон Абдуллатифа, а Иван III,

удовлетворяя их просьбу, опять же, как и в 1487 г., действовал в рамках соглашений с Крымом.

В 1502 г. в Казани произошел ещё один переворот, который был осуществлен при военном вмешательстве Москвы. На этот раз сместили с правления Абдуллатифа и посадили на казанский престол его старшего брата, Мухаммад-Амина. По летописным сведениям, Абдуллатиф был схвачен воеводами за «за его неправду» и отправлен «в заточение на Белоозеро» [9, с. 335; 8, с. 241]. Но остается неясным, что именно сделал Абдуллатиф, можно ли под «его неправдой» понимать предательство и измену. С одной стороны, судьба Абдуллатифа напоминает судьбу хана Ильхама. В официальных летописях видны даже текстуальные параллели при описании событий 1487 г. и 1502 г. И если следовать этой логике, то можно допустить, что Абдуллатиф, как и Ильхам, вступил в союзнические отношения с сибирскими Шибанидами и Мангытами. Но в политике Абдуллатифа, в отличие от Ильхама, мы не видим сближения с этими силами. Более того, Абдуллатифу, будучи казанским ханом, дважды пришлось обороняться от нападений Шибанидов и Мангытов. В 1499 г. бек Урак в союзе с братом Мамука, Агалаком напал на Казань, а в 1500 г. столица ханства подверглась нападению и трехнедельной осаде Мангытов [9, с. 334; 8, с. 240]. То есть у Абдуллатифа были весьма напряженные отношения с восточными соседями. Поэтому схожесть описания его смещения с известиями о пленении Ильхама можно отнести лишь к воспроизводству определенной нарративной традиции. Однако в источниках все же сохранились косвенные указания на причастность Крыма и Ногайской Орды к событиям 1502 г.

Об этом говорят посольские документы. Если посмотреть на общий контекст посольской переписки за 1501-1502 гг., то становится понятно, что главным вопросом для Москвы и Крыма стала борьба с Большой Ордой и Великим Княжеством Литовским, причем именно в этот период назрела кульминация противостояния. В 1501 г. Иван III несколько раз отправлял послов в Крым для того, чтобы хан продолжил войну с Великим Княжеством Литовским [12, с. 353, 374–375]. Причем отдельные послания об этом были направлены и к Нурсултан: «чтобы царю говорила о том накрепко, чтобы царь сам ли пошел, детей ли своих послал на Литовскую землю, а с Литовским бы не мирисли» [12, с. 342]. При этом дипломатическую активность проявлял и Менгли-Гирей, который опасался, что Москва не поддержит его в борьбе с Большой Ордой. А поддержка Москвы заключалась в отправке служилых татар на Орду и в обеспечении военной помощи Казанского ханства. Именно таким образом в 1491 г. Москва приняла участие в борьбе с Большой Ордой.

Однако в 1499-1500 гг. из-за нападений Шибанидов и Мангытов Казанское ханство не могло помочь Крыму. В марте 1502 г. Иван III, убеждая Менгли-Гирея в необходимости выступить против Литвы, в инструкции русскому послу велел сказать, что в случае

нападения на Крым Большой Орды великий князь пошлет на Орду служилых татар и казанского хана Мухаммад-Амина. Важно отметить, что на случай, если крымский хан заговорит о неспособности казанцев выступить в поход из-за угрозы ногаев, было велено говорить, что ногайцы заключили договор с великим князем, по которому обязались «Казанской земле лиха никакова не чинити» [12, с. 386]. И действительно, еще 18 ноября 1501 г. от бия Мусы и мурзы Ямгурчи в Москву прибыли люди с грамотами. «И те грамоты, что они привезли, и ответы великого князя и все дело написано в казанских тетрадах в Абде-Латифове царстве» [11, с. 52].

Весьма симптоматично, что грамоты от Мангытов и ответы им были помещены в Казанских посольских книгах, а не ногайских. Очевидно, что это ногайское дело напрямую было связано с политической историей Казанского ханства. Как известно, казанские дела пропали, и суть этих грамот нам полностью не известна. Но благодаря Крымским книгам известно, что это был договор о заключении военного союза между Москвой и Мангытским юртом, важнейшим пунктом которого было установление мирных отношений между ногаями и Казанским ханством. Как было сказано выше, на рубеже 80–90-х гг. XV в. те же самые предводители Мангытов вместе с шибанским ханом Ибрагимом просили Ивана III освободить Ильхама и его окружение. И это было чуть ли не единственным условием заключения мирного договора. По наблюдениям Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябининой, ногаи перестали поддерживать Шибанидов в борьбе за казанский престол после неудач с ханом Мамуком в 1496 г. [13, с. 122]. А после смерти хана Ильхама оба Мангытских правителя сошлись на том, что казанским ханом должен быть Мухаммад-Амин. Источники указывают на то, что в новых условиях бий Муса и мурза Ямгурчей в качестве одного из условий договора просили вернуть на казанский престол Мухаммад-Амина. И в подтверждение этому можно привести следующие аргументы. Во-первых, ногайцы начали переписку с Мухаммад-Амином о «добром деле и дружбе» еще в 1497 г. [11, с. 51]. Во-вторых, смещение Абдуллатифа произошло почти сразу после заключения договора с Мангытами.

Еще одним условием ногайских правителей, особенно мурзы Ямгурчей, могла быть женитьба Мухаммад-Амина на дочери Ямгурче, Каракуш, которая с 1487 г. вместе со своим мужем ханом Ильхамом была пленницей Ивана III. Ямгурчей не раз просил Ивана III о ее освобождении. В январе 1502 г. вместе с казанским престолом Мухаммад-Амин получил от великого князя вдову хана Ильхама [9, с. 335; 12, с. 461] и породнился с мурзой Ямгурчем.

Таким образом, Иван III сделал очень много, чтобы создать условия для крымского удара по Великому Княжеству Литовскому. В результате этой бешеной по темпам дипломатии крымские силы совершили масштабный набег на польско-литовские земли, ослабив их перед решающим ударом Москвы. В контексте всего вышеперечисленного и учитывая

последующие перемены, очевидно, что бий Муса, а после смерти Ильхама и мурза Ямгурчей настаивали на возвращении на казанский престол Мухаммад-Амина.

Таким образом, причины казанских политических конфликтов конца XV – начала XVI в. нужно искать не столько в столкновении интересов прорусской партии и их противников, сколько в проявлении борьбы Крыма, Москвы, Шибанидов и Мангытов за контроль над юртами поздней Золотой Орды. При этом и сама казанская политическая элита, будучи включенной в клановую систему Улуса Джучи, влияла на судьбу ханского престола, не только лавируя между различными силами, но и преследуя определенные родовые интересы.

Библиографический список

- 1 Алишев С. Х. *Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв.* / С. Х. Алишев. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1995. – 160 с.
- 2 Аксанов А. В. *Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования* / А. В. Аксанов. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 288 с.
- 3 Базилиевич К. В. *Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века* / К. В. Базилиевич. – Москва : Изд-во МГУ, 1950. – 543 с.
- 4 Бахтин А. Г. *Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.* / А. Г. Бахтин. – Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2022. – 528 с.
- 5 Исхаков Д. М. *Арские князья в Казанском ханстве по малоизвестным и неизвестным источникам* / Д. М. Исхаков // *Золотоордынская цивилизация.* – 2017. – № 10. – С. 390–397.
- 6 Котляров Д. А. *Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России* / Д. А. Котляров. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. – 314 с.
- 7 Котляров Д. А. *От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России* / Д. А. Котляров. – Санкт-Петербург : «Издательство Олега Абышко», 2017. – 352 с.
- 8 *Полное собрание русских летописей.* – Москва : Языки русской культуры, 2001. – Т. 8. *Продолжение летописи по Воскресенскому списку.* – X + 302 с.
- 9 *Полное собрание русских летописей.* – Москва, Ленинград : Наука, 1963. – Т. 28. *Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г.* – 411 с.
- 10 *Полное собрание русских летописей.* – Ленинград : Наука, 1982. – Т. 37. *Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв.* – 228 с.
- 11 *Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг.* – Москва : Институт истории СССР, 1984. – 100 с.
- 12 *Сборник русского исторического общества.* – Санкт-Петербург : Типография Ф. Елионского и Ко, 1884. – Т. 41. – 558 с.
- 13 *Тюменское и Сибирское ханства* / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 560 с.
- 14 Худяков М. Г. *Очерки по истории Казанского ханства* / М. Г. Худяков. – Казань, 1990. – 310 с.

ПОЯВИЛСЯ ЛИ КАДЫР-АЛИ БЕК ДЖАЛАИРИ В СИБИРСКОМ ХАНСТВЕ ИЗ СРЕДЫ КАЗАХОВ?

Аннотация. Относительно попавшего в плен к русским в 1588 г. карачи Кадыр Али-бека в компании казахского султана Ураз-Мухаммеда и Тайбугида Саид Ахмед-бека в литературе представлены различающиеся мнения. Одни исследователи считают Кадыр Али-бека представителем казахского сообщества, прибывшим в Сибирское ханство вместе с султаном Ураз Мухаммедом. Другая группа исследователей полагает, что он вместе с Тайбугидом Саид Ахмед-беком на территории этого ханства действовал еще до появления там казахского султана. При учете того, что в рассматриваемый период отношения между Казахским и Бухарским ханствами были враждебными, а также того, что, по данным русских летописей, Тайбугид Саид Ахмед-бек прибыл на территорию Сибирского ханства «из Бухарской земли», вопрос о первоначальной принадлежности Кадыр Али-бека к тому или иному тюркскому юрту приобретает неоднозначный характер. Данная публикация направлена на решение названного дискуссионного вопроса. Одним из его аспектов является выяснение подлинной этнической принадлежности указанного знатного лица из клана джалаир, написавшего, будучи в Касимовском ханстве, известный труд «Джамигут-таварих» (1602).

Ключевые слова: Сибирское ханство, Бухарское ханство, Казахское ханство, карачибек, Тайбугид, Чингисид, Кадыр Али-бек, джалаир.

Annotation. About the Karachi Kadyr Ali Bey, who was captured by the Russians in 1588, in the company of the Kazakh Sultan Uraz-Muhammad and Taybugid Said Ahmed Bey, differing opinions are presented in the literature. Some researchers consider Kadyr Ali Bey to be a representative of the Kazakh community who arrived in the Siberian Khanate together with Sultan Uraz Muhammad. Another group of researchers believes that he, along with Taybugid Said Ahmed Bey, acted on the territory of this Khanate even before the appearance of the Kazakh sultan there. Taking into account the fact that during the period under review the relations between the Kazakh and Bukhara Khanates were hostile, as well as the fact that, according to Russian chronicles, Taybugid Said Ahmed Bey arrived on the territory of the Siberian Khanate «from the Bukhara land», the question of the original belonging of Kadyr Ali Bey to a particular Turkic yurt becomes ambiguous character. This publication is aimed at solving this controversial issue. One of its aspects is to find out the true ethnicity of the said noble person from the Jalair clan, who wrote, while in the Kasimov Khanate, the famous work «Jamigut-Tavarikh» (1602).

Keywords: Siberian Khanate, Bukhara Khanate, Kazakh Khanate, Karachibek, Taybugid, Chingisid, Kadyr Ali bey, Jalair.

Сибирский карача, как это хорошо известно по русским летописям и исторической литературе [1; 5; 6; 11; 12; 17], в плен к русским, построившим к 1587 г. недалеко от Искера (Кашлык, Сибирь) крепость Тобольск, попал в несколько необычных условиях: летом 1588 г. татары Тайбугида Саид Ахмеда были приглашены в эту крепость на пир. К этому времени Саид Ахмед-бек со своими людьми уже успел занять Искер, вытеснив оттуда султана Али б. Кучума. По данным сибирских летописей, Тайбугид Саид Ахмед и еще двое знатных лиц в это время как раз вроде вышли поохотиться (правда, наличие на этой «охоте» 500 воинов заставляет несколько усомниться в этом), однако приняли приглашение русской стороны войти в крепость Тобольск. Возможно, такое доверие татар объяснялось тем, что обе стороны считали своим главным врагом хана Кучума, отступившего тогда из центральной части государства. Тем более, что до этого один из этих двух знатных лиц – «Карача» (имя появится позже), согласно сибирским летописям, после гибели и пленения султана Маметкула, отошедшего от хана Кучума, обращался за помощью к Ермаку (тогда казаки находились в Искере/Кашлыке) для защиты от «Казачьей орды». Из тех же источников из-

вестно, что он эту помощь получил и уничтожил пришедших к нему ермаковых казаков.

Тем не менее Саид Ахмед-бек и сопровождавшие его лица в русскую крепость вошли со 100 воинами, которых, однако, на входе разоружили. Итог для татар был плачевным – в ходе застолья из-за ермаковых казаков, очевидно, помнивших вероломство карачи, и по другим причинам возник конфликт, вошедший в крепость отряд был полностью уничтожен, а знатные лица – из русских источников мы знаем, что кроме Саид Ахмед-бека там был пленен казахский султан Ураз-Мухаммед и сибирский карача-бек – все они 10 сентября 1588 г., как ценные пленники, были отправлены в Москву. Но нас будет интересовать не московская жизнь этой троицы, а детали их пребывания в Сибирском юрте до пленения, ибо только на основании их изучения будет возможно ответить на поставленный вопрос.

Сразу оговоримся, что под сибирским карачей мы имеем в виду, вслед за М. А. Усмановым, автором известного труда «Джамигут-таварих», Кадыр Али-бека из клана джалаир. Несмотря на то, что в последнее время по этому поводу высказывались сомнения А. В. Беляковым, на наш взгляд, они не являются достаточно убедительными, чтобы принять их за осно-

ву. Судя по летописям, сибирский карача являлся одной из самых деятельных и вполне самостоятельных фигур периода «сибирского взятия», в связи с чем знатный «гребне-тамговый джалаири» Кадыр Алибек вполне подходит под эту роль.

В известных русских источниках нет полной ясности относительно того, как карача Кадыр Алибек и султан Ураз Мухаммед, являвшийся племянником казахского хана Тавакула, появились около Тайбугида Саид Ахмед-бека. В связи с чем вначале обратимся к источникам, способным прояснить эту проблему.

Вначале о том, какая имела связь между султаном Ураз Мухаммедом и Кадыр Али-беком.

Единственным источником, способным ее как-то прояснить, является написанный последним в Касимовском ханстве труд «Джамигут-таварих» (1602). В разделе «Дастан об Ураз Мухаммеде бине Ундан султан» этого сочинения есть некоторые сведения, позволяющие прояснить взаимоотношения Кадыр Али-бека и Ураз Мухаммеда, а также их отношения с беком Саид Ахмедом. В частности, автор указанного труда определяет себя в качестве «гребне-тамгового джалаири, находившегося в качестве служителя» (=раба, скорее всего, подразумевается «кол-чура», то есть вассал – Д. И., З. Т.) при родителях «хана хазрати» Ураз Мухаммеда [8, 21 б.]. Из-за того, что Кадыр Али-бек дает подробную информацию о казахских ханах (он их возводит к Урус-хану), а также о своих предках, служивших им со времен Чингис-хана, известие о некоей «прикрепленности» этого бека к роду султана Ураз Мухаммеда заслуживает доверия. Но там есть нюансы, которые не позволяют трактовать это место источника слишком прямолинейно. Итак, в отмеченном трактате есть такой пассаж: «...вначале Ураз Мухаммед-хан в возрасте 8 лет, из-за того, что возник конфликт, покинул своего [старшего] деда Шигая. А когда ему было 13 лет, его собственный отец Ундан-султан погиб и он остался без него. После этого он некоторое время находился у Сейдяк-бия (Саид Ахмед-бека Тайбугида – Д. И., З. Т.) в тяжелом положении» как пленник [8, 19 б.]. Получается, что казахский султан Ураз Мухаммед при Тайбугиде Саид Ахмед-беке находился отнюдь не добровольно. По относительной хронологии, содержащейся в рассматриваемом источнике, можно попытаться установить некоторые даты событий, о которых там идет речь. Автор трактата сообщает, что «рабом» царя Бориса (видимо, надо читать в целом – у русских) он стал в возрасте 16 лет [8, 19 б.]. Так как его пленение русскими произошло в 1588 г., смерть его отца Ундан-султана могла наступить около 1585 г., а его разрыв с дедом Шигаем надо датировать временем около 1580 г. Тут есть соответствия реальным событиям – хан Шигай умер как раз в 1580 г. Именно после его смерти в Казахском ханстве могли случиться неурядицы, связанные с престолонаследием. А Ундан-султан, отец Ураз Мухаммеда, при этом хане возглавлял его войско и считался «великим багатуром» [8, 19 б.]. Гибель же Ундан-султана от рук калмыков (ойратов),

согласно источнику, произошла, когда ему было около 30 лет [8, 19 б.], скорее всего, в 1585 г., когда еще правил Тавакул-хан (1582-1598). И вот тут надо вспомнить, что при хане Тавакуле происходила ожесточенная борьба Казахского ханства с Шейбанидским узбекским государством за присырдарьинские города. В такой ситуации вряд ли был возможен какой-либо союз между связанным с Бухарой Тайбугидом Саид Ахмед-беком и представителем рода хана Тавакула Ураз Мухаммедом. Поэтому надо принять всерьез фразу из Кадыр Али-бека о том, что Ураз Мухаммед находился при Тайбугиде Саид Ахмеде в качестве пленника. И это (пленение?), скорее всего, произошло около 1585 г., т. е. после смерти отца Ураз Мухаммеда Ундан-султана. Как такое могло случиться?

В качестве одной из версий мы можем предположить, что Ураз Мухаммед попадает в плен к беку как близкий родственник хана Кучума. Так, А. В. Беляков полагает, что Ондан хан, отец Ураз Мухаммеда, был шурином сибирского хана Кучума, их жены были родными сестрами. А еще одна из жен Ондана – Сюим, мачеха Ураз Мухаммеда, овдовев, вышла повторно замуж за хана Кучума. В дальнейшем, уже попав в русский плен, она вместе с дочерьми была отправлена в Касимов к своему пасынку – Ураз Мухаммеду [2, с. 8, 23-24; 3, с. 61–64]. Таким образом, считает исследователь, «Ураз-Мухаммед имел прямое отношение к Кучумовичам» [2, с. 24]. Исходя из этого, формально он являлся пасынком хана Кучума и, скорее всего, во время прихода Ермака уже находился в Сибири. Тайбугид Саид Ахмед, захватив султана, мог держать его как Чингизида в качестве возможной альтернативы Кучуму и его сыновьям.

Из «Сибирских летописей» однозначно вытекает, что «Карача» – безусловно, это Кадыр Али-бек – до прихода в Сибирский юрт «из Бухары» Саид Ахмед-бека находился уже при хане Кучуме. К примеру, в «Есиповской летописи» при рассказе о том, как казаки Ермака в 1581 г. дошли до «Карачина улуса», уточняется: «...сей карача думной бе царя Кучума» [17, с. 127], а «Ремезовская летопись» (Мировичев список) отмечает, что «град Карачин, думного Кучумова боярина Карачи» [17, с. 325]. Далее в сюжете этих летописей, посвященных приходу в Сибирский юрт «Бухарские земли князя Сейдяка Бекбулатова сына», в Толстовском списке «Строгановской летописи» сообщается: «...думчей его (Кучума – Д. И., З. Т.) карача, видево цареву изнеможение и собрав Татаровя и Вогуличи, отъиде от него прочь» [17, с. 78]. В «Ремезовской летописи» (Мировичев список) это же событие передано так: «...думной князь Карачи со своими отъехал от Кучума на озеро Чулымское и кочева меж Тары и Бараба и Оми» (курсив наш – Д. И., З. Т.) [17, с. 339]. В это время хан Кучум «бегоша в степь в Казачью орду на прежнее свое селение» [17, с. 332].

Какой же в данном случае вывод? Получается, что правы те исследователи (в частности, М. А. Усманов – см.: [20, с. 332]), которые высказывали мнение, что первоначально Кадыр Али-бек находился при хане Кучуме и не имел отношения к Тайбугиду Саид

Ахмед-беку. И, как явствует из приведенных известий летописей, он ушел от хана после ряда его неудач.

При этом он не оставлял борьбу с казаками, действуя уже вполне самостоятельно. Именно после поражения племянника хана Кучума и его воеводы султана Маметкула с последующим пленением последнего русскими карача Кадыр Али-бек попытался забрать у казаков Ермака Искер (Кашлык, Сибирь), но потерпел поражение. Вот как об этих событиях говорится в летописи: «Того же лета во время великого поста прииде Карача со многими воинскими людьми и облегоша град Сибирь обозами и табары поставиша. Сам Карача ста в некоем месте, иже зовомо Саускан, от града три поприща, и многую же тесноту деяше гражденюм. И тако стояше до пролетия. Егда же бысть месяц июнь, в то же время изыдоша из града казаки тай и приидоша ко станом Карачиным в Саускан, и нападоша на не ношию, онем же спящим безо всякого опасения, и побиша множество нечестивых тотар, двух же сынов Карачиных убиша» [12, с. 61].

В записанном В. В. Радловым у сибирских татар аула Сала дастане «Караца» повествуется от имени карачи об этих событиях, где им оплакивается гибель сыновей и даже называются их имена – Мамыш и Йийанак [21, с. 627–628].

После поражения карача был вынужден уйти в район Барабы и Оми, к Чулымскому (Юлымскому) озеру. Почему именно туда, выясним позже.

События в Сибирском ханстве разворачивались так, что после гибели Ермака столичный город был вначале отвоеван сыном Кучума султаном Али, и туда, возможно, прибыл сам Кучум [17, с. 39], затем Саид Ахмед-бек победил их и «град взял». В этих летописных известиях мы не видим султана Ураз Мухаммеда, которому, кстати, в 1588 г. могло исполниться лишь 16 лет. Его имя впервые появляется в «Сибирских летописях» только при описании отмеченного выше пира в крепости Тобольске. Когда же рассматриваемая троица – этот султан, «Кучюма царя думный Татарин» [17, с. 229], то есть Кадыр Али-бек, и Тайбугид Саид Ахмад-бек, объединились?

Видимо, союз между ними возник уже после победы Тайбугида над султаном Али б. Кучумом.

Не поддается однозначному решению и вопрос о том, как карачи Кадыр Али-бек, явно пребывавший в ближайшем окружении хана Кучума как «думный царя Кучюма» уже на момент начала похода Ермака против Сибирского ханства, причислял себя к разряду служивших родителям султана Ураз Мухаммеда – Ундан султану и его супруге Алтын-ханум (последняя происходила из рода казахского султана Булата б. Усак-хана) [8, 18 б.]. Ответ на него, как нам представляется, содержится в отдельных редакциях «Сибирских летописей». Например, в «Есиповской летописи» сообщается, что «царь Кучум, Муртазиев сын», на престол Сибирского юрта сел, убив князей Едигера и Бекбулата, но вышел он при этом «из Казачьи орды» и «прииде степью» [18, с. 118]. На это же указывает и «Ремезовская летопись» [17, с. 319].

В этой связи обращает на себя внимание инфор-

мация из труда Г. Ф. Миллера «История Сибири», в которой явно с опорой на сибирско-татарские исторические предания отмечается, что «бухарский князь Шигей» (под ним явно подразумевается казахский султан Шигай, действительно тесно связанный с Бухарским ханством [11, с. 398]) являлся тестем брата хана Кучума Ахмет Гирея, который между 1574-1578 гг., видимо, был ханом (или соправителем Кучума) [4, с. 54–57] в Сибирском юрте. Далее сказано, что из-за каких-то трений с данным казахским ханом он был убит по его повелению [11, с. 196]. Эти предания относятся к тому времени, когда Шигай еще являлся только султаном, но получившим к 1581 г. во владение город Ходженд в Бухарском ханстве. Так как он с 1581 г. уже являлся ханом казахов, названные исторические предания рисуют период до этой даты. Получается, что казахско-бухарские контакты существовали уже в 1570-х годах. Если это так, то Кадыр Али-бек мог прибыть в Сибирское ханство достаточно рано, еще в начале 1570-х годов, например, сопровождая будущую супругу Шибанида Ахмет Гирея. Это могло случиться и позже, пока у казахского хана Тавакула около 1583 г. не испортились отношения с Бухарским ханством.

Имея ввиду все сказанное, в караче хана Кучума Кадыр Али-бека вовсе не обязательно видеть представителя именно казахского племени джалаир. В данном плане следует принять во внимание то место из сочинения Кадыр Али-бека, где он рассказывает о своих предках, возводимых им к нойону Сартаку (а он – историческая личность – см.: [13, с. 98; 14, с. 272; 15, с. 172]), жившему, по его мнению, «во времена Чингисхана», при этом перечислив беков, правивших «гребнетамговыми джалаирами», вплоть до себя [8, 21 б.]. Однако он при этом замечает, что все они «были известны среди узбеков» [8, 21–22 бб.]. Стало быть, карача-бек Шибанида Кучум-хана рассматривает своих предков и их клан как составную часть кочевых узбеков, а не казахов. Именно это известия дополнительное значение приобретает сообщение Есиповской летописи (по списку Ундольского) о том, что «Карачи» хана Кучума являлся «Татаринюм» [17, с. 216–217]. Хотя можно было бы возразить, что в данном случае мы имеем дело с неполной еще расчлененностью казахско-узбекского этнического сообщества (известно, что казахов долгое время называли «узбеками», да и сами они себя так могли именовать вплоть до начала XX в.), не менее вероятна иная трактовка, а именно: служивший еще отцу султана Ураз Мухаммеда султану Ундану Кадыр Али-бек, как представитель «узбекского» клана джалаир, мог считать себя именно «узбеком», длительное время связанным с Шибанидами. И тут определения источников о том, что этот карача-бек являлся не только «узбеком», но и «татаринюм», являются содержательными.

Явная первоначальная «принадлежность» клана джалаир Кадыр Али-бека к Шибанидам и Сибирскому ханству, а не к Казахскому проистекает и из других исторических материалов.

Прежде всего, анализ двухтомного труда, посвященного казахскому роду «жалайыр» (см.: [9]), показывает, что Кадыр Али-бек и его предки привнесены туда искусственно, никаких реальных связей с личностями, относящимися к этому казахскому родоплеменному подразделению, там не обнаруживается.

Во-вторых, надо принять во внимание отмеченную выше информацию из «Сибирских летописей» относительно того, куда Кадыр Али-бек и его люди удалились после поражений в центральных районах Сибирского ханства – а ушли они в первый раз кочевать «меж Тары и Барабы и Оми» или «вверх Иртыша и реки Оби» [14, с. 251, 253, 339] где-то в район о. Юлым (Чулым), где находились «дальняя» [их] жилища» [14, с. 254]. И это была какая-то степная территория [14, с. 253]. Похоже, что тут речь идет о Барабинской степи. А это нам дает новые возможности обнаружения конкретных данных о клане джалаир как части населения Сибирского ханства.

Дело в том, что, согласно Рашид ад-Дину, племя джалаир, находившееся в зависимости уже от предков Чингисхана и локализованное в районе р. Онон и вблизи Каракорума, но служившее в свое время гурхану, «государю уйгуров», состояло из 10 «больших ветвей», каждая из которых «стала многочисленным народом». В числе этих ветвей была и группа, именованная как «джат» [13, с. 93], что совпадает с тюркским «чат». И вот тут нам самое время вспомнить про чатов, ко времени прихода русских занимавших западные районы Барабинской степи (это территории в бассейне верховьев р. Оми и притоков Оби). По мнению Н. А. Томилова, некогда предки чатов кочевали в северной части Куландинской степи, после присоединения к Московскому царству около 1598 г. имели Чатский городок и Мурзинский городок вблизи р. Оби. Любопытно, что, согласно преданиям чатских татар, они в свое время «сложились с Кучумом царем, ...сговор был скреплен шертью». То есть, как полагает Н. А. Томилов, они являлись не столько подданными, сколько союзниками хана Кучума [19, с. 202–204].

Также не стоит забывать и приводимое в сибирских летописях обстоятельство, что карача обратился за помощью к Ермаку для защиты от «Казачьей орды».

Наконец, еще один штрих к обсуждаемой теме. Как уже говорилось, в 1588 г., накануне пленения известной троицы в крепости Тобольске, у них было войско в 500 человек. Эта цифра весьма напоминает данные, содержащиеся в народно-краеведческом сибирско-татарском сочинении «Происхождение аула Сала». Там речь идет о приходе «из Бухары» группы во главе с «Тайбуга-бием», сыном Шах-Мурада, на «земли Искера» в сопровождении 500 человек, а также муфтия и мударриса [5, с. 162–163]. Скорее всего, здесь подразумевается приход мусульманских проповедников в годы правления Кучума и его брата Ахмет Гирея. Есть еще один похожий рассказ, в котором общается о приходе в Искерский юрт при хане Ахмет Гирее мусульманских деятелей, в составе которых

находился и шейх ул-ислам. Так вот, число сопровождавших их определяется также в 500 или 1000 человек [5, с. 163]. Эти числовые совпадения и хронологические соответствия вполне могут свидетельствовать о том, что в данной группе мог находиться и будущий карача Кадыр Али-бек из клана джалаир. Но одновременно становится понятным, что данное сообщество, оказавшееся в Сибирском ханстве значительно раньше Тайбугида Саид Ахмедбека, состояло из выходцев из Бухарского ханства, то есть это были представители «узбеков» Шибанидов. А так как хан Кучум и его брат Ахмет Гирей тоже являлись Шибанидами, джалаир Кадыр Али-бек мог легко вписаться в общий состав населения Сибирского юрта, причем из-за знатности главы клана (потомок нойона Сартака!) он стал в этом ханстве одним из карача-беков.

В историографии существует и предположение о том, что в связи с тем, что Тайбугид Саид Ахмед-бек прибыл из того же Бухарского ханства, в условиях поражения хана Кучума и его родственников у сибирско-татарской знати мог созреть план замещения их на престоле Сибирского ханства казахским султаном Ураз Мухаммедом. Близки к этому позиции казахстанских исследователей А. Кузембайулы, Е. Абиля и Т. Алибека. В недавно вышедшей книге «Сибирский улус и казахи» они предлагают видеть в занятии Искера Саид Ахмед-беком Тайбугидом в 1585 г. захват столицы ханства отрядами казахов «во главе с бием Кадыргали Жалаири и тайбугинцем Сейд-Ахметом», инициированный правителем Казахского ханства ханом Таукелем. Более того, они считают, что «при Кадыргали-бие находился одиннадцатилетний султан Ораз-Мухаммед, племянник Таукель-хана, очевидно, кандидат на провозглашение Сибирским ханом» [10, с. 192].

На наш взгляд, данное предположение имеет под собой определенную основу. Не будучи представителем «золотого рода», Тайбугид Саид Ахмед, захватив Искер, держал рядом Чингисида Ураз Мухаммеда. Возможно, сближение Саид Ахмеда и карачи Кадыр Али-бека, ведущего вполне самостоятельную политику и имевшего, как видим, по «Джамигут-таварих», давние связи с отцом султана Ураз Мухаммеда Унданом, могло произойти на почве общих интересов замещения Шибанидов новым более удобным Чингисидом. Однако эти планы не входили в интересы новых сил, появившихся в Сибири. В итоге письменный голова Данила Чулков пленил этот триумвират, в котором юный султан выступал в качестве заложника обстоятельств.

Библиографический список

- 1 Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просографическое исследование / А. В. Беляков. – Рязань : Рязань. Мир, 2011. – 512 с.
- 2 Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинеи Карамышев Мусаитов. Опыт совместной биографии / А. В. Беляков. – Алматы : АО «АБДИ компани», 2019. – 208 с.
- 3 Беляков А. В. Ураз-Мухаммед в Сибири / А. В. Беляков //

- История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – С. 61–64.*
- 4 Исхаков Д. М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах / Д. М. Исхаков. – Казань : Издательство «Иман», 1997. – 78 с.
 - 5 Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки / Д. М. Исхаков. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 196 с.
 - 6 История и культура татар Западной Сибири. Монография. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 728 с.
 - 7 История Казахстана с древнейших времен до наших дней : в 5 т. – Алматы : «Атамұра», 2010. – Т.2. – 622 с.
 - 8 Кадыйр Гали бәк. «Жәмигыт-тәварих» // Миранстан биш сәхифә: XVII – XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре / [транск. эшләүче, хәзерге татар әд. теленә күчерүче, ис. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С.Г. Гыйләжәтдинов]. – Казан : Татар. кит. нәшр., 2011. – ББ. 7-36.
 - 9 Казак ру – тайпаларының тарихы. Жалайыр. VIII том. Бірінші кітап; Екінші кітап. Алматы : Алаш тарих-зерттеу орталығы, 2007. – 408 б.; 654 б.
 - 10 Кузембайұлы А. Сибирский Улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти / А. Кузембайұлы, Е. Абиля, Т. Алибек. – Костанай : Региональный университет имени А. Байтурсынова, 2022. – 256 с.
 - 11 Миллер Г. Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Изд.фирма «Восточная литература», 1993. – Т. I. – 630 с.
 - 12 Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. I. Группа Есиповской летописи. – Москва : Наука, 1987. – 383 с.
 - 13 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Москва : НИЦ «Ладомир», 2002. – Т. I. Книга первая. – 221 с.
 - 14 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Москва : НИЦ «Ладомир», 2002. – Т. I. Книга вторая. – 315 с.
 - 15 Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Москва : НИЦ «Ладомир», 2002. – Т. II. – 253 с.
 - 16 Рябинина Е. А. Сейдяк и Ураз-Мухаммед в сибирской истории / Е. А. Рябинина, Д. Н. Маслюженко // Золотоордынское обозрение. – 2023. – Т. 11. – № 2. – С. 380–396.
 - 17 Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 688 с.
 - 18 Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р. Г. Скрынников. – Новосибирск : Изд-во «Наука». Сибирское отд., 1982. – 253 с.
 - 19 Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. / Н. А. Томилов. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та., 1981. – 274 с.
 - 20 Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара / М. А. Усманов – Казань : Изд-во Казанского университета, 1972. – 222 с.
 - 21 Юсупов Ф. Ю. В. В. Радлов и его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» / Ф. Ю. Юсупов. – Нижний Тагил : ООО «Онлайн-сервис», 2021. – Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар» (СПб., 1872). – 912 с.

К ПРЕДЫСТОРИИ КАЗАХСКОГО РОДОПЛЕМЕННОГО СОЮЗА ЖЕТЫРУ

Аннотация. В статье рассмотрена история формирования казахского родоплеменного союза жетыру. Автор оспаривает распространенное представление, что данное объединение возникло только в эпоху административно-правовых реформ Тауке-хана в конце XVII в. Критически анализируется один из главных русских источников XVIII в. по родоплеменной структуре казахского общества – описание, составленное в 1748 г. А. И. Тевкелевым.

Опираясь на письменные источники, народные легенды и предания, результаты исследований в области популяционной генетики, автор показывает наличие тесных связей между племенами, вошедшими в объединение жетыру в XV–XVI вв. Исследование письменных источников по истории династии шибанидов позволяет установить нахождение некоторых племен жетыру в составе государства Абулхаир-хана. Сопоставление родоплеменной структуры казахского, башкирского, каракалпакского, ногайского народов позволяет сделать вывод о длительном пребывании племен жетыру в составе Ногайской Орды и Сибирского ханства.

Предпринимается попытка реконструировать основные этапы истории племен жетыру в XVI–XVII вв., включая период их вхождения в Казахское ханство, роль в возникновении объединения курама и отношения с различными правителями. Обосновывается связь племен жетыру с сибирскими шибанидами, в связи с чем выдвигается предположение о происхождении известного из письменных источников правителя Ташкента Урус-султана.

Ключевые слова: жетыру, казахские племена, Казахское ханство, Ногайская Орда, Шибаниды, Сибирское ханство.

Annotation. The article considers the history of the formation of Zhetyru tribal union. The widespread idea that this association arose only in the era of administrative and legal reforms of Tauke Khan at the end of the XVII century is disputed. The author critically analyzes one of the main Russian sources – a description compiled by A.I. Tevkelev in 1748.

The author relies on written sources, folk legends, population genetics, reveals the presence of various connections between tribes of Zhetyru association in the XV-XVI centuries, concludes that some Zhetyru tribes were included in the state of Abulkhair Khan, compares the tribal structure of Kazakh, Bashkir, Karakalpak, Nogai peoples, concludes about the long stay of the Zhetyru tribes as part of Nogai Horde and Siberian Khanate.

The article reconstructs the main stages in the history of Zhetyru tribes in the XVI-XVII centuries: their entry into the Kazakh Khanate, their role in the emergence of Kurama association and relations with various rulers. The author also substantiates the connection between Zhetyru tribes and Siberian Shibanids, the origin of the ruler of Tashkent, Urus-Sultan.

Keywords: zhetyru, Kazakh tribes, Kazakh Khanate, Nogai Horde, Shibanids, Siberian Khanate.

Большинство исследователей родоплеменной структуры традиционного казахского общества, касаясь истории возникновения союза жетыру, опирается на сведения, зафиксированные в 1748 г. известным русским дипломатом и чиновником А. И. Тевкелевым в специальном описании родоплеменного состава казахов [13, с. 301–302]. В этом документе союз жетыру был представлен как искусственно созданное в конце XVII – начале XVIII в. объединение различных по происхождению племен.

Эти сведения позже вошли в известную книгу А. И. Левшина [21, с. 289], которая была признана научным сообществом не только фундаментальной исследовательской работой, но и ценнейшим источником по истории казахского народа. В дальнейшем версия А. И. Тевкелева воспроизводилась в работах Н.А. Аристовой [1, с. 379], В. В. Вострова и М. С. Муканова [10, с. 81], Н. Э. Масанова [22, с. 246–247] и многих других ученых.

Некоторые исследователи фактически отвергли версию А. И. Тевкелева, высказывая свои замечания и догадки. Так, М. Тынышпаев, рассматривая исто-

рию образования союза жетыру, писал: «По киргизским преданиям Тауке-хан соединил слабые 7 родов Средней Орды в один союз и включил их в Младшую; данные о происхождении их противоречат этим преданиям» [35, с. 101].

С. М. Ахинжанов, комментируя наличие у средневековых кыпчаков племени йета (в древнерусских летописях – етебичи), предлагал «сопоставить кыпчакское название етебичи-йета с казахским этнонимом джетыру, известным в составе Младшего жуза» [2, с. 268].

Т. И. Султанов в специальном исследовании, посвященном традиционным спискам 92 племен илатья, выявил «принцип совместной подачи в списках названий родов и племен, входивших в политические объединения или родственных генетически». Обратив внимание на соседство племен табын, тама, рамадан, телеу, кердеры, он предположил, что это были «казахские племена, входившие в объединение “жетыру”» [33, с. 50–51]. То есть речь идет о том, что между отдельными племенами жетыру существовали устойчивые связи еще в XVI в.

В. В. Трепавлов также заметил, что «состав и даже порядок перечисления составных элементов жеты ру, по сочинениям XIX в., разительно совпадают с этнонимами восточных кипчаков позднего средневековья (так называемых кочевых узбеков) и их расположением в списках узбекских племен-илатий XV–XVII вв.» [34, с. 431].

Однако отдельные замечания и наблюдения не получили развития, и вопрос возможного существования союза жетыру или его прообраза в XV–XVII вв. не стал предметом специального исследования.

В соответствии с описанием А. И. Тевкелева семь степных племен – табын, тама, жагалбайлы, кердеры, керейт, телеу, рамадан – были разрозненными и малочисленными объединениями, часто притесняемыми своими соседями. Увековечивший свое имя осуществленной правовой реформой казахский правитель Тауке-хан принял решение объединить семь племен в единый улус, чтобы они могли успешнее отстаивать свои интересы. Но данная мера оказалась недостаточно эффективной. Даже вместе племена жетыру не могли в должной мере противостоять своим противникам [13, с. 301–302].

Эта информация, несомненно, отражала реальные события, поскольку А. И. Тевкелев мог основываться на рассказах еще живых свидетелей тех событий. Частичное подтверждение этому встречается и в народных преданиях позднего периода.

В начале XIX в. Я. П. Гавердовский, основываясь на рассказах казахов, писал, что союз жетыру «составился из пришельцев от семи разных народов и земель, кои породнясь с природными киргизцами через супружество и, соединясь купно, составили сей род» [14, с. 49].

В легендах, записанных Г. Н. Потаниным столетие спустя, племена жетыру также называются «пришельцами» (кiрме) в Младшем жузе. В них повествуется, как легендарный мудрец Асан-Кайгы, поселившись в местности Жидели-Байсын в районе Бухары, отправил на родину семь посланцев, призвав народ последовать его примеру. Вследствие случившейся войны переселение не состоялось. Посланцы Асан-Кайгы стали родоначальниками семи племен: канлы и шанышкылы в Старшем жузе; керей и уак – в Среднем жузе; табын, телеу и тама – Младшем жузе. Всем им присваивается общее название – жетыру [26, с. 56, 60–61].

Очевидно, что в этой, хронологически самой поздней версии произошло полное смешение сюжетов традиционных преданий происхождения племен всех трех жузов. Тем не менее в ней явно отражен и факт позднего формирования объединения жетыру.

В то же время следует учесть, при каких обстоятельствах появилось на свет известное описание А. И. Тевкелева. 11 сентября 1748 г. русская администрация в Оренбурге получила письмо знаменитого казахского военачальника Есет-батыра, главы союза жетыру. В этом послании излагались различные претензии к российской стороне, в том числе лично к А. И. Тевкелеву. Отличавшийся вспыльчивостью

Есет-батыр не поспешил и на крепкие выражения. Оскорбленный А. И. Тевкелев дал посланникам, доставившим письмо, устный грубый ответ, в частности заявив, что племена жетыру являются «семиродными беднячками» [13, с. 289–291].

Именно в эти дни А. И. Тевкелев завершал свое описание казахских племен и родов, направив его в Коллегию иностранных дел Российской империи 24 сентября 1748 г., то есть всего несколько дней спустя после получения письма от Есет-батыра. Таким образом, представление жетыру как слабого и случайно возникшего объединения могло быть следствием сведения личных счетов со стороны А. И. Тевкелева. По крайней мере, мотив для этого был.

Совокупность различных сведений позволяет установить давние связи между племенами, вошедшими в состав жетыру. В этом отношении представляют интерес традиционные списки 92 племен илатийа (кочевников). Самые ранние их варианты были зафиксированы в известном сочинении Сайф ад-Дина Ахсикенти «Маджму ат-Таварих». В этих списках значились шесть племен жетыру из семи.

Поскольку «Маджму ат-Таварих» является сочинением XVI в., получается, что связи между некоторыми племенами существовали за столетие до прихода к власти Тауке-хана. Необходимо также учесть, что Ахсикенти не был составителем оригинального перечня. В тексте своей работы он прямо указывает, что руководствовался сведениями, почерпнутыми в сочинении под названием «Таварих-и Зубдат ал-Башара» и других книгах, к сожалению, до настоящего времени не обнаруженных.

Проверить обоснованность вышеотмеченного тезиса Т. И. Султанова о генетическом родстве или общности истории соседствующих родоплеменных объединений в списках 92 племен илатийа позволяют другие сведения из исторических источников. Для начала можно рассмотреть, с какими еще объединениями соседствовали племена жетыру в традиционных списках племен илатийа.

Первая группа, то есть табын, тама и рамадан, располагается между дурманами и уйсунами, весьма известными племенами в истории Золотой Орды и ее наследниками. Не углубляясь чрезмерно в их историю, стоит отметить, что дурманы и уйсунуны в XV в. играли весьма заметную роль в составе государства Абулхайр-хана и его внука Мухаммеда Шейбани-хана [3, с. 394–396; 33, с. 37].

Связь между племенами уйсун и табын прослеживается по фольклорным источникам. Если по казахским шежирам прародителем племени уйсун был легендарный Майкы-бий, то по башкирским легендам он же являлся предком племени табын [18, с. 241–242].

Можно также обратить внимание на следующий отрывок в «Таварих-и Гузида Нусрат-наме», где речь идет о соратниках Абулхайр-хана: «Из [племени] дурман Инка-ходжа и Йумадук. Из [племени] тубайтуман – Дарвиш-бахадур, из [племени] ушун – Шайх-Мухаммад-бахадур» [23, с. 17].

Как видно, этот отрывок начинается именами эмиров племени дурман, а завершается упоминанием предводителя племени ушун (уйсун). Между ними располагается племя «тубай-туман». В других источниках той эпохи племена тубай и туман фигурируют по отдельности, но часто рядом друг с другом. Несомненно, это свидетельство традиционного союза между ними. Позже в казахском обществе союзнические племена нередко воспринимались как единое объединение, и их названия сливались в одно целое (албан-суан, уак-керей, атыгай-карауыл и т. п.).

Интересно, что в составе Керейтского государства в начале XIII в. упоминается племя туман-тубеген [18, с. 130–131, 141]. Очевидная схожесть парного названия дает основания предполагать, что происхождение тубай-туманов напрямую было связано с керейтскими туман-тубегенами.

Названия туман и тубай также напоминают названия казахских племен тама и табын, находившихся в тесном союзе. В русских источниках XVIII–XIX вв. они нередко фигурировали под единым названием «тама-табынцы».

Если принять данное отождествление, получается, что в отрывке из «Таварих-и Гузида Нусрат-наме» предстает та же группа племен (за исключением племени рамадан), в том же порядке, что и на страницах «Маджму ат-Таварих». Это тем более важно, что автором «Таварих-и Гузида Нусрат-наме», по мнению ряда исследователей, был сам Мухаммед Шейбани [40, с. 33–34]. То есть человек, прекрасно знавший структуру, иерархию и связи степных племен Дешт-и Кыпчака.

Племя туман отличалось особой лояльностью по отношению к Абулхаир-хану и Мухаммед Шейбани-хану [23, с. 16–17, 97; 32, с. 8]. Племя тама также поддерживало Мухаммеда Шейбани-хана [33, с. 9–10].

Одновременно два названия в источниках не встречаются. Когда есть племя туман, нет племени тама, и наоборот. Кроме того, племя туман отсутствует в списках 92 племен илатийа, но в нем есть племя тама [33, с. 32]. Это обстоятельство дает основание для уверенного отождествления названий «туман» и «тама».

Также можно заметить, что одним из сподвижников Абулхаир-хана в «Таварих-и Гузида Нусрат-наме» указывается Бурджи-Кара-Даулат-ходжа-бахадур из племени туман [23, с. 17]. Можно рассмотреть возможность его отождествления с родоначальником казахских тама по традиционным шежире – Кара-Бурой, чье имя являлось ураном (боевым кличем) племени. Хронологически подобное предположение допустимо. Внук Кара-Буры – знаменитый Шора-батыр Нарик-улы – погиб в 1547 г.

Племя тама входило также в состав Ногайской Орды. Оно подразделялось на такие рода, как костамгалы-тама и ябы-тама [34, с. 492]. При этом основной тамгой казахского племени тама были две параллельные черты «II» (кос-тамга), один из трех родов носил название жабыл-тама [10, с. 100]. Эти сведения дают основание полагать, что казахские и ногайские тама не просто имели общие корни, но и разделились достаточно поздно.

Отождествление племени табын и тубай (тубалы) кажется более проблемным. Главным препятствием является одновременное присутствие племен с этими названиями в списках 92 племен илатийа. Возможно, что это следствие ошибки, одно и то же племя могло быть указано под двумя названиями. К тому же сведения о племени тубай не встречаются в источниках после XVI в. Интересно, что племя тубай (тубалы) в списках илатийа располагается рядом с племенами телеу и кердеры, также вошедшими в родоплеменной союз жетыру.

Можно допустить также, что изначально существовавшее племя тубай со временем слилось с племенем табын. Здесь следует отметить, что в шибанидских источниках племя тубай отмечается также под названием тубан [23, с. 22]. Исходя из созвучия можно отождествить его с известным племенем дуван в составе ногайцев и башкир. По традиционным башкирским шежире, племена табын и дуван вели свое происхождение от двух родных братьев [19, с. 204].

Исследования в области популяционной генетики свидетельствуют, что казахское племя табын, вероятно, сформировалось как альянс двух различных по происхождению групп. Ветвь агым родственна башкирским табынам, в то время как ветви тогым и бозым имеют совершенно иное происхождение [31, с. 15].

Непосредственно название «табын» не встречается в шибанидских источниках. Однако весьма интересные сведения содержатся в башкирских легендах. В одной из них переселение племени табын с Иртыша и Ишима в башкирские земли связывается с временами вражды Ибак-хана и Шибак-хана [19, с. 68].

Как неоднократно отмечали исследователи, эти имена идентифицируются без особых затруднений. В 1470 г. Ибак-хан в коалиции с казахскими правителями Керей-ханом и Жанибек-ханом разгромил наследника Абулхаир-хана – Шайх-Хайдара. Затем Ибак-хан пытался расправиться и с внуком Абулхаир-хана – Мухаммедом Шейбани, нашедшим убежище в Астрахани. То есть в преданиях башкирских табынов сохранились отзвуки реальных исторических событий, происходивших в конце XV в.

По другой легенде, двенадцать табынских родов были подчинены Гирей-хану, но после его смерти племя возглавил некий Хани Углан, пришедший из Астрахани. Опираясь на табынов, новый правитель подчинил себе племена герей и минг. Через некоторое время, после смерти в Астрахани Тимур-Кутлу-хана, Хани Углана пригласили занять престол в этом городе. Башкиров же возглавил его малолетний сын Туктар-бий. Повзрослев, он отправился на поиски отца, а потом поселился на берегу реки Тока, притоке Самары [30, с. 53].

Фигурирующего в этом источнике Гирей-хана, вероятно, следует отождествить с казахским Керей-ханом. Других известных правителей с таким именем в тот период в истории региона не было. В свою оче-

редь, «Хани Углан» – это явно не имя, а словосочетание «Ханский сын». Вероятно, под данным прозвищем в легенде выступал все тот же Ибак-хан. По крайней мере, именно он в конце XV в., воцарившись в Сибири и Ногайской Орде, целенаправленно пытался свергнуть власть потомков Тимур-Кутлуг-хана в Поволжье [27, с. 269–270].

Эти легенды дают основание полагать, что именно в конце XV в., после смерти Абулхаир-хана, значительная часть племени табын вошла в состав башкир, находившихся в орбите влияния ногайских биев и сибирских ханов. Особо тесные связи существовали между табынами и потомками Ибак-хана.

В. В. Трепавлов отмечает, что «восточные табынцы, во-первых, были исторически связаны с Сибирским юртом как со своей прародиной; во-вторых, воспринимали тамошних ханов в качестве своих законных и законных сюзеренов, обладавших правом на сбор ясака и мобилизацию ополчения» [35, с. 27–28].

Обращаясь к истории рамаданов, В. В. Востров и М. С. Муканов замечали, что тамга этого племени практически идентична тамгам родов дулат и албан. При этом ураном племени рамадан являлось слово (или имя) «Дулат». Из этого был сделан вывод о близости племени рамадан с племенем уйсун, ответвлениями которого являются дулаты и албаны [10, с. 96].

По казахским шежирам, одним из предков племени рамадан был Жиренше-шешен [37, с. 60]. В народной памяти он был запечатлен как непревзойденный мудрец и оратор, советник Жанибек-хана. Причем своими успехами Жиренше-шешен во многом был обязан своей мудрой жене [26, с. 67–71, 167–170].

В свою очередь, популярным героем башкирского фольклора был Еренсэ-сэсэн, чья спутница жизни также славилась редким умом и дальновидностью. Основной сюжет башкирских преданий связан с пребыванием Еренсэ-сээна в плену у казахов [5, с. 198–199, 204–206].

Обоснованно отождествив этих персонажей, Ж.М. Сабитов предположил, что племя рамадан появилось в родоплеменной структуре казахского народа вследствие контактов с башкирами [32, с. 183].

Среди племен, примыкавших к Мухаммед Шейбани-хану, отмечается племя тили-минг. Позже при Бухарском дворе, согласно традиции, старейшины племени телеу занимали место по правую сторону от престола [33, с. 8, 38].

В составе Ногайской Орды находились как племя телеу, так и племя телеу-минг [34, с. 491, 494]. У башкир теляу изначально было отдельным племенем, но затем вошло в табынский союз [19, с. 235].

У каракалпаков род тели являлся одной из ветвей племени муйтен. Кроме того, другой род племени муйтен носил название самат. Такое же название носил один из родов казахского племени телеу. Отличием племени муйтен от других каракалпакских племен было сохранение значительного пласта фольклорных произведений, связанных с Ногайской Ордой. Также, по одному из преданий, прародители племени муй-

тен были воспитанниками Ак-Шолпан, дочери Есим-хана [11, с. 54–55, 101–102].

Происхождение племени кердеры связывается с древними кидаритами [8, с. 13]. Однако его средневековая история почти неизвестна. По каракалпакским преданиям, род кердерли входил в состав племени муйтен [11, с. 103]. Название муйтен, по всей вероятности, происходит от имени Муйтена – легендарного предка башкирского племени усерган [19, с. 140–141].

О происхождении племени керейт свидетельствует само название. Несомненно, это был осколок древних керейтов, властвовавших на территории Монголии и Алтая в XII в. [16, с. 46–47]. Как уже было указано, в состав керейтского государства входило племя тумен-тубеген, что дает основание предположить наличие давних исторических связей между керейтами и племенами тама и табын.

Хотя керейты не упоминаются в источниках среди племен, оказывавших поддержку шибанидам, они отмечаются в составе Ногайской Орды [34, с. 488].

Единственным племенем жетыру, отсутствующим в составе 92 племен илатийа, является жагалбайлы. Возможно, это следствие позднего выделения из состава другого объединения. Так, у волжских ногайцев род жагалбайлы являлся одним из подразделений племени найман. Тамга этого рода в виде буквы «Т» была аналогична тамге казахского племени жагалбайлы [25, с. 81]. В составе ногайского племени кыпчак также присутствовал род ягылбайлы с тамгой в виде буквы «І», обычно именуемой «алип» [17, с. 49].

Среди узбекских племен подразделения под названием жагалбайлы присутствовали среди племен найман и кыпчак [39, с. 132]. У башкиров род ягалбай был в составе племени бурзян [19, с. 138]. У каракалпаков род жагалтай входил в состав племени кыпчак [11, с. 163].

Эпос «Кыз-Жибек» называет родиной племени жагалбайлы берега Черного и Белого (Азовского) морей [20, с. 6]. По казахскому шежирам, одним из ключевых родоначальников племени жагалбайлы был Каракатыс, известный также как Карт-Казак [6, с. 74].

Учитывая очевидную связь рода жагалбайлы с Ногайской Ордой, можно предположительно отождествить Карт-Казака с известным героем степного эпоса Карт-Кожак-батыром.

В общих чертах историю племен жетыру можно представить следующим образом. Племена табын, тубан (дуван), тама (туман), рамадан, телеу, кердеры, керейт входили в XV в. в состав государства Абулхаир-хана.

После смерти Абулхаир-хана часть племен, сохранив верность семье покойного правителя, последовала за его внуком Мухаммедом Шейбани-ханом, переселившись на территорию современного Узбекистана. Другая часть вошла в состав выделившегося под властью Муса-бия нового государственного объединения – Ногайской Орды.

В Казахское ханство эти племена входили, воз-

можно, лишь периодически, при сильных казахских ханах – Керей-хане, Касым-хане, Хакназар-хане, осуществлявших успешную экспансию на западном направлении. Когда территория, контролируемая казахскими правителями, сокращалась, племена жетыру оставались на своих землях, признавая своими сюзеренами ногайских биев и сибирских ханов. Примечательно, что в списках 92 племен илатья основной костяк казахских племен – жалаир, конырат, алшын, аргын, найман, кыпчак – четко сгруппирован и находится в значительном отдалении от племен жетыру.

Лишь в конце XVI – начале XVII в., в период острого кризиса и распада Ногайской Орды и Сибирского ханства, части племен табын, тама, рамадан, кердеры, телеу, керейт, жагалбайлы перемещаются на территорию современного Южного Казахстана и Северного Узбекистана.

По всей видимости, вместе со своими верными табынами в казахские степи уходят и потомки сибирского правителя Кучум-хана. Его правнук Кучук-хан был похоронен под стенами мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави [9, с. 466].

Вначале семь племен поселились вблизи Ташкента. Достаточно уверенно говорить об этом позволяют сведения о родоплеменном составе объединения курама, представлявшего, по замечанию М. Тынышпаева, «казахский народ в миниатюре» [36, с. 181].

Впервые в письменных источниках объединение курама отмечается при описании событий, происшедших в 1635/36 гг. [4, с. 553]. По В. В. Радлову, объединение курама состояло из племен жалаир, телеу, тама, жагалбайлы, таракты. То есть доминировали в нем племена, вошедшие также в состав жетыру. Причем вполне вероятно, что указанный род таракты был ветвью племени табын. Кроме того, рядом с этими племенами, у Чиназа находились земли племени рамадан [28, с. 102, 112].

Поздние исследования также выявили в составе курама такие племена жетыру, как керейт, тама, жагалбайлы, телеу. Названия их подразделений частично совпадают с ветвями одноименных казахских племен, что, безусловно, свидетельствует об общих корнях. Кроме того, среди курама отмечается также племя тартулы, соседствовавшее с племенем тама. Комментируя этот факт, Т. Файзиев писал: «По литературным данным мы не нашли племени или рода под названием тартулы у других народов» [38, с. 46]. Однако такое название носил один из основных родов казахского племени табын.

Эти сведения позволяют полагать, что объединение курама изначально возникло именно на базе племен жетыру, к которым позже примкнули осколки других степных сообществ. Другими словами, прообраз союза жетыру под названием курама существовал уже в первой половине XVII в.

Известно, что некий султан по имени «Урас», в конце XVII в. некоторое время контролировавший Ташкент, опирался на племена катаган и курама, при этом «ежегодно» воюя с казахами [9, с. 466]. Это сви-

детельство подтверждается и другими источниками. В 1695 г. казахский правитель Тауке-хан во главе пятнадцатитысячного войска предпринимал безуспешный поход на Ташкент [12, с. 417–418].

В конечном счете, Тауке-хану все же, вероятно, удалось взять верх над соперником. По крайней мере, ташкентский мулла Нурмухаммед Алимов в 1735 г. рассказал русской администрации, что в числе правителей Старшего жуза, был «кульева роду – Урус-хан, которого свои подданные кайсаки, поймав, отдали в полон калмыцкому владельцу контайше» [15, с. 25].

Основываясь на многократно отмечаемой источниками близости племени табын с потомками Кучум-хана, можно предположить, что Урус (Урас) был представителем сибирской правящей династии, утвердившей свою власть над каракалпаками. Это объясняет и его непримиримую борьбу с казахскими правителями, болезненно воспринявшими захват Ташкента чужаком. Самого Уруса можно отождествить с упоминаемым в источниках начала XVIII в. каракалпакским правителем Рысмухамбет-султаном, сыном Бошай-султана, внуком Кучук-хана [24, с. 160–162].

Видимо, с поражением шибанидов было связано последовавшее переселение объединения жетыру на территорию Младшего жуза. Ташкентом овладело племя уйсун. При этом небольшие группы почти из каждого племени жетыру остались кочевать под Ташкентом и на территории Южного Казахстана, представляя собой наглядный след имевшей место миграции.

Почти два века спустя представители южной части племени тама, вошедшие в состав курама, рассказывали, что «когда-то, очень давно, предки их пришли сюда войною с запада, по окончании которой часть воротилась назад, а другая, неимевшая средств, осталась здесь» [7, с. 76–77].

Значительную или даже ключевую роль в новом переселении семи племен сыграл верховный казахский правитель Тауке-хан. Возможно, он сумел путем переговоров убедить предводителей жетыру прекратить союз с потомками Кучум-хана. Данный процесс не мог происходить без различных инцидентов, отражение которых сохранилось в материалах А. И. Тевкелева.

Одним из главных направлений расселения племен табын, тама, жагалбайлы, кердеры, телеу являлась территория северо-запада современного Казахстана (от Уральска до Костаная) и приграничных территорий России. Таким образом, союз жетыру взял на себя роль своеобразного «щита» в многочисленных конфликтах с соседними народами и в первую очередь – с башкирами.

Отсюда и происходит репутация племен жетыру как весьма воинственного объединения: «Преимущественное их отличие пред прочими в том, что они в старину занимались более военными действиями против неприятелей своей орды и отличались в сражениях примерно храбростью и мужеством; поэтому между ними и по ныне есть много батырей или

военных, храбрых людей» [6, с. 86].

Письменные источники первой половины XVIII в. также показывают, что главные военачальники Младшего жуза – Бокенбай-батыр, Есет-батыр, Сарке-батыр – были выходцами из племен жетыру. В то же время, учитывая исторические связи с башкирскими племенами, процесс продвижения племен жетыру по направлению к среднему течению р. Жайык вполне мог интерпретироваться ими как возвращение на свои исконные земли.

Таким образом, история родоплеменного объединения жетыру существенно расширяет представление об истории казахского народа в XV–XVIII вв., его взаимоотношениях с соседними народами, проливает свет на время и обстоятельства возникновения союза курама, позволяет выявить некоторые детали соперничества казахских чингизидов с чингизидами сибирской династии.

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP13068670)

Библиографический список

- 1 Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н. А. Аристов // Живая старина. – 1896. – Вып. III–IV. – С. 277–456.
- 2 Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана / С. М. Ахинжанов. – Алматы : Гылым, 1995. – 296 с.
- 3 Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке / В. В. Бартольд. – Москва : Издательство «Наука», 1964. – Т. II. – Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – С. 388–399.
- 4 Бартольд В. В. Курама / В. В. Бартольд. – Москва : Издательство «Наука», 1968. – Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – С. 552–553.
- 5 Башкирское народное творчество. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1987. – Т. I. Эпос. – 544 с.
- 6 Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение Земли Киргиз-Кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского ведомства / И. Ф. Бларамберг. – Санкт-Петербург, 1848. – 119 с.
- 7 Верецагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания / В. В. Верецагин. – Санкт-Петербург : Типография министерства путей сообщения, 1883. – 155 с.
- 8 Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего / Н. И. Веселовский. – Санкт-Петербург, 1877. – 364 с.
- 9 Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая область, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. / Н. Витсен. – Амстердам : Издательство Regasus, 2010. – Т. I. – 579 с.
- 10 Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.) / В. В. Востров, М. С. Муқанов. – Алма-Ата : Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968. – 255 с.
- 11 Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX – начале XX века / Т. А. Жданко. – Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 172 с.
- 12 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / сост. А. Исин. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – Т. I. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). – 704 с.
- 13 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / сост. И. В. Ерофеева. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). – 484 с.
- 14 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / сост. И. В. Ерофеева. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. – 368 с.
- 15 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / сост. И. В. Ерофеева. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XX века – 516 с.
- 16 Кадырбаев А. Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиоров, найманов и киреитов / А. Ш. Кадырбаев. – Алматы : «Рауан», «Демеу», 1993. – 168 с.
- 17 Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры / Р. Х. Керейтов. – Ставрополь : Сервисшкола, 2009. – 464 с.
- 18 Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / С. А. Козин. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. – Т. I. – 619 с.
- 19 Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. – Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2010. – 560 с.
- 20 Қыз Жібек. – Алматы : Жазушы, 1967. – 144 с.
- 21 Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А. И. Левшин. – Алматы : Санат, 1996. – 656 с.
- 22 Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества / Н. Э. Масанов. – Алматы : Print-S, 2011. – 740 с.
- 23 Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. – Алма-Ата : Издательство «Наука» Казахской ССР, 1969. – 655 с.
- 24 Материалы по истории каракалпаков : сборник / ред. А. Н. Самойлович. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1935. – 299 с.
- 25 Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья / П. И. Небольсин. – Санкт-Петербург, 1852. – 197 с.
- 26 Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки / Г. Н. Потанин. – Петроград : Типография В. Д. Смирнова, 1917. – 198 с.
- 27 Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / Р. Ю. Почекаев. – Санкт-Петербург : Евразия, 2019. – 464 с.
- 28 Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника / В. В. Радлов. – Москва : Наука, 1989. Главная редакция восточной литературы. – 749 с.
- 29 Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Рашид ад-Дин. – Москва, Ленинград : АН СССР, 1952. – Т. I. Кн. I. – 225 с.
- 30 Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами / отв. ред. Р. Г. Кузеев. – Уфа : НУР-Полиграфиздат, 1997. – 88 с.
- 31 Сабитов Ж. О происхождении казахского рода табын / Ж. Сабитов // The Russian Journal of Genetic Genealogy. – 2012. – V. 4, № 2. – С. 13–16.

- 32 Сабитов Ж. Этногенез казахов с точки зрения популяционной генетики / Ж. Сабитов // *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. – 2013. – V. 5, No 1. – С. 29–47.
- 33 Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории) / Т. И. Султанов. – Москва : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. – 160 с.
- 34 Трепавлов В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. – Казань : Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.
- 35 Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / В. В. Трепавлов. – Москва : Восточная литература, 2012. – 231 с.
- 36 Тынышпаев М. История казахского народа / М. Тынышпаев. – Алматы : Санат, 2002. – 224 с.
- 37 Үсенбаев Т. Қазақ шежіресі. Бірінші том. Кіші жүз – Бек Арыс / Т. Үсенбаев. – Алматы, 2015. – 480 с.
- 38 Файзиев Т. О родоплеменном составе узбеков-кураминцев конца XIX – начала XX века / Т. Файзиев // *Общественные науки в Узбекистане*. – 1963. – № 11. – С. 43–47.
- 39 Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. (Историко-этнографическое исследование на материалах китчакского компонента) / К. Ш. Шаниязов. – Ташкент : «Фан», 1975. – 342 с.
- 40 Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда / В. П. Юдин. – Алматы : Дайк-Пресс, 2001. – 384 с.

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

А. В. Беляков

г. Москва, Институт российской истории РАН

ПОТОМКИ И СВОЙСТВЕННИКИ БОЛЬШОГО СИБИРСКОГО КАРАЧИ В РОССИИ КОНЦА XVI–XVII В.: К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ЭЛИТЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI В.

Аннотация. Наши знания о составе элиты Сибирского ханства конца XVI в. крайне ограничены. Причина этого кроется в скудости сохранившихся до настоящего времени источников. Отчасти сложившуюся ситуацию позволяет поправить анализ свидетельств о знатных сибирских выходцах в Европейской России. Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют о том, что они тесно связаны между собой родственными узами. При этом тенденция поиска брачных партнеров по преимуществу среди сибирской знати сохраняется и в России.

Ключевые слова: элита Сибирского ханства, Русское государство XVI–XVII вв., большой карача, мирзы Мусаитовы-Карамышевы, мирзы Стокасимовы, мирзы Юсуповы.

Annotation. Our knowledge about the composition of the elite of the Siberian Khanate at the end of the 16th century. extremely limited. The reason for this lies in the scarcity of sources that have survived to this day. In part, the current situation can be corrected by the analysis of testimonies about noble Siberian immigrants in European Russia. The documents at our disposal indicate that they are closely related by family ties. At the same time, the tendency to search for marriage partners primarily among the Siberian nobility persists in Russia as well.

Keywords: elite of the Siberian Khanate, Russian state of the 16th–17th centuries, big karach, mirzas Musaitovs-Karamyshevs, mirzas Stokassimovs, mirzas Yusupovs.

Количество документов о сибирских выходцах конца XVI в. в России крайне ограничено. Большинство из них уже введено в научный оборот. Однако даже анализ известных свидетельств позволяет сделать новые интересные наблюдения. Это, в частности, относится к сибирскому караче, его потомкам и свойственникам. Большинство из рассматриваемых ниже известных ранее уже анализировались нами по отдельности. Наступил момент, когда стало возможным объединить их.

Ранее было установлено имя карачи – Мухаммед, а также имена одного из его сыновей (Кошак Карачаров) и внука (Семен Кошачков) [4; 9, с. 178–180; 27, с. 288]. Хотя по настоящее время отдельные исследователи продолжают вслед за М.А. Усмановым [32, с. 33–51] отождествлять карачу с автором сочинения «Джами ат-таварих» Кадыр-Али-беком [14]. Привлечение иных документов позволяет несколько расширить состав этой семьи.

В писцовой книге Ростовского уезда 1629–31 гг. указано поместье некоего мирзы Мустафы Мамаева сына Семендерова. Ему из бывших дворцовых сел (Савинская волость Сотемского стана) досталось сельцо Васильевка с 7 1/2 деревнями и 11 1/2 пустошами. На момент писцового описания здесь значились двор помещика, двор людской, 35 крестьянских дворов, в которых проживало 86 крестьян, 33 бобыльских двора с 57 бобылями, два двора пустых и 28 мест дворовых. Землевладение составляло пашню паханную, перелогом и лесом поросло средней землей – 444 чети без полуосмины в одном поле, в пере-

счете на добрую землю выходило 355 четей. Кроме того, сенокосы составляли 1839 копен, а пашенный лес – 53 десятины. Из этого же источника становится известно, что ввозная грамота на поместье была дана мирзе в 1614/16 г. К 1646 г. картина хозяйствования несколько меняется. Теперь жилыми отмечены только сельцо и 4 1/2 деревни. В них указаны: 2 двора задорных людей, в которых проживало 3 человека; 30 крестьянских дворов с 98 крестьянами; 8 бобыльских дворов, в которых значатся 20 человек [21, с. 159–160]. В 1677–1678 гг. поместье числилось за Ефросиньею Никитичною, вдовою думного дворянина Прокопия Кузьмича Елизарова [22, с. 262]. Последний раз Мустафа Семендерев упоминается в документах в 1648 г. [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 409]. В писцовой книге Ростовского уезда 1629–31 гг. как прежний помещик Савинской волости отмечен некто Касим-мирза. Можно предположить, что это брат Мустафы. Однако в 1609 г. в Ростовском уезде фиксируется некто Касим-мирза Ахметев [25, с. 380]. Контекст документа позволяет утверждать, что это ногайский мирза. В первой половине XVII в. среди ярославских кормовых иноземцев известен Пантелей-мирза Касимов Ахметев [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1626 г. Д. 4. Л. 4; 1628 г. Д. 3. Л. 7; 1636 г. Д. 7. Л. 4; 1637 г. Д. 1. Л. 31; 141 г. Д. 3. Л. 3]. В 1625 г. указан Досай Касимов [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 5]. Несколько позднее Досай упоминается как Кангилдеев [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 6. Л. 5]. Из другого дела мы узнаем, что, оказывается, за какую-то вину около 1616 г. Пантелея Касимова и Досая Ан-

гилдеева сына Муратова посадили в тюрьму. Речь, скорее всего, шла о попытке бегства за пределы России, в этом году сразу несколько ногайских мирз предприняли такую попытку. Она явно была связана с событиями, так называемого Еналеевского восстания [16]. На Пасху 1619 г. (28 марта) Пантелея и Досая отпустили. Но поместья не вернули. Мирз определили в ярославские кормовые татары. При этом у Пантелея в источнике упоминаются мать, племянник с женой (Досай Кангилдеев) и 10 человек людей. У Досая 6 человек людей [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 1]. Следует обратить внимание на неустойчивое родовое прозвище (дедичество). Он называется то Ахметевым, то Муратовым. По-видимому, это представители одной семьи. Но их происхождение остается невыясненным.

Отец Мустафы-мирзы, Мамай Семендерев, известен в русских документах с 1596 г., когда его испоместили в Сотемском стане Ростовского уезда в деревне Васильево с деревнями общей площадью 535 четей в одном поле. Однако в 1603 г. поместье было отписано на государя и отдано ногайскому мирзе Хозяшу Юсупову [1, № 308, с. 299–300]¹. Легко заметить, что речь в обоих случаях идет об одном и том же поместье. Похоже, ему из дворцовых земель отдали весь Сотемский стан. По-видимому, после Смуты часть поместья вернули сыну Мамаю. Оставшиеся земли пожаловали Касиму. После неудачной попытки бегства мирзы, его земли (237 чети доброю землей) достались князю Александру Даниловичу Приимкову-Ростовскому, а после смерти его вдове княгине Наталье Федоровне [20, с. 249–251]. В сумме с учетом распаханной «наддаци» землевладение Муртазы и княгини Натальи (592 чети доброю землей) равнялось поместью Мамаю.

В новгородских переписных книгах судебных, разбойных и татейных дел 1584–1605 гг. имеется следующая запись за 1603–1604 гг.: «Дело судное крымского царевича Мурат-Кириева мурзы Мамаю Семендереву з Богданком с абызом в лошадах в десяти рублех с полгиною. Не вершено» [27, с. 299, Л. 381 об.; 29, с. 106]. Однако у нас имеются сомнения в том, что речь здесь идет о мирзе, ранее испомещенном в Ростовском уезде. Дело в том, что он назван человеком крымского царевича Мурад-Гирея [10]. Состав двора этого Чингисида реконструирован довольно полно. Но среди известных нам лиц нет Мамаю Семендереву, хотя указан некий Мамай-имедеш, доставшийся царевичу после смерти в 1588 г. его старшего брата Саадет-Гирея [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 18. Л. 284 об.]. Аталыком (дядькой) царевича был Дервиш-мирза сын Ибрагим-Паши князя Сулешева (Яшлавского) [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 341–342 об.]. Но среди Сулешевых в России Мамай-мирза не встречается. Похоже, Мамай Семендерев не мог быть имедешем (молочным братом) Саадет-Гирея. Но самое главное, в русско-крымских посольских

книгах, в которых фиксировалась информация о значительной части крымской аристократии, упоминаний о каком-либо Семендере нами не обнаружено. Мамай Семендерев мог стать членом двора крымского царевича путем заключения брака, скажем, между дочерью Мамаю и Мурад-Гиреем. Однако это только предположения, не подкрепленные документально.

Следует помнить тот факт, что значительная часть сибирских выходцев, попавших в Россию в результате так называемого тобольского «пленения» 1587 г., была испомещена в Новгородском уезде. Сюда, в частности, попал князь Сейтяк [27, с. 80, 144, 257, 317]². Отождествлять значительную часть подобных лиц тяжело. Информация о них крайне скудная, к тому же в источниках их имена приводятся порой в искаженном виде. Зачислять тех или иных новгородских служилых татар без дополнительных свидетельств в сибирские выходцы нельзя. Однако отметим, что в декабре 1613 г. здесь в Деревенской пятине отмечен некий шурин ургенчского царевича (Мухаммед-Кул б. Хаджи-Мухаммед) Ондогул-мирза Матетев. Его жена (возможно, к этому времени уже вдова), новокрещенка Пелагея Александрова дочь, в марте 1614 г. поручалась по татарину Богдану Терегулову и казаку сибирского царевича Салтанея (?) Кучумова Авдею Архипову [28, с. 23, 443; 27, с. 397]. Нам известны две жены ургенчского царевича – Алма-биим и Ай-ханьша, но кто из них была сестрой Ондогула-мирзы, мы не знаем. В данном случае главным маркером, позволяющим предположить, что Ондогул являлся еще одним сыном Мамаю Семендереву, выступает брак его сестры. Однако этого явно недостаточно для окончательного его включения в родословное древо Семендеревых. Следует продолжать поиск дополнительных свидетельств в пользу сделанного нами предположения.

Но вернемся к Мустафе Семендереву. В Касимовском уезде ему принадлежала выслуженная вотчина, сельцо Бундово (Пенки) с деревнями и починками. В 1632 г. он заложил ее за 500 руб. своей матери Нагел-салтан Карамышевой дочери Мусаитовой. Во втором браке она была замужем за касимовским царем Арсланом б. Али (Араслан Алеевич), а в третьем – за ногайским служилым мирзой Девлет-Мухаммедом Шейдяковым. Жалованную вотчинную грамоту Мустафа получил 7 июня 1624 г. Тогда же он получил грамоту и на вотчину его тетки, вдовы Исенбеки, на выслуженную вотчину ее детей и своих двоюродных братьев Яншея и Сейтяка Мусаитовых. В 1639 г. Нагел-салтан заложила вотчину Федору Максимовичу Матюшкину за 1500 руб. [13, № 5980–34, 6002–1, с. 301–302, 941–942]. Первая жалованная грамота Исинею Карамышеву сыну Мусаитову, Мустафе Мамаеву, Сутеку Мусатову (Мусаитову) и Изерапу Достокасимову за московское осадное сидение времен царя Василия Шуйского была запечатана еще 8 декабря 1613 г. [13, с. 333].

² В последнее время высказывается предположение о том, что сибирские татары на самом деле добровольно вышли на государство имя, а история «пленения» была придумана создателями сибирских летописей [8].

¹ Козьяк (Хозяк, Хозяш) б. Сеит-Мухаммед б. Ибрагим б. Юсуп. В 1609 г. указан как ростовский помещик и племянник касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана [6, с. 44, 50].

Нам становятся известны имена родственников Муртазы-мирзы по женской линии. На одном из них, Изерапе Достокасимове, следует остановиться подробнее. Такой человек нам по другим документам неизвестен. Однако в Посольском приказе с 1613–1614 по 1629–1630 гг. служил переводчик Резеп Кучуков сын Устокасимов. Его отец, Кучук, также служил переводчиком и впервые отмечен 15 июня 1571 г., когда переводил грамоты крымского хана Девлет-Гирея [23, Л. 409 об.]. К этому времени Кучук уже приобрел статус крупного, если не главного, специалиста в своем деле. В 1584 г. его поместный оклад составлял 1000 четей, годовое денежное жалование равнялось 130 руб. В Вяземском уезде переводчику принадлежало 600, а в Можайском 400 четей поместной земли. В своей челобитной Кучук сообщает: «всякие мудрые грамоты турецкие и фарсовские, и арапские, и татарские перевозю и с руского писма, в мусюлманские государства, в Бухар и в Юргенч, и в иные государства мудрые предисловья пишу, и с отцом твоим, государем нашим, во многих походех бывал, и вам, государем, служил з дворяны в ряд» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 25. Л. 2]. В 1580-х гг. Устокасимов участвовал в церемонии приема послов в Кремле. На ней он не выполнял функции переводчика, а вместе с иными дворянами в золотном платье встречал иностранных дипломатов: «в сенех, вышед из ызбы, на праве по лавке, что на рундук сидели, и от тех по лавкам же до сенных дверей» [30, с. 59].

Между 1584 и 1589 гг. в Посольском приказе фиксируется реформа, затронувшая как минимум систему окладов переводчиков. Поместные оклады и денежное жалование, похоже, решили унифицировать, не увеличивая при этом общего финансирования ведомства. Оклад Кучука сократили. Теперь он составлял 600 четей и 70 руб. Параллельно с этим фиксируется рост окладов другого переводчика, Абдрахмана Тенишева, которому к 400 четям и 50 руб. прибавили 200 четей и 20 руб. Можайское поместье было конфисковано. После челобития в ноябре 1589 г. поместный оклад восстановили в прежних объемах. Недостающие 400 четей Кучуку следовало прискагать самому [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 25. Л. 2, 1 об.].

Устокасимов продолжает служить в переводчиках и упоминается последний раз 19 апреля 1591 г. [3, с. 225, 230]. В 1595/96 г. в Вяземском уезде отмечено прожиточное поместье вдовы Кучука Бузан-салтан (Базай-салтан) с сыновьями Резепом и Пантаралеом и дочерью Гурнакою. В 1/2 сельца Зинеева с деревнями в пересчете на добрую землю значилось 317 четей земли, 123 копен сена, 4,5 десятины пашенного и 15 десятин не пашенного леса, двор помещиков, 9 1/2 двора людских, 41 и 19 дворов крестьянских и бобыльских, в которых проживало 43 крестьянина и 22 бобыля [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 619. Л. 238 об.–248 об.].

Отцом Кучука был некто Устокасим. В описи царского архива XVI в. имеется запись, относящаяся к периоду не позднее первой половины 1570 г.: «...ского царя ссылку Устакасима золотаря» [18,

с. 44]. Данное сообщение трудно интерпретировать. Слово «ссылка» может означать как отправление в результате опалы куда-либо под надзор или даже в тюрьму, а также на выполнение некоего, по-видимому, дипломатического поручения. В октябре 1571 г. была получена отписка от русского посла в Крым А. Нагова. В ней сообщались сведения о некоторых лицах, убежавших из России, «как ... разгромили под Серпуховом Якова Волынского». В частности, о новокрещене Иване Урманове, испомещенном в Ржевском уезде. О нем сказано, что он шурин Устокасима [24, Л. 26, 28]. А. В. Лаврентьев, ссылаясь на слово «золотарь», высказал предположение о том, что Устокасим был казанским или же касимовским ювелиром (золотарем) и создал так называемую Казанскую шапку [15]. У этой версии имеется слабое место. Дело в том, что потомки Устокасима неоднократно назывались мирзами. За некоторыми ветвями рода, принявшими православие, уже в XVIII в. было признано княжеское достоинство. На Востоке занятие ремеслом, пусть даже таким статусным, как ювелирное дело, не было присуще родоплеменной верхушке. Возможно, «золотарь» следует рассматривать, как прозвище или же указание на каллиграфа – золотописца, оформлявшего золотом грамоты.

До зачисления в штат Посольского приказа Резеп значился как касимовский служилый татарин с очень статусным годовым окладом в 30 руб. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 79. Л. 7]. В 1621/22 г. его поместный оклад составлял 750 четей [ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 15], а к 1626/27 г. был увеличен до 850 четей [РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 156].

Сохранились сведения о детях Резепа Устокасимова, сыновьях Кутлумамете и Мурзабеке, и дочери Ширин-салтане. Также известны иные родственные связи переводчика. Он приходился племянником станичнику Посольского приказа Исиналею Облешеву. Предположительно это родной брат супруги Кучука Устокасимова (от второго брака?). Резеп выдал дочь за Сафара мирзу князя Еникеева [ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 12 об., 32]. Это член семьи, длительное время возглавлявшей служилых татар Темниковского уезда [5].

Представители этого рода, служившие в Посольском приказе, всегда назывались Устокасимовыми. А вот иные члены семьи чаще использовали прозвище Стокасимовы. Оно же закрепится за крестившимися уже в XVIII в. и получившими княжеское достоинство однородцами. Также родовое прозвище иногда приводится как Достокасимовы. Отметим, что все три прозвища фиксируются в одном архивном деле [ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267]. Таким образом, Изерап Достокасимов и Резеп Устокасимов, по-видимому, одно лицо. Окончательно эту догадку подтверждает следственное дело о разделе поместных и вотчинных владений, развернувшееся между Мурзабеком и женой его брата Кутлоамета. Кутлоамет также служил переводчиком и с 1657 по 1681 гг. безотлучно находился в Крыму. Его брат решил воспользоваться этим и стал злоупотреблять своим положением старшего в семье.

В деле о разделе отмечено, что братья Кутлоамет и Мурзабек Устокасимовы владели вотчиной в Борисоглебском стане, четырьмя селами Пенково (Бундово тож). В ней насчитывалось 165 четей «средней земли». При пересчете в «добрую землю» получалось 132 чети. Здесь же находилось 23 крестьянских и бобыльских двора. Вотчины в Мещерском уезде появились только в 1-й четверти XVII в., когда за московское осадное сидение царя Василия Шуйского и прихода королевича Владислава (1618 г.) в награду отдельным лицам 1/5 их поместий переводилась в вотчину. В таком случае это пожалование должен был получить Резеп Устокасимов. А размеры его поместий в итоге были не менее 660 четей доброю землею. Это вполне возможно, ведь его поместный оклад составлял в 1622/23 г. 750 четей. Но по одному из известий в это время Резепу принадлежало только 223 чети земли [ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 267. Л. 12 об.–15, 32–35]. На самом деле приводимые сведения далеко не полные. Они позаимствованы из судебного дела 1817 г. Доказывая дворянское происхождение Стокасимовых, одна из сторон представила подтверждающие это документы. Однако в семейных архивах хранили только не потерявшие актуальности материалы, подтверждающие земельные владения рода. Остальные не сохранялись.

На помощь приходит запись в книгах Печатного приказа. 8 декабря 1614 г. в приказе запечатали жалованную грамоту «Исинею Карамышевичю ильмюдеш Мусатову да его племянником Изерапу Достокасимову, Мустафе Мамаеву, Сутеку Мусатову на вотчину в Касимовском уезде в Борисоглебском стану в село Кусмор з деревнями... по прежней даче царя Василья Ивановича» [18, с. 333]. Изерап Достокасимов и есть Резеп Устокасимов. Нас не должно путать, что в одном документе упомянуто сельцо Пенково, а в другом село Кусмор. Оба эти населенных пункта, по-видимому, входили в дворцовую Кусморскую волость. После измены Исинея Карамышева (1616 г.) все его земельное владение было конфисковано. Земли племянников сохранили за ними. Часть пенковских владений Резепа описали после его смерти на государя, они пошли в поместную раздачу. А вот вотчина сохранилась за его вдовой и детьми. Это объясняет, почему в источниках кусморские и пенковские земли числятся за разными помещиками. Земли, описанные у И. Карамышева, уже в 1617 г. принадлежали кн. А. С. Урусову [33, с. 259–261]. А описанные на государя после их смерти поместья Р. Устокасимова и М.М. Семендерова со временем отошли Надею Светошникову. Вот только у некоторых авторов по непонятным причинам Борисоглебский стан (территория Касимовского и Елатомского уездов) превратился в Подлесный (Малый Шацкий уезд) [19, с. 229, 343].

Кутлоамет был женат дважды. Первая его супруга приходилась родной сестрой переводчику Посольского приказа Михаилу (Имразлю) Семенову сыну Кошаеву. Это одна из ветвей темниковских Беханидов, князей Акчуриных [3, с. 108–110, 116, 118]. Второй раз он взял за себя некую Тин-салтану Ураза-

еву дочь [РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 209, 238–246]. Ее происхождение неизвестно. Хотя история предыдущих браков в семье дает возможность предположить, что это дочь Урузая (Уразая) Тонкачева (Уразай б. Ямаш б. Джангалыч б. Салтанахмет б. Тонкач), представителя одного из знатнейших родов касимовских служилых татар [2]. В подтверждение этого предположения говорит и родство Устокасимовых со знатными сибирскими выходцами Карамышевыми-Мусаитовыми. По-видимому, супруга Кучука Стокасимова, Бузан-салтан, была сестрой Исинея Карамышева. В таком случае две ее сестры, судя по всему, были замужем за сибирскими царевичами Арсланом б. Али и Мухаммед-Кулом б. Ахмед-Гиреем [11]. Дело в том, что в таком случае одна из родственниц Тин-салтан, Девлет-пача Смолянова, также, по-видимому, была сибирской царицей и женой царевича Алтаная б. Кучума. Эти же родственные связи объясняют, почему в деле о разделе поместий и вотчин между Кутлоаметом и Мурзабеком жене первого активно помогал переводчик Посольского приказа Абдул Безергенов сын Байцын. Его предки также выехали из Сибири и по одной версии находились в родстве или же свойстве с Карамышевыми-Мусаитовыми и сибирским царевичем Мухаммед-Кулом б. Ахмед-Гиреем [7].

Теперь необходимо обратиться к брачной политике романовских мирз Юсуповых. Она многими нитями связывала их с Сибирью. Так, Эль б. Юсуп еще до выезда в Россию был женат на сестре Чингисида Кучума б. Муртазы [17]. От этого брака родился Чинмирза. Он длительное время проживал в Сибири, и только в 1595 г. приехал на имя московского государя вместе со своей семьей [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1596 г. Д. 1]. Дочь Эля, Таташа, стала женой Качак-мирзы. В 1620/21 г. она упомянута как вдова, проживающая в Романове [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Романов 1^а. Л. 9]. Ее муж, по-видимому, сын карачи сибирского хана Кучума – Мухаммеда. У него отмечен сын Семен. Но являлся ли он внуком Эля остается непонятно. Дело в том, что в своей челобитной мирза сообщает о жизни после смерти отца не в Романове, а у сродников в Ярославле [9, с. 32–33, 178–180; 4].

Теперь мы можем попытаться частично объединить полученные данные. Возможно, нам известен дядя Семена Кашеева (Качакова), еще один сын сибирского карачи – Мустафа Маметев (Мамаев). Мамай – это одна из форм имени Мухаммед. К тому же в 1616 г. среди знатных иноземцев, ведавших в Посольском приказе, указан некий Мустафа-мирза Маметев, но отсутствует Мустафа-мирза Мамаев [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1616 г. Д. 2. Л. 6]. В более поздний период в документах внешнеполитического ведомства фигурирует только Мустафа-мирза Мамаев. Мустафа Маметев и Мустафа Мамаев, в данном случае, это явно одно и то же лицо. Кроме того, становится известным имя карачи Мухаммеда – Семендер.

Следует подробнее остановиться на матери мирзы. Нагел-салтан была дочерью знатного сибирского татарина Карамыша Мусаитова. Имеется упомина-

ние Нагел с приставкой сеид, что косвенно может указывать на происхождение ее матери от единственной дочери пророка Мухаммеда – Фатимы [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5980. Л. 493-516 об.]. Предположительно, это дочь сибирского сеида, бухарского выходца Дин-Али хаджи б. Мир-Али хаджи. О нем известно, что он приехал в Сибирь в 1574-1575 гг. и заменил здесь своего дядю Ярым сеида б. Алауддина на «посту» главы местного духовенства и в том числе занимался правосудием. Хан Кучум выдал за него свою дочь от царицы Лилилак (Лилипак) Нал. Таким образом, Карамыш Мусаитов был женат на дочери сеида и внучке хана Кучума [26, с. 138–142]. В свою очередь другие дети Карамыша также оказались множеством нитей связаны с сибирскими царевичами. Карамыш, по косвенным данным, был аталыком – воспитателем сибирского царевича (в России данный термин передавался как дядька), скорее всего, одного из многочисленных детей хана Кучума. А его жена являлась кормилицей (мамкой). На это указывает тот факт, что его сын, Исинеи, проживавший в Касимове, иногда именуется имелдешем, то есть молочным братом. Имелдеш и аталыки были наиболее доверенными лицами Чингисидов. С одной стороны, их благополучие целиком и полностью зависело от положения названного сына (брата), с другой – молочного родства было явно недостаточно, чтобы занять положение «своего» Чингисида. Однако имеется довод и против аталычества Мусаита. Имелдешем называют только одного его сына. Можно предположить, что жена Карамыша была мамкой, сам же он не являлся аталыком.

Бахтураз Карамышев, приходившийся шурином сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею, выехал в Россию вместе с женой последнего (своей сестрой) в 1586/87 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 24]. Следующей оказалась Нал-ханиша, теща Карамыша и дочь хана Кучума. Вместе с ней,

по-видимому, выехал еще один сын Карамыша – Кореявда. Их пленили в августе 1598 г. [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 57]. Первоначально эти люди проживали у царевича Мухаммед-Кула, а после его смерти в 1618 г. в Ярославле в качестве кормовых иноземцев. В таком случае именно у них мог находиться в городе Семен Кощак сын.

Следует особо обратить внимание на тот факт, что Мустафа Семендерев нарочито не имел каких-либо дел со своим племянником Степаном Кощакковым. Дистанцировалась от него и Нагел-салтан Карамышева. Это можно объяснить только одним – Мустафа и Кощак были братьями только по отцу. В мусульманских семьях довольно часто встречались ситуации, когда дети одного отца от разных жен враждовали между собой. Здесь, по-видимому, наблюдается именно подобная ситуация.

Таким образом, если наши построения верны (рисунок 1): выявляется два знатных сибирских рода: Мусаитовы и Семендеревы – которые, судя по всему, играли значительную роль в истории Сибирского ханства. Сибирские корни, по-видимому, имел и Устокасим. Однако он выехал несколько ранее остальных рассматриваемых нами родов, не позднее 1560-х гг. Показательно, что, попав в Россию, сибирские выходцы предпочитали заключать браки либо с сибирскими выходцами, либо с лицами, генеалогически связанными с сибирскими Шибанидами. Однако для того, чтобы понять их реальное положение среди народов Сибири, следует выяснить происхождение Мусаита и Семендера. Без этого понять, как выстраивалась структура управления в Сибирском ханстве XVI в., сложно. К сожалению, нам практически ничего неизвестно об аппарате управления и социальной организации Тюменского и Сибирского ханств. Но приведенные нами сведения полностью подтверждают ранее сделанные выводы о том, что карача и иные

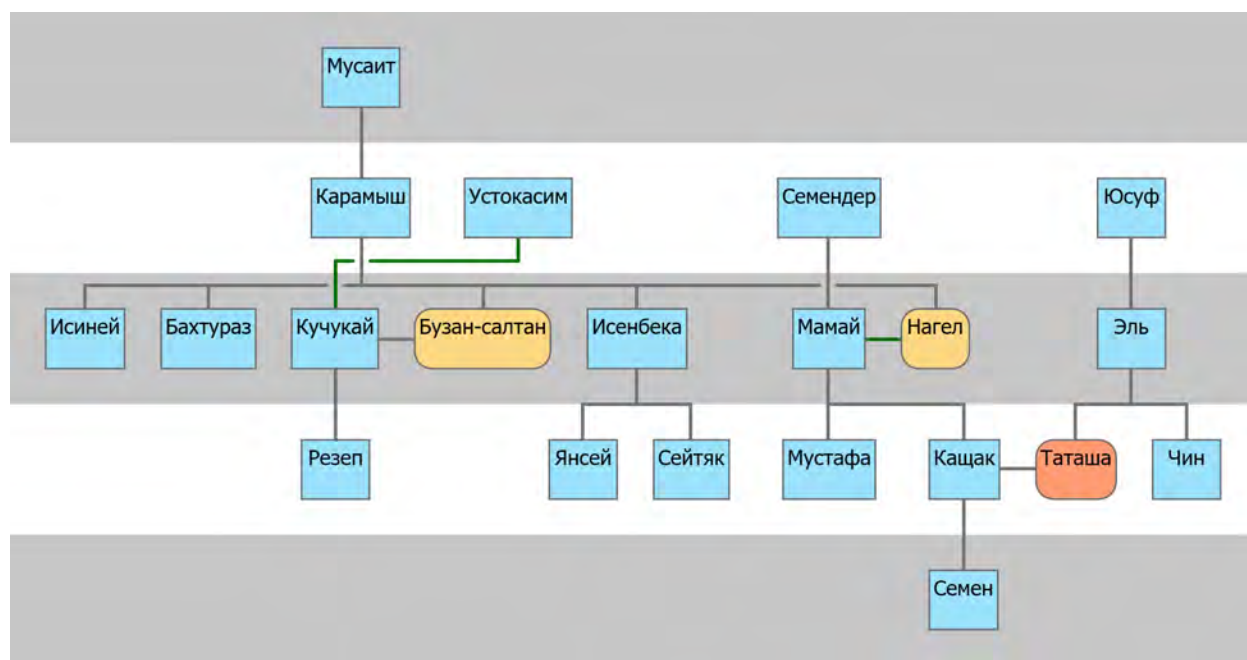

Рисунок 1 – Родственные связи Семендеревых, Мусаитовых, Устокасимовых и князей Юсуповых

лица, составлявшие высший круг управления ханствами, параллельно с этим являлись гургенами (зятьями Чингисидов), агалыками и имелдешами представителей правящей династии [31, с. 82–92].

Как было показано, сохранившиеся документы в ряде случаев позволяют установить происхождение жен отдельных сибирских выходцев в России рубежа XVI–XVII вв. Эти данные помогают детальнее выявить взаимоотношения высшей сибирской элиты в окружении хана Кучума. В случае обнаружения новых подобных свидетельств наши представления о высшей стране управленцев Сибирского ханства станут более зримыми.

Библиографический список

- 1 Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – Москва : Археологический центр, 1997. – Т. I. – 432 с.
- 2 Акчурина М. М. Касимовские татары из рода Кыпчак / М. М. Акчурина, А. В. Беляков, М. Р. Ишеев [и др.] // Золотоордынское обозрение. – 2018. – Т. 6. № 2. – С. 312–341.
- 2 Акчурина М. М. Эпоха татарских князей в Мецере (XV–XVII века) / М. М. Акчурина, М. Р. Ишеев, А. Абдиев. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2021. – 316 с.
- 3 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом / С. А. Белокуров. – Москва : Университетская типография, 1889. – Вып. 1. – 715 с.
- 4 Беляков А. В. Как звали большого сибирского карачу? / А. В. Беляков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции. – Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2014. – С. 63–64.
- 5 Беляков А. В. Князья Еникеевы и г. Темников в XV–XVII в. / А. В. Беляков // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. – Калуга : Калужский государственный институт развития образования, 2020. – С. 737–758.
- 6 Беляков А. В. Князья и мирзы Юсуповы в России XVI – первой половины XVIII вв. (предварительные итоги) / А. В. Беляков // Российская генеалогия: научный альманах. – Москва : Старая Басманная, 2021. – Вып. 10. – С. 40–59.
- 7 Беляков А. В. Переводчики Посольского приказа Байцыны / А. В. Беляков // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...» к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. – Москва : ИРИ РАН, 2019. – С. 217–229.
- 8 Беляков А. В. Ураз-Мухаммед в Сибири / А. В. Беляков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30–31 октября 2020 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2020. – С. 61–64.
- 9 Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии / А. В. Беляков. – Алматы : АО «АБДИ Компани», 2019. – 208 с.
- 10 Беляков А. В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? / А. В. Беляков, А. В. Виноградов // Тюркологический сборник: 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – Москва : Наука – Восточная литература, 2013. – С. 11–59.
- 11 Беляков А. В. Сибирская ветвь касимовских музрз Тонкачевых: к истории ичкинских татар / А. В. Беляков, Д. Н. Маслюженко, Г. Х. Самигулов // Былые годы. – 2019. – № 1. – С. 41–54.
- 12 Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). – Москва : Наука, 1994. – 479 с.
- 13 Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. – Москва : Древлехранилище, 2010. – 1660 с.
- 14 Исхаков Д. М. Политико-идеологические предпосылки интронизации казахского султана Ураз Мухаммеда в Касимовском ханстве / Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских // Золотоордынское обозрение. – 2023. – Т. 11. № 2. – С. 397–410.
- 15 Лаврентьев А. В. Казанская шапка и казанские цари. Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века / А. В. Лаврентьев. – Москва : Наука, 2008. – Вып. 12: К 70-летию Бориса Николаевича Флори. – С. 99–117.
- 16 Лисейцев Д. В. Новые сведения о «татарской войне» 1615–1616 гг. в Казанском царстве и судьба членов семьи предводителя Еналеева восстания / Д. В. Лисейцев // Золотоордынское обозрение. – 2020. – Т. 8. № 1. – С. 107–126.
- 17 Маслюженко Д. Н. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств / Д. Н. Маслюженко, Е. А. Рябинина // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2017. – № 9. – С. 103–109.
- 18 Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. – Москва : Восточная литература, 1960. – 195 с.
- 19 Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование / А. П. Павлов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2018. – Т. 2. – 624 с.
- 20 Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 гг. – Москва : Древлехранилище, 2012. – 856 с.
- 21 Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. Переписная книга города Ростова и Ростовского уезда 1646 г. – Москва : Древлехранилище, 2014. – 366 с.
- 22 Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. Переписная книга города Ростова и Ростовского уезда 1677/78 г. – Москва : Древлехранилище, 2023. – 604 с.
- 23 Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. – Москва : Русские витязи, 2016. – 400 с.
- 24 Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. – Москва : ИД «Марджани», 2016. – 400 с.
- 25 Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. – Волгоград : Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – 688 с.
- 26 Селезнев А. Г. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, И. В. Белич. – Москва : Издательский дом «Марджани», 2009. – 216 с.
- 27 Селин А. А. «Дела судные, указы и записки вериенные и невериенные...». Новгородская практика судопроизводства XVI – начала XVII в. / А. А. Селин. – Санкт-Петербург : Издательство «Русско-Балтийский информационный центр „Блиц“», 2021. – 568 с.
- 28 Селин А. А. Смута на северо-западе в начале XVII века:

- очерки из жизни новгородского общества / А. А. Селин. – Санкт-Петербург : Блиц, 2017. – 720 с.
- 29 Селин А. А. Татары мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) / А. А. Селин // *Quaestio Rossica*. – 2016. – Т.4. № 3. – С. 93–110.
- 30 Сторожев В. И. Материалы по истории русского дворянства / В. И. Сторожев // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. – Москва : Синодальная типография, 1909. – Кн. 3. Материалы исторические. – С. 1–222.
- 31 Тюменское и Сибирское ханства. – Казань : Издательство Казанского университета, 2018. – 560 с.
- 32 Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII веков / М. А. Усманов. – Казань : Издательство Казанского университета, 1972. – 223 с.
- 33 Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. – Ульяновск : УлГУ, 2014. – 472 с.

КУЧУМОВИЧИ И БАШКИРЫ В XVII ВЕКЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ?

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействия потомков Кучум-хана с башкирами в XVII в. В историографии нет единого мнения относительно характера взаимодействий между сибирскими царевичами и коренным населением Урала и Сибири. Некоторые авторы рассматривают факты сотрудничества Кучумовичей с представителями местных народов с позиций «борьбы за независимость против российского владычества». На примере истории взаимоотношений сибирских династов с башкирами обосновывается несостоятельность такого утверждения.

Ключевые слова: Кучумовичи, башкиры, восстание, кочевники, Урало-Сибирский регион, XVII век.

Annotation. The article deals with the problem of interaction of Kuchum Khan's descendants with Bashkirs in the 17th century. There is no consensus in historiography about the nature of interactions between the Siberian princes and the indigenous population of the Urals and Siberia. Some authors consider the facts of cooperation of Kuchum Khan's descendants with representatives of native peoples from the standpoint of the "struggle for independence against Russian rule". On the example of the history of the relationship of Siberian princes with the Bashkirs, the inconsistency of such a statement is substantiated.

Keywords: Kuchum Khan's descendants, Bashkirs, uprising, nomads, Ural-Siberian region, 17th century.

Пребывание потомков хана Кучума на южных границах Зауралья и Западной Сибири было одним из факторов, определявших специфику протекания этнополитических процессов в регионе. Какова была роль Кучумовичей в истории народов Урало-Сибирского региона? Как складывались их отношения с этими народами? Какими были взаимоотношения Кучумовичей с таким многочисленным народом, как башкиры? В настоящий момент в исторической литературе нет однозначного ответа на эти вопросы. Традиционная точка зрения была сформулирована еще в XVIII в. Г. Ф. Миллером, и её условно можно назвать «русскоцентристской». Характеризуя Кучумовичей, он писал: «Когда таким образом старались всячески открывать новые земли и распространять русскую власть в Сибири, не было недостатка во внутренних и внешних врагах, защищать от которых приобретенное нужно было всегда наготове. Важнейшими врагами были сыновья изгнанного хана Кучума. Сами по себе они не были сильны, однако представляли опасность, потому что татары и другие сибирские народы смотрели на них как на законных владетелей страны» [22, с. 31–32]. Эта несколько высокомерная, «европоцентристская» и негативная оценка деятельности Кучумовичей, обозначенная Г. Ф. Миллером, без каких-либо изменений воспроизводилась практически всеми последующими историками, занимавшимися историей Сибири. Достаточно упомянуть только такие имена, как И. Э. Фишер, П. А. Словцов, В. К. Андриевич, П. Н. Буцинский и др.

Советские историки внимания наследникам Кучума уделяли совсем мало и оценивали их деятельность примерно в том же ключе. Например, известные сибиреведы С. В. Бахрушин и В. И. Шунков отмечали только, что движение русской колонизации в Сибири в южном направлении «было сразу и

надолго остановлено» вследствие противодействия «немирных орд» кочевников.

Альтернативная точка зрения на Кучумовичей высказана М. Ж. Абдировым, Г. Л. Файзрахмановым и рядом других авторов. Деятельность Кучумовичей рассматривается ими как «справедливая борьба местных народов, в том числе и казахов, за возвращение отнятых у них земель» [1, с. 141]. По мнению М. Ж. Абдирова, нападения сибирских царевичей и их сторонников на российские владения – «это героическая и одновременно трагическая борьба потомков хана Кучума за свою родную землю» [1, с. 141]. Похожих взглядов придерживался Г. Л. Файзрахманов, который считал любые проявления непокорности коренного населения как войну «против русской колонизации» и борьбу «за независимость» [38, с. 257]. При этом как-то упускается из виду, что эта «героическая борьба за независимость» выражалась в основном в виде грабительских набегов, от которых больше страдало не столько русское, сколько татарское и башкирское население. Не столь уж редкие факты бегства татар и башкир от Кучумовичей назад к русским эти авторы игнорируют. Потомков Кучума М. Ж. Абдиров с некоторым пафосом характеризует как «зрелых мужей и юных богатырей, бесстрашных воинов, защитников родной земли» [1, с. 152].

Более взвешенным и обоснованным представляется мнение В. В. Трепавлова, который отмечал следующее: «Хотя мечты о возрождении татарской монархии в Сибири никогда не оставляли ханскую семью, она была поставлена в такие условия, что зачастую приходилось думать не столько о вооруженной борьбе с превосходящими силами воевод, сколько о выживании. Жизнь потомков Кучума в степях Южного Урала, Юго-Западной Сибири и современного Северного Казахстана можно в целом охарактеризовать как прозябание в окружении немногочис-

ленных верных подданных и постоянно меняющихся, приходящих и уходящих временных соратников» [35, с. 6].

Представляется целесообразным обратиться к рассмотрению этнического состава улусов Кучумовичей. Согласно данным Г. Ф. Миллера, в июне 1600 г. у царевича Каная с тремя братьями, находившимися на р. Ишим, было около 300 табынцев и сынрянцев [22, с. 32, 183; 20, с. 150]. В начале 1601 г. в улусе Алея на р. Абаге в пяти днях от Тюмени числились сынрянцы и мякотинцы (бикатинцы) также «человек до 300 и больше» [22, с. 196, 198]. По наблюдениям Д. Н. Маслюженко, представители этих племен составляли основу отрядов Кучумовичей до 1606–1607 гг., когда царевичи потерпели ряд поражений в столкновениях с русскими служилыми людьми, после чего начался уход этих групп из улусов Кучумовичей в Уфимский и Тюменский уезды [18, с. 8].

Что касается вопроса об этнической принадлежности этих групп, то до недавнего времени он, казалось бы, считался решенным. Еще Г. Ф. Миллер табынцев отождествлял с башкирами [22, с. 32], положив начало устойчивой историографической традиции. По поводу сынрянцев историк не был столь уверен, считая, что «в прежнее время под этим названием подразумевались некоторые татары в Тюменском уезде, которые позднее, не признавая больше русскую власть, ушли затем в удаленные места» [21, с. 282]. Под этим он, видимо, подразумевал как раз уход сынрянцев к Кучумовичам. Таким образом, Миллер был склонен подразумевать смешанный башкиро-татарский состав кочевий потомков Кучума в начале XVII в.

Позднейшие исследователи вопрос об этнической принадлежности этих племен решали однозначно. Б. О. Долгих считал табынцев и сынрянцев «предками некоторых групп современных башкир» [11, с. 42, 44]. А. Н. Усманов отмечал, что зауральские башкиры, входившие некогда в состав Сибирского ханства, в целом приняли русское подданство в 1586 г. Исключением были только роды табын и сынрян, которых указанный автор уверенно идентифицировал как башкир и которые, по его мнению, стали приверженцами Кучума и его сыновей [36, с. 125, 132]. Авторитетный исследователь Р. Г. Кузеев также считал, что значительная часть зауральских башкир, прежде всего катаяцы, в результате русской колонизации вынуждены были бежать «с насиженных мест в Пермской стороне на восток, в Зауралье» и присоединиться к Кучуму и его сыновьям в их борьбе против Русского государства [17, с. 283]. При этом он отмечал, что на стороне потомков Кучума были представители таких родов, как табын, катая, сальют, сынрян, терсяк и др. [17, с. 284, 484], что, однако, подтверждается источниками только в отношении табынцев и сынрянцев.

Таким образом, отождествление табынцев, сынрянцев и некоторых других тюркоязычных групп, составлявших основу улусов Кучумовичей в первые годы XVII в., с башкирами стало общим местом в

историографии. Этот оптимизм разделяют не все современные исследователи. В частности, Д. Н. Маслюженко и Г. Х. Самигулов выдвигают тезис о необходимости отказаться рассматривать эти группы как части сложившихся конкретных этносов, то есть башкир либо татар, поскольку такой подход «является следствием экстраполяции на начало XVII в. ситуации, сложившейся в XIX в.» [19, с. 59]. Связано это с тем, что иногда встречающиеся в документах начала XVII в. именованья явно противоречат установленным взглядам и вообще могут поставить исследователя в тупик. Исследователи считают, что под «татарами» и «башкирами» применительно к реалиям начала XVII в. не следует понимать привычную сейчас конкретную этническую принадлежность, поскольку «обобщающая терминология в рассматриваемый период скорее отражала позицию русских администраторов, причем татарами чаще оказывались племена, отнесенные к ведению Тюмени, Тобольска или Верхотурья, а оказавшиеся в ведении Уфы упоминались как башкиры» [19, с. 60]. Г. Х. Самигулов в связи с этим же пишет: «Выражения «тюменский татарин», «уфимский татарин» или «тобольский татарин» означало не татар, живших в Тюмени, Уфе или Тобольске, а тюрков плативших в эти города ясак» [34, с. 128]. Таким образом, следует очень осторожно подходить к попыткам определения этнической принадлежности групп, кочевавших вместе с Кучумовичами в начале XVII в. Необходимо учитывать, что под татарами либо башкирами в рассматриваемое время понимали не столько этническую, сколько этносоциальную группу. Д. Н. Маслюженко табынцев, сынрянцев и мякотинцев (бикатинцев) в улусах Кучумовичей обобщенно называет «тюрками» или «тюркскими группами». По наблюдениям этих исследователей, данные родовые и клановые названия исчезают из источников после 1620-х гг., а в середине 1640-х они заменяются на обобщенные наименования «татары» или реже – «башкиры» [19, с. 70]. Однако следует признать, идентификация тех или иных групп коренного населения урало-сибирского региона с конкретными этносами стала устойчивой историографической традицией и настолько прочно вошла в современный исследовательский «обиход», что отказаться от этого не так просто.

Таким образом, основу кочевий Кучумовичей до 1603 г. составляли тюркские группы табынцев, сынрянцев и мякотинцев (бикатинцев). В 1603 г. к Алею присоединился ногайский мурза Урус, и их совокупные силы стали насчитывать около 1100 человек. Все это время русские власти опасались враждебных действий со стороны Кучумовичей. Часто приходили вести, что царевичи «наряжаются» идти войной на тот или иной город или уезд. Однако до конца 1606 г. никаких столкновений источники не фиксируют

Тем временем на юге Западной Сибири появились прикочевавшие из Джунгарии ойрат-калмыки. У южной границы Тарского уезда тогда появились торгоуты тайши Хо-Урлюка и дербеты тайшей Далая и Изеня. С 1606 г. начались первые стычки между рус-

скими служилыми людьми и калмыками [28, с. 24–26]. Русские власти были обеспокоены контактами между новыми пришельцами и Кучумовичами, что стало достаточным основанием для начала военных действий против царевичей. В соответствии с царской грамотой от 2 февраля 1607 г. было указано организовать поход служилых людей из Тобольска, Тюмени и Тары против царевичей, «чтоб их всех ... переимати до одново, и в Ногаи, и в Бухары, и в Колмаки, и в Козанскую орду не ушол из них ни один человек» [27, кн. 11, л. 95]. Поход состоялся весной того же года, правда, в источниках о нем осталось лишь глухое упоминание [22, с. 231]. Очевидно только, что никто из Кучумовичей в плен тогда не попал, но от них после этого начали уходить улусные люди и сдаваться русским властям.

Однако летом 1607 г. произошли новые столкновения, которые имели для Кучумовичей самые негативные последствия. В феврале 1608 г. стало известно, что «поехали с того погрому – Алей в Нагаи, а Озим в Казатцкую орду, а Ишим в Колмаки к тестю своему к Урлюку-тайши для людей» [28, с. 25]. В ходе этих боев силы царевичей были рассеяны, часть людей погибла, другая часть сдалась русским. В ноябре 1607 г. в Тюмень от царевича Азима пришел тесть его брата Чувака Евлубай Бекотин, который привел с собой 11 татарских семей [22, с. 239–240]. Сам Алей, бежавший за помощью к ногаям, попал в плен в 1608 г. [35, с. 76]. Царевич Алтынай, видимо, сдался добровольно, а Азим и Кансувар также оказались в плену при невыясненных обстоятельствах. Царевичи в это время лишились большей части своих улусных людей. Как считал А. Н. Усманов, после разгрома и пленения Али «в стане Кучумовичей башкир не осталось». При этом мякотинцы отошли к русским еще до разгрома Али. Сыррянцы же еще какое-то время после этого подчинялись и платили ясак ногайским мурзам, но в дальнейшем и они оказались среди подданных русского царя [36, с. 132].

В этой связи никак нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что «значительная часть зауральских башкир до 30-х гг. XVII века не признавала российского подданства и поддерживала антирусские действия хана Кучума и его сыновей» [2, с. 76; 33, с. 240, 242]. В ходе событий 1607–1608 гг., когда Кучумовичи потерпели ряд поражений от русских, они лишились большей части своих улусных людей. Об этом красноречиво свидетельствует цитированный выше отрывок о том, как царевичи отправились «для людей» (то есть за подкреплением – Д. В.) к ногаям, казахам и калмыкам, чтобы продолжить борьбу с русскими. Судя по дальнейшим событиям, помощи они нигде не получили. Более того, многие из них сами оказались в плену.

Из всех сыновей Кучума в степях остался только Ишим. Похоже, он единственный из сыновей Кучума тесно связался с ойратами, женившись на дочери Хо-Урлюка. После событий 1607–1608 гг. несколько лет о нем не было известий. Только в 1616 г. побывавшие в калмыцких улусах служилые люди докладывали:

«А Ишим-царевич живет ныне в Колматцкой земле и кочует с колмаки. А колматцкие люди его почитают. А людей ево с ним только де 15 человек» [28, с. 53]. Этническая принадлежность этих 15 человек не указана, но надо полагать, что это не калмыки. Из-за малочисленности людей Ишима это и не принципиально. С этого времени Ишим мог опираться только на помощь калмыков. В сентябре 1616 г. он кочевал с тайшами Салбаром и Кошуром и 500 «воинских людей», по всей видимости, калмыков. В это же время «калмыки Ишимовы люди» захватили двух тарских зверовщиков в районе оз. Ямыш [22, с. 274]. В 1618–1618 гг. вместе с калмыками же он совершал набеги на ясачные волости, в том числе и в Уфимском уезде [28, с. 102, 103]. По данным тобольского воеводы Ю. Я. Сулешова, в 1621/22 г. «приходил Кучумов внук Ишим царевич войною в Сибирь под остроги и на ясачные волости и многие места повоевал и людей в полон поимал, а татар де называл отца своего и своими природными холопи и говорил, как бы ему мочно своей вотчины доступить» [20, с. 89]. В январе 1623 г. пришли вести, что он «пошел в уфимские волости старых своих людей табынцов сыскивати» [22, с. 342; 28, с. 118]. Правда, насколько его «поиски» табынцев были успешными и собирались ли последние с ним сотрудничать, остается неизвестным. В 1625 г. русские послы выговаривали тайше Далау: «Да и по вся годы колмацкие люди и государев изменник Ишим-царевич государевы волости, которые к сибирским городам, и Уфинсково уезду воюют и государевых ясачных людей в полон емлют» [28, с. 136, 138]. Таким образом, Ишим жил среди калмыков, породнившись с ойратской знатью, а башкиро-татарское ясачное население Уфимского, Тюменского и Тарского уездов рассматривал в качестве объекта для набегов либо для взимания ясака. Говорить о какой-либо поддержке Ишима, тем более масштабной, со стороны башкир или других тюркских групп в этот период не приходится.

Мало что изменилось и после смерти Ишима, которая наступила в 1624 г. До конца 1620-х гг. о его детях, продолжавших жить в калмыцких улусах, ничего не было слышно. Они снова оказались в поле зрения русских властей только в 1629 г. в связи с начавшимися годом ранее волнениями ясачных людей в Тарском уезде. Повстанцы призвали себе в качестве лидера сына Ишима царевича Аблая. В 1631 г. проявил себя его двоюродный брат Девлет-Гирей. В этот период в связи с выступлениями ясачных людей в южных районах Западной Сибири Кучумовичи оказались значительно к востоку от мест традиционного проживания башкир и какое-то время с ними практически не контактировали.

Нет смысла останавливаться на рассмотрении событий самого восстания, так как этот вопрос достаточно подробно рассмотрен в специальной литературе [9; 25, с. 85–89; 40]. Среди причин прекращения восстания историки обычно указывают следующие: стихийный характер восстания, его спонтанность и слабую подготовку, недостаточную

координацию между участниками. Как писал Г. Ф. Миллер о повстанцах: «Враги не знали своих собственных сил и были недостаточно объединены» [22, с. 113]. К этому следует добавить важное наблюдение Ю. С. Худякова, касающееся роли собственно Кучумовичей как одних из руководителей этого движения: «Опыт анализа военно-политических событий XVII в. дает основания утверждать, что намерения хана Кучума и его наследников во многом не были реализованы из-за их недалёковидной политики в отношении бывших подданных. Периодическим нападениям и разорению, податному гнету со стороны Кучумовичей и их союзников, подвергалось, в основном, татарское население в составе российских владений» [39, с. 108]. Разорение ясачных волостей, захват пленных и их имущества, угон и истребление домашнего скота «не могли не возмущать сибирское татарское население, подвергавшееся нападениям. Это отталкивало от Кучумовичей и джунгарских тайшей даже тех сибирских татар, кто их ранее поддерживал» [40, с. 52]. Этот вывод представляется справедливым также при характеристике взаимоотношений Кучумовичей с другими народами урало-сибирского региона в XVII в. Также это хорошо объясняет, почему Кучумовичи в конечном итоге в своей борьбе против Русского государства оказались обречены на поражение.

Между тем, несмотря на прекращение восстания, нападения калмыков и Кучумовичей на российские владения не прекратились и приняли характер обычных грабительских набегов. При этом активность Кучумовичей все больше смещалась в западном направлении и со временем стала затрагивать районы расселения тюркских башкирских групп. В октябре 1633 г. Девлет-Гирей с отрядом из 60 человек появился на р. Исети. Он разорил Катайскую волость Уфимского уезда и деревню Баишевы юрты в Тюменском уезде [22, с. 123, 474]. Таким образом, нападениям Кучумовичей снова стало подвергаться башкирское население Зауралья. В этом отношении показательным является и то, что в 1635 г. царевич Аблай и его родной брат Тевка были пленены во время набега именно на Уфимский уезд [29, с. 27].

В то же время другая часть башкир, как еще ранее часть сибирских татар, оказалась в орбите влияния потомков Кучума. В частности, в 1634 г. из-за злоупотреблений во время проведения переписи и сбора пятинны русскими служилыми людьми «Уфимского уезду башкирцов откочевало к сибирскому царевичу Аблаю 59 дворов, да 4 двора в Сибирь отъехали» [10, с. 37; 37, с. 36; 24, с. 62]. Численность этих беглецов можно примерно оценить в 250–300 человек. К сожалению, дальнейшая судьба этих выходцев из Уфимского уезда неизвестна, но можно утверждать, что с этого времени в кочевьях Кучумовичей, помимо калмыков, «тарских и тюменских изменников», присутствовало и некоторое количество башкир. Н. В. Устюгов полагал, что в числе этих «выходцев» к царевичу Аблаю был очень хорошо известный в дальнейшем вожак башкирского восстания Сары

Мергенъ [37, с. 64]. Причем среди них были не только добровольно бежавшие к сибирским царевичам «государевы изменники», но и насильно угнанные ими во время набегов «полоняники». По имеющимся данным, крайне трудно установить, какие именно группы башкир были в улусах Кучумовичей, а также каково было их соотношение среди других групп их улусников. В. В. Трепавлов считал, что, как и в начале столетия, в основном это были представители рода табын.

После пленения Аблая и Тевки в 1635 г. главным среди Кучумовичей стал Девлет-Гирей. Номинальным главой клана он был до августа 1661 г., когда его улус был разгромлен отрядом Б. Маркова. Хотя еще в конце 1640-х гг. его лидерство начали оспаривать младший двоюродный брат Бугай и племянник Кучук. Весной 1648 г. эти царевичи совершили набег на волости Уфимского уезда, пленив «уфинских людей человек з 20 и больши» [22, с. 134, 613]. В 1651 г. «приходили де царевичи Кучюк да Сулеса (видимо, Чучелей – Д.В.) Девлет-Киреевы братья с улусными людьми в Уфинской уезд в Чалжужскую волость воевать и взяли де ее в полон» [20, с. 92]. Самой громкой акцией стало разорение Далматовского монастыря в сентябре 1651 г. Говорить о каких-либо принципиальных изменениях в это период в отношениях потомков Кучума с русскими властями, жителями приграничных уездов, живших в постоянном страхе от ожидания набегов, не приходится. Таким образом, Кучумовичи, как и раньше, периодически подвергали набегам в том числе и населенные в основном башкирами уфимские волости.

На 1660-е гг. приходится, пожалуй, последняя попытка Кучумовичей воплотить в жизнь свои мечты о восстановлении Сибирского юрта. Шансы царевичей на реставрацию прежней государственности были связаны с начавшимся в 1662 г. башкирским восстанием и рядом антирусских выступлений в Западной Сибири.

Движению 60-х гг. XVII в. посвящена достаточно обширная литература. Весьма непростоым является вопрос о роли Кучумовичей в восстании. При этом, на наш взгляд, здесь следует разделять два аспекта. Первый касается роли Кучумовичей в инициировании и подготовке восстания. Причем речь здесь идет, во-первых, об инициировании собственно башкирского восстания, а во-вторых, – о хорошо известном глобальном антирусском заговоре среди сибирских народов с участием Крыма и Османской империи. Второй аспект заключается в участии Кучумовичей в самом восстании, их влиянии на развитие событий движения. Что касается первого аспекта, то здесь больше всего расхождений. Так, В. И. Огородников именно Девлет-Гирея считал главным вдохновителем и организатором всего движения [6, с. 232]. С. В. Бахрушин в статье о восстании в Западной Сибири отмечал, что здесь инициаторами и даже «идеологами» движения выступили тобольские юртовские татары и бухарцы, что именно «эти круги и выдвинули на первую очередь вопрос о реставра-

ции династии Кучума в лице царевича Девлет-Гирея» [6, с. 241]. Н. В. Устюгов по поводу инициаторов движения отмечал, что «имеются свидетельства и о башкирской инициативе, и об инициативе царевичей» [37, с. 62]. И. Г. Акманов наоборот был склонен приносить роль внешних сил в восстании в лице царевичей и калмыцких тайшей, приписывая всю инициативу самим башкирам. Исследователь считал, что башкирские повстанцы сами «пытались использовать царевича (Кучука – Д.В.) как фигуру, вокруг которой можно было объединить нерусские массы Зауралья» [5, с. 102]. Очевидно одно – тогда в самом начале 1660-х гг. интересы Кучумовичей и башкир совпали в их противостоянии с российскими властями. И те, и другие искали сближения для совместных действий.

На вопрос о том, могли ли Кучумовичи инициировать восстание башкир и других народов региона, опираясь на имеющиеся данные, скорее всего, следует ответить отрицательно. В особенности это касается предположения, что в 1660-е гг. имел место глобальный антирусский заговор с целью полного изгнания русских из Сибири с привлечением сил Крыма и даже Османской империи. Трудно представить, чтобы мелкие степные владельцы, каковыми несмотря на высокородное происхождение все-таки были Кучумовичи, могли организовать и скоординировать столь масштабный заговор. С их силами, насчитывавшими обычно около 200 или чуть более «воинских людей», вряд ли такие задачи им были по силам.

Тем более летом 1661 г. между Девлет-Гиреем и его младшими родственниками произошел конфликт, вылившийся в вооруженные столкновения между ними. Часть улусных людей от Девлет-Гирея ушли к Бугаю, то есть царевичи не смогли поделить своих улусников, что и стало причиной раздора. После этой размолвки пути Кучумовичей разошлись. Девлет-Гирей остался на прежнем месте «над Иртышом», а его младший двоюродный брат Бугай с племянниками Кучуком, Кансуером и Чучелеем «покочевали в степ».

Вскоре после этих событий улус Девлет-Гирея подвергся неожиданному для него нападению русского отряда под командованием Б. И. Маркова. Примечательно, что это не была специальная военная акция против царевича – русский отряд шел на дощаниках за солью к соляному озеру Ямыш. Такого рода экспедиции были ежегодными, а улус царевича был разгромлен мимоходом. В результате разгрома кочевья Девлет-Гирея было отбито свыше 300 ясачных людей и захвачена богатая добыча. Сам царевич едва не угодил в плен, но успел бежать, «покинув все, а с ним побежали калмыки небольшие люди», а также один аялынец и один «уфинец» из числа приближенных [8, с. 55]. На этом следы Девлет-Гирея теряются, его дальнейшая судьба неизвестна.

Примечательно, что разгром давнего соперника русских в Сибири, царевича Девлет-Гирея, стал возможен не по причине военного превосходства служилых людей, а благодаря лазутчикам, подосланным к

нему в улус по инициативе тарского воеводы князя М. Н. Шаховского. Несколько тарских служилых татар прибыли в кочевье царевича якобы для покупки лошадей. Они усыпили его бдительность, скрыв истинные сроки подхода каравана дощаников к месту, где находился улус. Однако главная цель служилых татар заключалась в том, чтобы тайно «подзывать» назад в российское подданство всех находившихся в улусе царевича татар и башкир. Их призыв был услышан. Неслучайно «изменник» Кутлумерген Илгилдеев откровенно признавался: «Мысль де у нас о том давно есть принести великим государем вина своя и приклониться, толко не смеем, боясь на себя великих государей гневу за свою вину, что мы своровали, изменили, к царевичам отъехали» [27. Стб. 597, л.70]. Некоторые улусники при этом заявили о своей готовности призывать назад в русское подданство прочих бывших ясачных татар и башкир, живущих у Девлет-Гирея, а также о желании вместе с русскими людьми «промышлять» над царевичем, «как бы его изымать и к великим государем привести». Таким образом, в самом конце июля 1661 г. Девлет-Гирей потерпел сокрушительное поражение. Его имя совсем не фигурирует в событиях начавшегося в 1662 г. башкирского восстания.

Младшие Кучумовичи после размолвки с Девлет-Гиреем двинулись от Иртыша в западном направлении. Во время переправы через Тобол от Бугая с племянниками смогли отбиться 8 семей бывших тюменских татар (38 человек), которые 9 сентября 1661 г. прибыли в Катайский острог. Еще до этого эти беглецы «весть послали в Уфинской уезд в ясачные башкирцы, и уфинские де башкирцы за теми Кучумовыми внучаты за Бугайкой с товарищи пошли в погоню» [22, с. 635-636]. Позже стало известно, что в погоню за царевичами пустились 226 башкир Сибирской дороги. Они настигли Кучумовичей на речке Кыяте, по всей видимости, застав последних врасплох. Пленных царевичей «со всем их улусом» повели на Уфу. Однако позже случилось так, что «Облая де царевича жена с сыном Чичелеем да з дочерью да Бокай царевич с племянники и з женами и з детьми у башкирцев ушли» [10, с. 68]. Вырваться смог также царевич Кучук. В итоге в Уфу доставили «сибирских царевичей Кансуера Аблаева з женою Гирелею да с сыном Муратом да брата ево роднова Чичюлея царевича жену Нальбеку с сыном Бабашем да дядю ево Бакая царевича дочь Басыну» [10, с. 68-69]. В дальнейшем эти пленники были присланы в Москву. Здесь возникает только один вопрос: каким образом Бугай, Кучук и Чучелей смогли уйти от башкир? Либо они действительно вырвались, либо им позволили вырваться... К сожалению, ответ на этот вопрос источники не дают.

Тем не менее все эти факты наглядно демонстрируют, насколько неоднозначными были отношения Кучумовичей и башкир. Часть башкир (причем совсем небольшая) с царевичами сотрудничали, живя в их улусах; другая же часть башкирского населения видела в них врагов и с энтузиазмом ходила на них в

военные походы. Впрочем, все эти, на первый взгляд, труднообъяснимые факты вполне укладываются в рамки отношений, которые были обычными в традиционной кочевой среде, когда мирная торговля уживалась с набегами, а вчерашние друзья могли быстро превратиться во врагов, и наоборот.

Н. В. Устюгов предполагал, что Кучумовичи могли спровоцировать всеобщий бунт путем «переброски» своих сторонников в кочевья башкир [37, с. 63]. Речь идет о так называемых «выходцах», которые накануне восстания отъехали от царевичей назад в российское подданство. Русскими властями они были поселены в основном на прежних местах жительства вперемешку с пока еще лояльными ясачными людьми. Эти «выходцы» и начали вести среди последних своего рода «подрывную агитацию и пропаганду» и склонять их к «шатости и измене». Сам Н. В. Устюгов имел в виду уже упоминавшегося Сары Мергена, возглавившего восстание зауральских башкир в 1662 г. Историк полагал, что Сары Мерген был среди тех башкир, которые отъехали в числе 59 семей в 1634 г. к царевичу Аблаю [37, с. 64]. Есть данные, что он был среди «лучших людей» царевича Тевки. В 1646 г. он упоминается в числе прочих «изменников» в окружении жены Аблая «княгини» Чагандар и царевича Бугая [7, с. 162]. После разрыва между Девлет-Гиреем и его младшими родственниками летом 1661 г. Сары Мерген остался с царевичем Бугаем и его племянниками. Как докладывали 13 сентября этого же года вышедшие от царевичей в Исетский острог торговые бухарцы, Сары Мерген отъехал со 150 людьми от Бугая с племянниками за четыре дня до нападения на их улус ясачных башкир Сибирской дороги. Правда, цель его отъезда остается неясной. По имеющимся источникам невозможно определить, был ли отъезд Сары Мергена и его людей вызван каким-то конфликтом между ним и царевичами или, наоборот, был как-то согласован между ними. Поэтому предположение Н. В. Устюгова представляется обоснованным, но так и остается предположением. Сары Мерген мог быть и вполне самостоятельной фигурой, действующей не столько по указанию царевичей, сколько по собственному усмотрению (хотя и координируя с ними свои действия). После возвращения в российское подданство его могли спровоцировать на недовольство традиционные жесткость и лихоимство русской администрации. Документы фиксируют его враждебную деятельность уже в декабре 1661 г., когда он стоял «своим улусом» в верховьях р. Миасс, а его выходцы, среди которых он был «головной завотчик», «хвалились» идти войной на Катайский острог и Далматовский монастырь [20, с. 159].

Что касается других выходцев от царевичей в это же время, то они бежали как раз от превратностей и тягот скитальческой жизни. Еще 4 июля 1661 г. в Тарский город от царевичей «выбежали» 5 семей (24 человека) бывших ясачных людей Тюменского и Уфимского уездов [8, с. 56]. 9 сентября этого же года в Катайский острог прибыли 8 татарских семей

(38 человек), бежавших от Бугая во время переправы через Тобол [22, с. 635-636]. Они же сообщили, что одновременно с ними от царевичей отошли 214 семей башкир, которые пошли в Уфимский уезд. Правда, достоверность последней цифры вызывает некоторые сомнения.

О том, что в кочевьях Кучумовичей ситуация могла быть очень сложной в плане материального положения и стабильности, красноречиво свидетельствует следующий факт. Немного ранее ойратские тайши по требованию русских властей заставили царевичей выслать назад часть захваченных ими ясачных людей. Еще 2 июня 1660 г. в Тару пришли от царевичей и торгоутского тайши Лоузана бывший есаул Кулебинской волости Акбиячко Еманчурин и ясачный татарин Барабинской волости Итаячко Сарчулов. Эти выходцы поведали о леденящих душу подробностях жизни в улусах царевичей зимой 1659/1660 г., что «иной де полон у них з голоду помер, а иной сами з голоду ж ели, что у них голод был большой» [23, с. 10]. Все это лишний раз свидетельствует, что «вольная» жизнь в степях вместе с потомками Кучума в то же время была полна всевозможных трудностей и лишений.

Что касается вопроса о непосредственном участии Кучумовичей в военных действиях в ходе восстания, то сразу можно отметить, что оно было эпизодическим. Активное участие в антирусском движении приняли также калмыцкие тайши. Это, враждебно относившийся к русским в данный период, торгоутский тайша Дайчин, а также его зять тайша Аюка. Кроме них восставшие вели переговоры с дербетским тайшей Малаем, который в 1660–1661 гг. совершал набеги на Тарский уезд. Однако о его участии в столкновениях с русскими в период восстания 1662–1664 гг. ничего неизвестно. В известных источниках также нет почти никаких упоминаний о совместных операциях Кучумовичей с калмыцкими отрядами. Н. В. Устюгов полагал, что восстание в западной и восточной частях Башкирии носило во многом самостоятельный характер. По этой причине он рассматривал эти движения раздельно. Считается, что сфера влияния Дайчина и Аюки была в Западной Башкирии (Казанская и Ногайская дороги), а Кучумовичей – в ее зауральской части (Сибирская и Осинская дороги), то есть и те и другие действовали в целом самостоятельно.

В самый сложный для русских властей первый период восстания в 1662 г. в Зауралье башкиры вместе с татарами, черемисами и вогулами приходили под Катайский острог и Далматов монастырь, громили Чусовскую, Киргинскую и Белослудскую слободы [20, с. 92]. Крупным успехом восставших было взятие и разорение такого важного опорного центра русских, как Кунгур. По мнению С. В. Бахрушина, малочисленные русские войска и гарнизоны острогов в это время были деморализованы [6, с. 249]. Однако Кучумовичи к этим успехам восставших имели весьма опосредованное отношение. Уже упоминалось, что уфимский историк И. Г. Акманов вообще отрицал

какую-либо роль сибирских царевичей в руководстве движением в 1662 г. По его мнению, лидером восстания в Зауралье на первом этапе был Сары Мерген. Однако полностью согласиться с И. Г. Акмановым все же нельзя.

В конце августа 1662 г. татарка Пелевна, которую смогли отбить от «изменников» в ходе одного из боев, рассказывала приказчику Мурзинской слободы Ф. Головкову, что царевич Бугай стоял в это время за Исетью в степи в районе оз. Иртыш. При этом вместе с ним были «изменники башкирцы, сынгранцы, бушкурты, сонгуты, терсяки, айлы, да с ними же де в заговоре все татаровя и вогуличи верхотурские и епанчинские и пельымские и кондинские, а хотят де они итти воевать город Верхотурье, и Тюмень, и Япанчин, и Пельым, и тех городов все слободы, а в сборе де ныне их тысячи с четыре» [12, с. 290]. Добавим, что, это последнее упоминание в источниках о царевиче Бугае.

Помимо этого летом-осенью 1662 г. русские постоянно получали известия, что повстанцы контактировали с царевичами. В августе «воровские татары» наступали на Мурзинскую слободу. При этом доносили, что «сила де татар большая, а поднялся де царевич их татарской» [12, с. 283]. Позже докладывали, что «воровские де татары были башкирцы да калмыки и Тюменского и Епанчинского ясаку, и вогуличи Верхотурского ясаку, а сказывали, поднялся де на Русь наш царь» [12, с.284]. В это же время приказчик Катайского острога И. Широков докладывал, что «все де ясачные татара, уфинские и пышминские и япанчинские, и верхотурские все вагуличи руки подавали царевичам, что итти воевать заодно» [12, с. 287]. Таким образом, Кучумовичи если и не принимали в это время непосредственного участия в боях, то по крайней мере находились где-то рядом и поддерживали связь с повстанцами. Главное же заключалось в том, что их присутствие где-то поблизости явно вдохновляло восставших.

Кучумовичи активно включились в руководство восстанием в 1663 г. Зимой 1662/1663 г. умер злейший враг русских Сары Мерген, и зауральских повстанцев возглавил царевич Кучук. Однако вряд ли можно утвердительно сказать, что он добился каких-либо значительных успехов. Кучук назван «начальным человеком» во главе отряда восставших численностью до 1000 человек летом-осенью 1663 г. Под его руководством были разорены Арамашевская и Невьянская слободы, «розвоеваны» русские деревни по реке Реж [12, с. 294–296]. Однако осада его людьми Арамашевского острога в начале июля результата не дала. После этого у повстанцев был бой с отрядом майора У. Сниттера и капитана М. Галасеина, результат которого можно охарактеризовать скорее как «ничейный».

Кучук показал себя не только посредственным военачальником, но и слабым организатором, фактически сорвав совместные действия восставших. В ноябре 1663 г. ожидалось общее выступление башкир Сибирской, Казанской и Ногайской дорог с целью

идти на Уфу, возглавить которое должен был Кучук. Однако он не появился в назначенный срок в месте общего сбора в районе болота Кочевань. Повстанцы, прождав его в условленном месте два дня, под руководством тархана Иш-Мухаммеда Девлетбаева вступили в переговоры с русскими властями [20, с. 168–169; 37, с. 96; 4, с. 76]. Калмыки также не оправдали надежд башкир – тайша Дайчин в 1663 г. неожиданно рассорился с башкирами и совершил на их кочевья набег. С этого момента восстание постепенно пошло на убыль.

В середине марта 1664 г. против «изменников башкирцев» в Зауралье двинулся карательный отряд под командованием полковника Д. Полуектова, который жестоко начал подавлять повстанцев. Царевичи Кучук, Асан и Чучелей с отрядом в 300 человек, только услышав о погроме, учиненном Полуектовым в башкирских кочевьях, спешно бежали на юг в район Яика, в очередной раз показав свою несостоятельность [37, с. 105; 5, с. 104]. После этого многие разочаровавшиеся в них башкиры с повинной стали возвращаться обратно в российские пределы.

Н. В. Устюгов считал, что восстание в целом закончилось в 1664 г., когда большая часть повстанцев прекратила сопротивление. Однако, по мнению ряда других исследователей, в Зауралье восстание продолжалось до 1667 г. По данным В. Д. Пузанова, Кучук еще в сентябре 1665 г. совершил вместе с башкирами крупный набег на Беляковскую и Киргинскую слободы, а также Мехонский острог [26, с. 104]. Набег был разорительным, но столкновения с отрядом регулярных войск под командованием Д. Полуектова Кучук не выдержал и отступил. После этого Кучук в основном занимался грабежом зверовщиков, воздерживаясь от крупных набегов, которые требовали более тщательного планирования и не всегда могли завершиться успехом. В мае 1667 г. значительная часть зауральских башкир-изменников отошли от Кучука, заявив о своей готовности помириться с русскими. Полторы тысячи бывших «изменников башкирцев» стояли в районе озера Маян и собирались вести переговоры с русскими властями [26, с. 104].

Можно отметить, что с начала 1660-х гг. основу собственных улусов Кучумовичей стали составлять в основном башкиры, хотя в целом их состав, как и раньше, оставался разноплеменным. Так, в сентябре 1667 г. башкирские выходцы докладывали приказчику Катайского острога, что Кучук стоял в верховьях Ишима, «а людей де у него человек ста с четыре, худых и добрых» [13, с. 289]. При этом, как и в прежние времена, часть башкир остались с царевичем, другие же были готовы вести на него русских ратных людей, чтобы «службу и раденье свое за вины свои великим государем показать» [13, с. 291]. Русский посланник к Кучуку Кондратий Ядровский в 1668 г. докладывал, что в его улусе «боевого люду и с подростками и с ызменники башкирцы сот с пять» (цит. по: [35, с. 119]).

Среди причин, заставивших Кучука постепенно снизить свою враждебную активность в это время, можно выделить постепенный отход от восстания

многих башкир, а также очевидную бесперспективность вооруженного противостояния с русскими. Следует также отметить и позицию некоторых ойратских правителей. В частности, по просьбе русских властей на Кучука оказали давление хошейтовские тайша Аблай и Очирту-Цецен-хан с требованием прекратить враждебную деятельность и вернуть пленных (см.: [16, с. 327; 30, с. 213]).

Таким образом, следует в целом согласиться с выводами Н. В. Устюгова о роли Кучумовичей в движениях 1660-х гг. Историк считал, что ни сибирские царевичи, ни калмыки, несмотря на активное участие в восстании, не смогли оказать на его ход существенного влияния. В первую очередь по той причине, что «достаточных сил для борьбы с русским государством у них не было. И в экономическом, и в политическом, и в военном отношении Московское государство было сильнее» [37, с. 109]. Оказывая поддержку повстанцам, они не оправдали их надежд.

Своеобразным следствием тесного сотрудничества части восставших башкир с Кучумовичами в этот период стало принятие Кучуком ханского достоинства, что само по себе следует признать уникальным событием. Произошло это где-то в промежутке между 1664 и 1668 гг. Как известно, из детей Кучума ханский титул принял в самом начале XVII в. его старший сын Алей, а после него, возможно, Ишим. Представители поколения внуков Кучума ханами уже не назывались, во всех документах они фигурируют как царевичи. Также неизвестно, предъявляли ли Аблай, Девлет-Гирей и Бугай претензии на приобретение ханского титула. Как считал В. В. Трепавлов, «стимулом для принятия Кучуком ханского венца могла послужить временная консолидация вокруг него всех мятежников и недовольных российским правлением на востоке Московского государства. Очевидно, татаро-башкиро-калмыцкое окружение царевича в то время составило довольно сплоченный коллектив соратников, которые провозгласили своего вождя ханом» [35, с. 119].

Восстание 1662–1664(1667) гг. не привело к кардинальному улучшению положения башкир. Фактически это движение открыло целую череду кровопролитных башкирских восстаний, продолжавшихся, как известно, до 70-х гг. XVIII в.

После окончания восстания некоторая часть башкир тогда так и не вернулась назад в российское подданство. В частности, в марте 1678 г. из Колчеданского острога поступило известие, что близко подошел некий «Салтан», который остановился в верховьях Ишима вместе с неуказанным по имени калмыцким тайшей. При этом «Салтане», помимо калмыков, были 60 человек башкир, «которые де воевали с Кучуком салтаном в прошлом во 171 году, и воевавши они башкирцы с ним салтаном уехали в степь» [14, с. 35]. В 1696 г. казак В. Кобяков, который до этого четыре года провел в Туркестане, докладывал: «Есть Уфинского уезду башкирцы в Каракалпаках, которые изменили с Кучуком царевичем, и те де башкирцы ходят под государевы города и слободы в

вожах у Козачьей орды, и с каракалпаками и с Козачьей ордою государевы слободы вместе разоряют и людей побивают, и в полон емлют и русской полон продают в Бухары и в Хиву» [15, с. 390]. Таким образом, отголоски первого башкирского восстания давали о себе знать еще в течение достаточно долгого времени.

Что касается Кучумовичей, то они вместе с их покровителями калмыками постепенно ушли из зауральских степей. В 1670–80-х гг. у границ Башкирии и сибирских уездов они появлялись лишь эпизодически. По наблюдениям Е. А. Рябиной, одно из последних нападений Кучука на уфимские волости было летом 1670 г. [31, с. 106]. Казахстанский исследователь Ж. М. Сабитов при этом предположил, что с 1671 г. Кучук в статусе башкирского хана стал жить среди каркалпаков, где и погиб в 1678 г. [32, с. 88; 31, с. 106].

Подводя итог, следует согласиться с уже высказанным в историографии мнением, что история потомков Кучума в XVII в. – это история постепенного падения их роли и влияния среди народов урало-сибирского региона. Для воплощения в жизнь своей мечты по воссозданию Сибирского юрта у Кучумовичей не было ни достаточных сил, ни адекватных средств. На наш взгляд, единственный их «ресурс», позволявший им до конца столетия сохранять хотя бы видимость самостоятельности, – это высокородный статус потомственных Чингисидов. Во многом именно он обеспечивал им определенное признание в среде могущественных ойратских правителей, а также среди части коренного населения Урала и Западной Сибири, видевших в них законных потомков прежних правителей.

Что касается конкретно отношений сибирских царевичей с башкирским населением края, то, во-первых, следует отметить, что башкиры далеко не всегда присутствовали в кочевьях Кучумовичей. Как было показано выше, в период с 1608 по 1634 г. при царевиче Ишиме и какое-то время при его сыне Аблае, по данным источников, башкирских групп в их улусах не было. Под влиянием протестов татарского населения Западной Сибири против произвола русской администрации в 1630-х гг. к Кучумовичам переметнулось и несколько сотен жителей Уфимского уезда. С этого времени башкиры были постоянно среди прочих улусников царевичей. Пик сотрудничества сибирских династов с башкирами пришелся на 1660-е гг. и связан с мощным башкирским восстанием. В это время, по замечанию В. В. Трепавлова, произошло «совпадение недовольства обьясаченных аборигенов и жаждавших мести царевичей» [35, с. 112].

Очевидно также, что приведенная выше точка зрения, представляющая Кучумовичей в качестве благородных борцов за «свободу и независимость», является политически ангажированной и весьма далекой от исторических реалий. Следует также согласиться с Б. А. Азнабаевым и А. И. Кортунным, что трактовка башкирских восстаний как национально-

освободительных движений представляет собой «очевидную модернизацию объекта исследования» [3, с. 1104]. Реальная картина взаимоотношений Кучумовичей с коренными народами Урала и Западной Сибири была намного сложнее и не может сводиться к упрощенным объяснениям типа «героической борьбы за независимость», «национально-освободительного движения» и «восстаниями с целью освободиться от русского ига».

В целом же отношения между Кучумовичами и башкирами следует оценивать с точки зрения взаимодействия между кочевниками. Попытки объяснения этих отношений с позиций, например, «национально-освободительной борьбы» местных народов против русских следует признать некорректными. Отношения Кучумовичей и башкир – это отношения типичных кочевников, включающие в себя весьма широкий спектр взаимодействий. Заинтересованные стороны могли с легкостью, одинаково быстро как заключать альянсы и союзы, так и прекращать их. Торговля и мирные отношения легко сочетались с грабежом и набегами. Недавние враги запросто превращались в друзей и союзников, и наоборот. Поэтому неудивительно, что часть башкир (как и татар и других народов региона) искала у Кучумовичей защиты и покровительства и вместе с ними же совершала набеги на русские владения. Другая же их часть готова была верно служить русскому царю и принимать активное участие в походах против царевичей и их сторонников. На такую «двойственность поведения», правда, в отношении тобольских татар и бухарцев, обратил внимание еще С. В. Бахрушин [6, с. 241]. Однако этот вывод полностью применим и к отношениям между Кучумовичами и башкирами.

Библиографический список

- 1 Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный / М. Абдиров. – Алматы : Жалын, 1996. – 176 с.
- 2 Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.) / Б. А. Азнабаев. – Уфа : Изд-во БашГУ, 2005. – 210 с.
- 3 Азнабаев Б. А. О характере башкирских восстаний XVII–XVIII вв. / Б. А. Азнабаев, А. И. Картунов // Былые годы. – 2022. – № 17(3). – С. 1102–1113.
- 4 Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. / И. Г. Акманов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 151 с.
- 5 Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. / И. Г. Акманов. – Уфа : Китап, 1993. – 224 с.
- 6 Бахрушин С. В. Восстание в Западной Сибири в 1662–1665 гг. / С. В. Бахрушин // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. – Брянск : Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1999. – С. 229–255.
- 7 Васьков Д. А. Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 годах / Д. А. Васьков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. Вып. 1: История. – С. 158–166.
- 8 Васьков Д. А. Вооруженные столкновения между сибирскими служилыми людьми и Кучумовичами в 1661 г. и их последствия / Д. А. Васьков // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 50–58.
- 9 Волкова К. В. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. / К. В. Волкова // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск : Наука, 1965. – Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. – С. 112–127.
- 10 Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 548 с.
- 11 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- 12 Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Санкт-Петербург : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1851. – Т. IV. – 416 с.
- 13 Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Санкт-Петербург : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1853. – Т. V. – 535 с.
- 14 Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Санкт-Петербург : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1862. – Т. VIII. – 365 с.
- 15 Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Санкт-Петербург : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1867. – Т. X. – 510 с.
- 16 Зыков А. П., Рейтарский шлем XVII в. из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье / А. П. Зыков, И. Л. Манькова. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. – С. 315–332.
- 17 Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. – Москва : Наука, 1974. – 572 с.
- 18 Маслюженко Д. Н. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. / Д. Н. Маслюженко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 3(41). – С. 5–10.
- 19 Маслюженко Д. Н., Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. / Д. Н. Маслюженко, Г. Х. Самигулов. // Вопросы истории. – 2017. – № 1. – С. 57–73.
- 20 Материалы по истории Башкирской АССР / отв. ред. А. П. Чулошников. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. – Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – 632 с.
- 21 Миллер Г. Ф. История Сибири. – 3-е изд. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Вост. лит., 2005. – Т. 1. – 630 с.
- 22 Миллер Г. Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 796 с.
- 23 Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы / сост. В. А. Есипова, Г. Н. Старикова. – Томск : Изд-во ТГУ, 1999. – 155 с.
- 24 Порталь Р. Башкирия в XVII–XVIII вв. / Р. Порталь. / пер. с фран. и нем. ; сост. И. В. Кучумов. – Уфа : ЦЭИ УНЦ РАН, 2000. – 221 с.
- 25 Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.) / В. Д. Пузанов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 432 с.
- 26 Пузанов В. Д. Спорные вопросы истории башкирского восстания 1662–1667 гг. / В. Д. Пузанов. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной кон-

- ференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. – С. 99–105.
- 27 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. – Сибирский приказ.
- 28 Русско-монгольские отношения. 1607–1636 : сб. документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук ; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – Москва : Вост. лит., 1959. – 352 с.
- 29 Русско-монгольские отношения. 1636–1654 : сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук ; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – Москва : Вост. лит., 1974. – 472 с.
- 30 Русско-монгольские отношения. 1654–1685 : сб. документов / сост. Г. И. Слесарчук. – Москва : Вост. лит., 1996. – 560 с.
- 31 Рябинина Е. А. Последние Кучумовичи на юге Западной Сибири в 1670–80-х гг. / Е. А. Рябинина // История, экономика и культура средневековым материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. – С. 105–108.
- 32 Сабитов Ж. М. Кучумовичи в Восточном Деиш-и Кипчаке в середине XVII – начале XIX в. / Ж. М. Сабитов // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. – С. 88–91.
- 33 Сальманов, А. С. Попытки Кучумовичей и башкир воссоздать Сибирское ханство / А. С. Сальманов // *Oriental Studies*. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 238–247.
- 34 Самигулов Г. Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация/разделение – к постановке вопроса / Г. Х. Самигулов // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. – С. 127–131.
- 35 Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / В. В. Трепавлов. – Москва : Вост. лит., 2012. – 231 с.
- 36 Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству / А. Н. Усманов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1960. – 198 с.
- 37 Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. / Н. В. Устюгов // *Исторические записки*. – Москва : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 24. – С. 30–110.
- 38 Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.) / Г. Л. Файзрахманов. – Казань : Изд-во «Фэн», 2002. – 488 с.
- 39 Худяков Ю. С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII в. / Ю. С. Худяков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. – С. 104–108.
- 40 Худяков Ю. С. Восстания татарских этнических групп в Западной Сибири в конце 1620-х – начале 1630-х гг. / Ю. С. Худяков // *Гуманитарные науки в Сибири*. – 2015. – Т. 22. – № 1. – С. 48–52.

ЯСАЧНЫЕ КАЛМЫКИ ТАРСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.: ПРОБЛЕМА ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема складывания на рубеже XVII–XVIII вв. в Тарском уезде группы ясачных калмыков. Этот вопрос связан с более широкой проблемой перехода в российское подданство ойрат-калмыков и их оседанием в русских населенных пунктах Западной Сибири. Обосновывается тезис, что рассматриваемая группа ясачных людей имела смешанный тюрко-монгольский состав. Одна их часть была представлена тюркоязычными коурчакми, а другая являлась собственно ойратами.

Ключевые слова: ойрат-калмыки, коурчаки, ясачные люди, татары, Тарский уезд.

Annotation. The article deals with the problem of folding a group of Yasak Kalmyks at the turn of the XVII–XVIII centuries in the Tara district. This issue is connected with the broader problem of the transition to Russian citizenship of the Oirat-Kalmyks and their settling in Russian settlements in Western Siberia. The thesis is substantiated that the group of yasak-people in question had a complex Turkic-Mongolian composition. One part of them was represented by Turkic-speaking Kourchaks, and the other was actually Oirats.

Keywords: oirat-Kalmyks, Kourchaks, yasak-people, Tatars, Tara district.

Ойрат-калмыки были главными кочевыми соседями русских в степях Урало-Сибирского региона в XVII в. До сих пор практически не исследованными остаются вопросы, связанные с пребыванием представителей этого кочевого этноса в русских владениях в Западной Сибири, поскольку в процессе межэтнических взаимодействий какая-то часть кочевников оказывалась в русских городах и острогах.

Можно выделить три пути, посредством которых ойрат-калмыки оседали в русских населенных пунктах. Первый путь представлял собой военный плен в ходе столкновений с русскими служилыми людьми. Обычно после переговоров с ойратскими тайшами калмыцкие ясыри обменивались на пленных русских или ясачных людей. Однако какая-то их часть навсегда оставалась в Сибири. В документах таких пленных иногда обозначали как «громленный ясырь» или «взятый на бою ясырь». Второй способ, посредством которого калмыки оказывались у русских, – продажа своими же соотечественниками в ходе торговых отношений. В источниках они часто обозначаются как «купленный ясырь», чтобы отличать их от военнопленных. Со второй половины XVII в. основным местом сбыта калмыками своих соплеменников стала Ямышевская ярмарка. Наконец, третий способ – добровольный выход некоторых кочевников на подконтрольную русским властям территорию с целью перехода в царское подданство. В документах их всегда называли «выходцами». Подобные инциденты случались не так часто, но имели место в течение всего XVII в., и причины выхода в каждом случае были индивидуальными.

Калмыцкие ясыри в основном пополняли категорию хлопов. Чаще всего они были дворовыми людьми, но могли использоваться и в земледельческом хозяйстве. Известный славянский просветитель Юрий Крижанич, отбывавший в Тобольске ссылку с 1661 по 1676 г., свидетельствовал о большом количестве продаваемых калмыками своих соотечественни-

ков: «В Сибири нет ни одного человека с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков» [15, с. 186]. С этими сведениями перекликаются наблюдения посла в Китай Избранта Идеса, побывавшего в Тобольске в июле 1692 г.: «Имеется в этом городе и области много калмыцких татар-рабов, живут также давно взятые в плен калмыцкие князья» [4, с. 84]. Известны случаи, когда калмыки становились боевыми холопами у детей боярских и тобольских дворян (см., например: [12, с. 200]). Практически все холопы-калмыки имели возможность выкупа на волю. Так, по данным Головинской редакции Сибирского летописного свода, когда в 1688 г. обновляли укрепления Тобольска, то наряду с посадскими и служилыми людьми, юртовскими татарами и бухарцами возле Петропавловской башни копали ров калмыки: «А около той башни зделано рву шестнатцать сажен. А делали тот ров новокрещеные калмыки, кои выкупались собою от хозяев своих» [11, с. 226]. В случае принятия крещения бывший калмык и его потомки довольно быстро утрачивали свою идентичность.

В действительности калмыцкие выходцы и выкупившиеся на волю холопы имели достаточно широкие возможности выбора той или иной социальной группы в русских уездах (за исключением, пожалуй, такой престижной категории, как служилые люди). Так, в таможенной книге Тюмени 1672/73 г. зафиксирован следующий факт: 31 декабря некий «выходец калмак Абдула Албы продал рейтару Володке Воронову ясыр калмацкой породы». На следующий день он продал другому служилому человеку «ясыр калмацкой парен[ь]» [13, с. 40, 43]. Судя по имени, этот ойратский выходец принял ислам и, став российским подданным, промышлял торговлей своими же бывшими соплеменниками. Интересный факт приводит С. Н. Корусенко относительно бухарцев Тарского уезда рубежа XVII–XVIII вв., что в единичных случаях калмыки могли переходить в категорию сибирских

бухарцев. По Тарской дозорной книге 1701 г., из 161 тарского бухарца один – Идейко Яргулов – выделялся среди остальных тем, что отец его «родом был калмык» [5, с. 44, 205]. Таким образом, этнический состав сибирских бухарцев был пестрым, а сами они представляли собой не столько этническую, сколько этносоциальную категорию.

В то же время имеются весьма фрагментарные и отрывочные сведения о том, что калмыки могли становиться ясачными людьми в западносибирских уездах. При этом следует отметить, что переход в русское подданство в качестве ясачных людей для ойратов не был типичным. Все-таки в основной своей массе они пополняли категорию дворовых людей. Пожалуй, первое упоминание о неких ясачных калмыках относится к началу 1660-х гг. И связано это упоминание с событиями башкирского восстания 1662–1664 гг. В августе 1662 г. приказчик Мурзинской слободы извещал своего коллегу из Невьянского острога, что 11 августа восставшие «воровские татары до конца разорили» Мурзинскую слободу. При этом «воровские де татары были башкирцы да калмыки и Тюменского и Епанчинского ясаку, и вогуличи Верхотурского ясаку» [3, с. 284]. Ясно, что повстанцы, громившие Мурзинскую слободу, были из Тюменского, Туринского и Верхотурского уездов. Также вполне все понятно с верхотурскими вогулами. Однако упоминание о башкирах из Тюменского или Туринского уездов уже вызывает недоумение, поскольку башкирами всегда назывались ясачные люди Уфимского уезда, а в указанных уездах ясачные люди обычно обозначались как татары. И совсем ничего не понятно с калмыками. О каких ясачных калмыках Тюменского либо Туринского уездов здесь идет речь? Являлись ли эти таинственные калмыки ойратами? Все это пока остается загадкой, поскольку в других источниках о них нет никаких упоминаний. Единственное возможное предположение – ойрат-калмыки могли числиться в указанных уездах в качестве ясачных людей, но в силу своей малочисленности они не отражены ни в каких документах, в том числе учетных.

Впервые ясачные калмыки начинают фигурировать в ясачных книгах Тарского уезда в самом конце XVII в. О них упоминает Б. О. Долгих в своей фундаментальной работе «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.», основанной на подробном анализе ясачных книг. По его данным, сведения о ясачных калмыках-коурчаках имеются в тарских книгах 1691, 1701 и 1707 гг., а в предыдущей книге 1678 г. и более ранних они не упоминаются. Согласно книгам 1691 и 1701 гг., эти калмыки числились в уезде в количестве 106 человек, по книге 1707 г. их стало даже немного больше – 110 человек [2, с. 50]. Исследователь отмечал, что эти калмыки «кочевали в Тунусской, Любайской, Турашской (Кулебинской) и Барабинской (на Сартлане-озере) волостях» [2, с. 55].

Учитывая обзорный характер монографии Б. О. Долгих, следует отметить, что приводимые им сведения не всегда учитывают все нюансы и поэтому

недостаточно полные. С учетом новых данных можно констатировать, что калмыки-плательщики ясака появились в Тарском уезде все-таки до 1691 г., а также то, что их списочная численность менялась между 1691 и 1701 гг. и после. Другим важным моментом будет то, что их количество часто менялось в силу разных причин, то уменьшаясь, то увеличиваясь. Увеличение происходило в том числе и за счет выхода из степи новых групп или даже отдельных индивидов с последующим верстанием в ясачный оклад. Например, известны случаи, когда русские служилые люди, встречая в степи калмыков, в буквальном смысле сманивали их в русское подданство. Так, в «Разборной книге тарских служилых людей 1689 г.» есть упоминание про служилого литовского списка Мишку Можайтинова. В 1675/76 г. он со своими товарищами был на службе в степи, где «за барабинскими волостями с[ъ]ехали калмыцких людей Курюхая Чотаева с товарищи девять человек и подозвали, привели у шерти, чтоб им, калмыком, к великим государем быть послушным и служи[ть] и ясак платить, и те калмыки и ныне ясак платят по две лисицы на год» [6, с. 143]. Интересно, что в приводимых Б. О. Долгих данных ясачной книги 1678 г. сведения об этих калмыках отсутствуют. Также тарский пеший казак Мишка Кривоносов, поверстанный в службу в 1676 г., в качестве своей единственной служебной заслуги приводил следующее: «А служеб ево в те годы посылан был в степь и вывез де калмыка, и той калмык платит великих государей ясак» [6, с. 234]. Увеличение количества плательщиков ясака всегда рассматривалось как важное государственное дело, поэтому неудивительно, что служилые люди с удовольствием записывали в свои послужные списки случаи введения степняков в состав подданных русского царя.

Случаи выхода кочевников из степей и вынужденного прекращения привычного для них образа жизни происходили во все времена. Причины этого были весьма разнообразны. Во-первых, искать убежища среди оседлых народов могли преступники, однако массовые выходы были связаны со всякого рода бедствиями, которые не были редкостью в условиях кочевой жизни. Это могло быть вызвано междоусобицами и политической нестабильностью, неудачными столкновениями с врагами, а также эпидемиями, массовым падежом скота, голодом и т. д. Так, тюменский воевода стольник М. М. Квашнин писал в 1677 г. тобольскому воеводе боярину П. В. Шереметеву, что «в улусах у тайши Яла оказался голод великой», и вышедшие оттуда калмыки хотят принять российское подданство [1, с. 149]. Правда, нам ничего не известно о наличии ясачных калмыков в Тюменском уезде.

В нашем распоряжении имеются следующие источники, в которых содержатся сведения о ясачных калмыках в Тарском уезде: Окладная книга Сибири 1697 г., Ведомость сибирских городов 1701 г. и Ясачная книга Тарского уезда 1702 г.

В окладной книге Сибири 1697 г. среди прочих

обширных справочных сведений о 19 сибирских уездах содержатся данные и о ясачных людях. Как еще указывала М. И. Наврот, эти данные о ясачных «более-менее однообразны»: указываются количество ясачных волостей, городков и зимовий, количество ясачных людей, их народность, размер окладного ясака и т.д. В то же время исследовательница отмечала, что, как исключение, «сведения по Пелыму и Таре не указывают народность ясачных людей» [8, с. 197]. Однако это не совсем так. Вот как описаны ясачные люди Тарского уезда в Окладной книге: «Ясачных людей в 14 волостях 701 человек. По окладу взято 1958 рублей, и в то число взято 1062 рубли...». Далее идут записи о захребетных татарах (23 чел.) и поручных татарах (9 чел.), с которых также взимается ясак. А после этого идет следующая запись: «С выезжих калмыков с 74-х человек взято по окладу 49 рублей с полтиною, и то взято по 25 рублей с четвертью, а донять 24 рубли 8 алтын 2 денги. С приезжих остяков с 4-х человек по окладу на 4 рубли взято сполна» [9, с. 156]. Хотя в книге и не указана этническая принадлежность 701 ясачного человека, но понятно, что это татары. Указанные далее 74 выезжих калмыка и 4 приезжих остяка также являются ясачными людьми, поскольку в книге указаны их ясачные оклады. Таким образом, согласно Окладной книге Сибири, в Тарском уезде в 1697 г. насчитывалось 811 ясачных людей.

А вот Ведомость сибирских городов 1701 г. зафиксировала увеличение количества плательщиков ясака в Тарском уезде и при этом всех их указывает вместе: «Тарского уезду в 14 волостях ясачных людей 710 человек да захребетных и поручных татар, и выезжих калмык, и приезжих остяков 147 человек. Всего всяких ясачных людей 857 человек» [10, с. 161]. (Кстати, Ведомость сибирских городов 1701 г. называет несколько меньшее количество ясачных людей по сравнению с ясачной книгой Тарского уезда того же года, на которую ссылался Б. О. Долгих, – 857 человек против 884). Таким образом, согласно Ведомости, в 1701 г. из 857 ясачных людей Тарского уезда 147 человек были захребетными и поручными татарами, выезжими калмыками и приезжими остяками. К сожалению, в документе не уточняется, сколько из этих 147 человек были именно калмыками. (Напомним, что по Окладной книге 1697 г. их было 74 чел., а по данным Б. О. Долгих, в 1701 г. их числилось 106 чел., т.е. за четыре года увеличение на 32 человека).

Обратимся к Ясачной книге Тарского уезда 1702 г., сведения которой почему-то не использовал Б. О. Долгих. Согласно этому документу, в четырех волостях уезда (Тунусской, Барабинской, Любайской и Кулебинской) всех калмыков насчитывалось 109 человек [14, с. 311–319]. При этом большая часть тарских ясачных калмыков обозначаются как «выезжие калмыки коурчаки» (94 чел.), а другая часть записана просто как «выезжие калмыки» (15 чел.). Также важно отметить, что в других ясачных волостях, населенных собственно сибирскими татарами,

тоже встречались калмыки. Так, в Саргатской волости среди 14 захребетных татар указаны один «казанец Кульметко Ильметев» и один «калмык Кулюкейка Калеев», а среди 5 поручных татар был «калмык Кутлугильдейка Аитыков, отпущеник» [14, с. 285, 287]. В деревне Байгильдеевой Аялынской волости из 20 ясачных татар один значится как «калмык Шиккулин» [14, с. 14, 294]. Еще отдельно три «выезжих калмыка» числились по Аялынской волости, также населенной в основном татарами [14, с. 296]. Таким образом, в Тарском уезде проживал 21 чел. «выезжих калмыков». Как отмечает А. А. Крих, одна из издателей ясачной книги 1702 г., эти данные говорят «о сложном этносоциальном составе ясачного населения в Тарском Прииртышье, на котором отразилось российско-джунгарское противостояние, поскольку калмыцкий компонент присутствует в разнообразных группах ясачного населения» [14, с. 15].

Таким образом, в составе ясачного населения Тарского уезда с конца XVII в. находилась достаточно большая группа калмыков (более крупные группы ясачных татар проживали только в волостях Коурдак и Аялы). И первое, что приходит на ум – это то, что под этими калмыками следует понимать ойратов, поскольку именно так называли этот монголоязычный народ их тюркоязычные соседи, а вслед за ними и русские. Этноним «калмык» становится самоназванием только для той части ойратов, которая в середине XVII в. обосновалась в Поволжье, положив начало современному калмыкам. Причем самоназвание «калмыки» за ними закрепилось только со второй половины XVIII в.

При этом важно отметить, что в XVII–XVIII вв. этноним «калмыки» распространялся не только на ойратов. Проживавших близко к Томскому и частично Кузнецкому уездам тюркоязычных телеутов русские называли «белыми калмыками», чтобы отличать их от «черных калмыков» – монголоязычных ойратов-джунгар. Такие наименования часто встречаются в делопроизводстве томской приказной избы, поскольку администрация этого уезда регулярно имела дело с телеутами. А вот для русских властей, расположенных западнее Тарского, Тюменского, Тобольского уездов, это было не актуально. Поэтому здесь в деловой переписке ойраты обозначались просто «калмыками» и почти никогда «черными калмыками».

Главный вопрос, который возникает: а кем, собственно, являлись калмыки-коурчаки? Что касается их языковой принадлежности, то еще Г. Ф. Миллер предположил, что калмыки-коурчаки (орчаки), кочевавшие в степи у реки Оби в шести днях пути от Томска, могли быть разновидностью тюркоязычных теленгутов [7, с. 9]. Комментаторы академика Миллера Л. П. Потапов и С. И. Вайнштейн при этом отмечают: «Если трудно сказать, были ли орчаки именно теленгутами-телеутами, то в тюркоязычности орчаков вряд ли можно сомневаться» [7, с. 442–443]. При этом такой авторитетный этнограф, как Б. О. Долгих, затруднялся с определением этноязыковой принадлежности коурчаков: «Мы даже не можем сказать с уверенно-

стью, «белые» ли это или «черные» калмыки, т. е. турки или монголы». При этом исследователя смутили следующие слова в ясачных книгах относительно выезжих калмыков и калмыков-коурчаков: «В прошлых годах приезжал в Тунусскую и Барабинскую волости калмыцкой Кокон тайша и тех калмыков с тех ясачных волостей свез в Калмыцкую землю в свои улусы» [2, с. 55; 14, с. 311–312]. (Правда, это свидетельство никак не может быть подтверждением потенциальной «монголоязычности» калмыков-коурчаков). Наконец, Н. А. Томилов со ссылкой на Л. П. Потапова называет коурчаков «древним тюркоязычным племенем Саяно-Алтайского нагорья» [16, с. 119]. В другой своей работе Н. А. Томилов называет калмаками «осевших в Нижнем Притомье телеутов» [17, с. 65]. Также он отмечает, что калмаков нельзя характеризовать «лишь как потомков телеутов» и что «можно сделать заключение о вхождении в их состав чатско-эуштинского, телеутского, абинско-шорского, возможно, монгольского (калмыцкого) компонентов» [17, с. 66, 67]. Для нас главное, что в целом исследователи калмыков-коурчаков считают тюрками.

Так кем же были ясачные калмыки Тарского уезда: ойратами или еще одной разновидностью тюрков Западной Сибири? Если это турки, то не совсем понятно, почему в целом ряде источников они никак не выделяются на фоне западных монголов. Трудно представить, чтобы русская администрация никак не отличала их от монголоязычных обитателей калмыцких (ойратских) улусов. Отсюда складывается первое впечатление, что эти ясачные калмыки, собственно, и были вышедшими к русским и согласившимися платить ясак ойратами. Вот только в ясачных книгах они называются калмыками-коурчаками, которые все-таки относятся к тюркам. Однако и тут есть нюанс, на который не обратил внимания Б. О. Долгих. В ясачной книге 1702 г. поименно перечисляются все группы плательщиков ясака. При этом, что касается интересующих нас калмыков, то здесь перечислено 8 их групп, относившихся к Тунусской, Барабинской, Любайской и Кулебинской волостям. Из этих восьми групп шесть обозначаются как «выезжие калмыки коурчаки» и, соответственно, две группы просто как «выезжие калмыки» [14, с. 311–319]. Также, как было отмечено выше, три «выезжих калмыка» числились в татарской Аялынской волости, и еще по одному были в некоторых других волостях. Все это наводит на мысль о смешанном составе этой разновидности тарских ясачных людей. Какая-то (и, надо полагать, большая) их часть были тюрками-коурчаками, которые в силу не совсем ясных для исследователей причин стали именоваться калмыками; другая же, меньшая часть – это вышедшие к русским ойраты, которые в ясачных книгах обозначаются просто как «выезжие калмыки».

Еще одно наблюдение, связанное с именами ясачных людей. Ясачные книги как источник хороши для исследователей в том отношении, что в них поименно представлен персональный состав пла-

тельщиков ясака всех ясачных волостей, деревень и других подотчетных для обложения единиц. И лингвистический анализ богатого антропонимического материала этого вида источников мог бы стать объектом для отдельного исследования. Отметим только, что даже при беглом знакомстве со списками ясачных калмыков становится ясно, что значительная часть их имен – это вполне типичные татарские имена. При этом немалая часть имен с учетом специфики лексики русского языка рубежа XVII–XVIII вв. вообще плохо поддается дешифровке в плане отнесения к тюркским либо монгольским антропонимам. (Тем более что автор не является лингвистом и не обладает необходимыми компетенциями в области сравнительного языкознания). Однако такие имена ясачных калмыков, как Ноюнка Бутаров, Шамбочка и Именейка Отзоновы, Санжинка Чюрютаев, Далайко Чингашев, Шулункошочи Мачиков и некоторые другие [14, с. 310–313, 315, 319], можно уверенно идентифицировать как ойрато-монгольские. Это лишнее подтверждает неоднородный, смешанный тюрко-монгольский состав так называемых ясачных калмыков. Тут, правда, возникает еще одна сложность. Дело в том, что при переходе в категорию плательщиков ясака многие ойраты, скорее всего, принимали ислам, хотя бы даже формально. А это предполагало смену имени. В этой связи нет ничего удивительного в том, что в двух группах просто «выезжих калмыков» у многих вполне татарские имена. Кстати, упомянутые выше, по всей видимости, братья Шамбочка и Именейка Отзоновы, согласно данным ясачной книги, приняли крещение [14, с. 310–311].

И еще один любопытный момент, касающийся лингвистического аспекта рассматриваемой проблемы. Во всех документах по ясачным людям Тарского уезда калмыки всегда называются «выезжими», а несколько человек остяков – исключительно «приезжими». По нашему мнению, это не случайно. Казалось бы, это две разновидности отглагольного прилагательного, практически идентичные по значению. Тем не менее разные формы фактически одного слова могут означать разное смысловое содержание. «Приезжие остяки», скорее всего, означает, что они прибыли в Аялыную волость Тарского уезда из другого русского уезда, т. е. произошло перемещение внутри государственной территории. Б. О. Долгих полагал, что эти остяки (ханты) – «выходцы из Васьюганья» [2, с. 55]. А вот «выезжие калмыки», по всей видимости, прибыли из-за границы, т. е. перешли в русское подданство, выйдя из-под юрисдикции неподвластных России ойратских правителей.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать следующие выводы. Примерно в 70-е гг. XVII в. в Тарском уезде появляется отдельная группа ясачных калмыков. В ясачных книгах она при этом фиксируется с 1691 г. Состав группы складывался постепенно, а численность в силу разных причин часто менялась. В то же время нельзя исключать, что отдельные представители ойрат-калмыцкого этноса могли числиться в ясачных волостях в качестве ясачных людей

и в более раннее время. При этом сама группа ясачных калмыков имела смешанный тюрко-монгольский состав, т. к. большинство из них являлись тюркоязычными коурчаками, и лишь некоторые – собственно ойратами. Сами ойрат-калмыки как представляли собой отдельную разновидность ясачных людей, так и в единичных случаях могли входить в состав ясачных, захребетных и поручных татар. В целом для ойратов в качестве новых российских подданных переход в категорию ясачных людей не был типичным.

Библиографический список

- 1 *Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII вв. в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1993. – Т. 1. – 250 с.*
- 2 Долгих Б. О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.*
- 3 *Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. – Санкт-Петербург : в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1851. – Т. IV. – 416 с.*
- 4 Идес И. *Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / И. Идес, А. Бранд ; вступит. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. – Москва : Глав. ред. Вост. лит., 1967. – 404 с.*
- 5 Корусенко, С. Н. *Сибирские бухарцы в начале XVIII в. / С. Н. Корусенко. – Омск : Издат. дом «Наука», 2011. – 248 с.*
- 6 Крих А. А. *Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX в.) / А. А. Крих. – Омск : Издат. дом «Наука», 2016. – 263 с.*
- 7 Миллер Г. Ф. *История Сибири. Т. 3. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Вост. лит., 2005. – 598 с.*
- 8 Наврот М. И. *Окладная книга Сибири 1697 г. / М. И. Наврот // Проблемы источниковедения. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – Вып. 5. – С. 184–209.*
- 9 *Окладная книга Сибири 1697 года / подгот. текста к публ. В. Э. Булатов, Е. В. Неберекутина ; сост. В. Э. Булатов. – Москва : Исторический музей, 2015. – 296 с.*
- 10 *Первое столетие сибирских городов. XVII век / отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 192 с. (История Сибири. Первоисточники. – Вып. VII).*
- 11 *Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – 384 с.*
- 12 Резун Д. Я. *Родословная сибирских фамилий. История сибирских фамилий в биографиях и родословных / Д. Я. Резун. – Новосибирск : ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1993. – 250 с.*
- 13 *Таможенные книги сибирских городов XVII в. / авт.-сост. З. В. Башкатова, В. Н. Курилов, И. Р. Соколовский ; гл. ред. Д. Я. Резун. – Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2001. – Вып. 4. Тюмень, Пелым. – 152 с.*
- 14 *Тарское Прииртышье в документах Петровской эпохи: начало XVIII века / подгот. к изд. А. А. Крих, И. В. Межевикин ; сост. и автор предисл. А. А. Крих. – Омск : Издат. дом «Наука», 2022. – 502 с.*
- 15 Титов А. *Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях / А. Титов. – Москва : Г. Юдин, 1890. – 250 с.*

16 Томилов Н. А. *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. / Н. А. Томилов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1981. – 276 с.*

17 Томилов, Н. А. *Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. / Н. А. Томилов. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1992. – 271 с.*

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ В УРАЛО-ИРТЫШСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVIII В.

Аннотация. В докладе представлено описание ранее не использованного источника, наглядно подтверждающего факт сочетания русской и европейской инженерной фортификационной традиции при сооружении крепостей Иртышской укрепленной линии. Рассматриваются конкретные конструктивные особенности башен и стен, представляющих собой пример ярусной фортификации в этих крепостях. Примечательно, что для обустройства Сибирской линии привлекались военные инженеры Оренбургской линии, которая в фортификационном отношении сильно уступала Сибирской и тем более Иртышской. Стоит отметить, что на смешанный характер фортификации Иртышских укреплений обращали внимание многие современные исследователи, но без детального рассмотрения их конструкции.

Ключевые слова: Иртышская линия, Ямышевская крепость, ярусная фортификация, бастион, редут.

Annotation. The report presents a review of a newly – found source which vividly proves the fact that both Russian and European fortification engineering traditions were used while building fortresses forming Irtyshskaya fortified line. We consider particular construction features of the towers and walls being an example of tiered fortifications in these fortresses. Remarkably, to develop the Siberian Line military engineers from the Orenburgskaya Line were invited. However, the Orenburgskaya Line was only second to the Sibirskaya Line, not to mention the Irtyshskaya Line. It's worth noting that the mixed nature of the Irtyshskaya Line fortifications have attracted much attention of modern researchers, but have never been considered in detail.

Keywords: Irtyshskaya Line, Yamyshevskaya fortress, tiered fortifications, bastion, redoubt.

В ходе проводимых исследований по истории фортификации Оренбургской и Сибирской линий XVIII-XIX вв. в Российском государственном архиве Военно-морского флота г. Санкт-Петербург (далее – РГАВМФ) нами изучены материалы фонда «Главного инженерного управления», который содержит большое количество графических документов о фортификационных сооружениях, укрепленных и пограничных линиях Российского государства. В этом фонде нами выявлен «Атлас планов крепостей и укрепленных линий Западной Сибири XVIII в.», который содержит подробные чертежи объектов в том числе и Иртышской линии [5, оп. 23, д. 969].

Известно, что фортификационные сооружения на реке Иртыш стали строить в начале XVIII в., когда русское население активно осваивало южно-сибирские земли, а на Алтае стали основываться металлургические заводы. Усилиями инженер-полковника И. Д. Бухгольца и в дальнейшем полковника В. В. Ступина удалось воздвигнуть крепости: Омскую – в 1716 году, Ямышевскую и Железинскую – в 1717 году, Семипалатную – в 1718 году и Усть-Каменогорскую – в 1720 году [10, с. 160]. Соседство с государством западных монголов-ойратов – Джургарским ханством, а в дальнейшем и с беспокойными племенами киргиз-кайсаков, вынуждало российские власти подходить к вопросу укрепления своих рубежей максимально ответственно.

На представленном к рассмотрению плане Ямышевской крепости (рисунок 1) наиболее детально отражена особенность конструкции фортификационных сооружений Иртышской линии, состоящая в сочетании европейской и древнерусской инженерной традиции [5, оп. 23, д. 969, л. 10]. К сожалению, от-

сутствует точная дата его составления. В то же время имеются подписи трёх военных инженеров, в частности, инженер-прапорщика Ивана Долбилова. Этот офицер упоминается в рапорте начальника Оренбургской инженерной команды инженер-капитана Менцелиуса от 24 июля 1752 года в звании инженер-поручика Уфимского пехотного полка, отвечавшего за укрепления, расположенные от Орской крепости вверх по Яику [6, оп. 1, д. 101]. Поэтому, учитывая разницу в воинских званиях, можно предположить, что данный план Ямышевской крепости составлен при его участии до 1752 года.

В описании к плану Ямышевской крепости указаны следующие фортификационные элементы: ярусную фортификацию представляли башня Спасская, башня Преображения Господня, башни Глухая, Владимирская, Иоанна Богослова; «европейское» влияние просматривалось в наличии Тобольского, Енисейского и Драгунского бастионов, а также редутов Нижнего и Верхнего; стены представляли собой «город рубленный, а в нём в стенах казармы солдатские»; огневую поддержку обеспечивали «три вновь построенные батареи для лучшей дефензии»; внешним укреплением служил «вновь поставленный палисад для закрытия невидности в крепости». Под словом «город» в данном случае следует понимать термин «городни», т. е. определённая части срубной стены, которая могла забиваться землёй и камнями, а могла оставаться не заполненной, чтобы использоваться защитниками для обороны, жилья или под склады [4, с. 72–73].

Характерной и наиболее значимой особенностью выявленного плана Ямышевской крепости является то, что здесь представлены ещё и основные

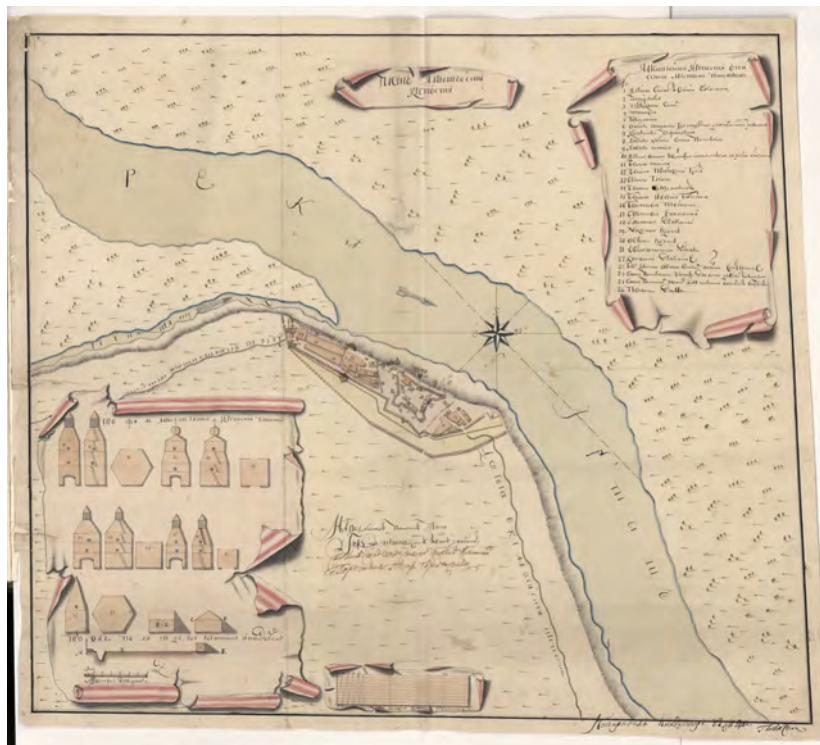

Рисунок 1 – План Ямышевской крепости. XVIII в. [РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп. 23. Д. 969. Л. 10]

конструкции проездных башен со стенами в двух вертикальных и одном горизонтальном разрезах, что позволяет составить детальное представление об этих сооружениях и об укреплении в целом. В частности, башня Спаская в горизонтальном сечении представляла собой шестиугольник, имела три боевых яруса и один дозорный. Башня Преображения Господня в сечении четырёхугольная, имела четыре боевых яруса, венчал её православный крест. Самой простой по конструкции изображена башня Глухая – двухъярусная, шестиугольная в сечении, венчалась шатром. Владимирская башня имела три боевых яруса и один дозорный, квадратная в сечении. Самая меньшая по размерам башня Иоанна Богослова в сечении изображена квадратной, с двумя боевыми и одним дозорным ярусами.

Все башни, кроме Глухой, обозначены проездными. Представлено два вертикальных сечения стен – городней – в цитадели крепости, в значительной части которых располагались жилые помещения для солдат. Также на плане имеется профиль внешнего укрепления, защищавшего прилегающие к цитадели обывательские дома. Это укрепление представлено в виде палисада, прилегающего к нему невысокого вала, рва, линии рогаток и надолбов.

Планы крепостей Иртышской линии, в которых можно найти подтверждение наличия ярусной фортификации на этих объектах, нами обнаружены также и в «Атласе ландкарт и чертежей крепостей, редутов и укреплений линий в Западной Сибири» [5, оп. 23, д. 970].

Если Ямышевская и другие крепости на Иртыше в действительности обладали такими солидными оборонительными башнями высотой более десяти

метров, то они в полной мере являли собой символ российской военной мощи и могли произвести должное впечатление на своих потенциальных противников – племена кочевников – в таком отдалённом краю, как юг Западной Сибири.

В фундаментальном труде по истории фортификации Ф. Ф. Ласковского имеется описание Ямышевской крепости: «Крепость Ямышевская, построенная вторично в 1717 году, состояла первоначально из трёх бастионов, расположенных в правильном полупрестиугольном полигоне, на сторонах в 70 сажень длиною; особенность этой ограды заключалась в том, что она вся была составлена сплошного ряда строений, приспособленных к жилью и обороне; образовавшиеся около нея с верхней и нижней сторон поселения, были обнесены также оборонительною оградой, которая, обнимая оба предместья, образовала перед средним фронтом крепости как бы наружную ограду; она состояла из палисада с весьма незначительною с наружной стороны, присыпкой земли, ряда рогаток и надолб» [1, с. 149]. В этом описании мы не находим упоминания о ярусной фортификации в Ямышевской крепости, хотя на плане, представленном в Альбоме чертежей Ф. Ф. Ласковского (рисунок 2), башни обозначены, но представлены разрезы только городней [2, л. 12].

На наличие сочетания ярусной и бастионной фортификации в крепостях Иртышской линии обращали внимание многие отечественные современные исследователи. В частности, Д. С. Шемелина упоминает о наличии в фондах Российского государственного исторического архива и Российского государственного военно-исторического архива фиксационных планов 1765 года крепостей Иртыш-

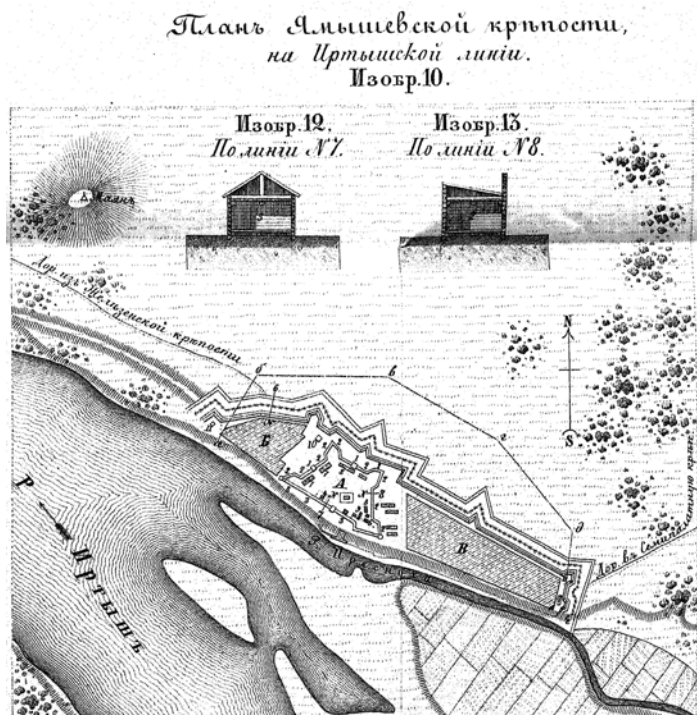

Рисунок 2 – План Ямышевской крепости. XVIII в. Альбом чертежей Ф. Ф. Ласковского

ской линии, совмещённых с проектами перепланировки. Однако в своей работе этот автор не приводит для ознакомления ни одного из этих документов [8, с. 50].

Также Д. С. Шемелина в своей статье «Реконструкция линейных крепостей 1765 года», описывая состояние Сибирских укреплений, отмечает: «совмещение фортификации двух видов: угловой в плане с применением бастионного начертания, рассчитанного на использование огнестрельного оружия и на горизонтальный полёт пушечного ядра, и ярусной в профиле, ориентированной на применение оружия, оборона которым велась вертикально с высоты деревянных стен». В качестве примера сооружения с ярусной фортификацией автор приводит фиксационный план Пресногорьковской крепости Горькой линии 1765 года, на котором этот объект действительно имеет бастионное начертание, но стены его на представленном в статье плане сооружены не из городней, как в случае с Ямышевской крепостью, а из заплота, не являющегося в полной мере ярусным сооружением. Вести огонь с таких стен можно только в горизонтальном направлении огнестрельным оружием [9, с. 186].

В обширной работе исследователя С. Р. Муратовой «Географическое описание Иртышской линии» упоминается о том, что «особенностью всех пограничных укрепленных линий XVIII века является гармоничное сочетание новейших достижений западноевропейской фортификации с отечественным опытом строительства оборонительных сооружений» [3, с. 113]. Однако конкретные примеры ярусной отечественной фортификации на укреплениях Сибирской, в частности Иртышской линии, остались непредставленными в работах этих исследователей.

Исследователь Р. Ю. Смагин в своей статье

«“Новый” картографический источник о малоизвестном проекте перестройки Сибирских пограничных линий в 1760 гг.» отмечает военно-политические аспекты модернизации укреплений Сибирских линий, но не рассматривает их состояние до разработки планов перестройки 1765 года. Автор особо подчёркивает, что усиление Сибирских линий во многом связано с назначением на должность командира войск Сибирского корпуса генерал-поручика И. И. Шпрингера [7, с. 41].

Итогом крупномасштабной модернизации Сибирских укреплений стали мощные долговременные оборонительные сооружения, которые на столетие вперёд обеспечили российское присутствие в регионе и дальнейшее продвижение влияния России к государствам Средней Азии. Одной из таких внушительных крепостей после модернизации стала уже полностью «европейская» Ямышевская крепость [5, оп. 23, д. 972, л. 103]. План этого сооружения (рисунок 3) датирован 29 сентября 1780 года и подписан инженер-квартирмейстером Яковом Шертинским.

Библиографический список

- 1 Ласковский Ф. Ф. *Материалы для истории инженерного искусства в России* / Ф. Ф. Ласковский. – Санкт-Петербург, 1858–1865. – Ч. III.
- 2 Ласковский Ф. Ф. *Материалы для истории инженерного искусства в России* / Ф. Ф. Ласковский. – Санкт-Петербург : типография Императорской Академии наук, 1866. – Ч. III. *Карты, планы и чертежи к III части.* – 74 л. илл., карт. 34x46 см.
- 3 Муратова С. Р. *Географическое описание Иртышской линии* / С. Р. Муратова // *Вестник Томского государственного университета.* – 2013. – № 373. – С. 108–114.
- 4 Носов К. С. *Русские крепости конца XV–XVII в.* / К. С. Носов. – Санкт-Петербург : Факультет филоло-

Рисунок 3 – План Ямышевской крепости. 29 сентября 1780 года [РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп. 23. Д. 972. Л. 103]

- гии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. – 248 с.; ил.
- 5 Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 3Л. – Главное инженерное управление.
 - 6 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 349. – Главное военно-техническое управление (ГВТУ) (1862–1918) и подведомственные ему учреждения (1847–1919).
 - 7 Смагин Р. Ю. «Новый» картографический источник о малоизвестном проекте перестройки сибирских пограничных линий в 1760-е гг / Р. Ю. Смагин // Вопросы истории естествознания и техники. – 2014. – Т. 35. № 3. – С. 34–43.
 - 8 Шемелина Д. С. Применение планировочной модели Вобана в проектах крепостей Иртышской оборонительной линии 1765 года / Д. С. Шемелина // Баландинские чтения. – 2017. – Т. 12. № 1. – С. 50–54.
 9. Шемелина, Д. С. Реконструкция линейных крепостей 1765 г.: Переход к европейской фортификации на сибирских рубежах / Д. С. Шемелина // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования Российской академии архитектуры и строительных наук по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2018 году : сборник научных трудов РААСН / Российская академия архитектуры и строительных наук. – Москва : Издательство АСВ, 2019. – Т. 1. – С. 185–197.
 - 10 Юферова Н. С. Причины образования и этапы заселения Иртышского десятиверстного пространства (XVIII в. – первая половина XIX в.) / Н. С. Юферова // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2(94). – С. 159–163.

СПИСОК АВТОРОВ

Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия)

Беляков Андрей Васильевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва, Россия)

Васьков Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры «История России», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

Исхаков Дамир Мавляевевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск, Россия); главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (г. Казань, Россия)

Леонов Борис Иванович – независимый исследователь (г. Санкт-Петербург, Россия)

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института, Курганский государственный университет (г. Курган, Россия)

Миргалеев Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия)

Рева Роман Юрьевич – эксперт Министерства Культуры РФ по категории «Нумизматические материалы Востока (III в. до н. э. – XX в. н. э.)» (г. Новосибирск, Россия)

Рябинина Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (г. Курган, Россия)

Сабитов Жаксылык Муратович – Ph.D. (полит. науки), директор Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения, Нижневартковский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия)

Стромов Павел Анатольевич – заместитель директора по учебно-воспитательной работе, ГБПОУ «Челябинский профессиональный колледж» (г. Челябинск, Россия)

Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия)

Темиргалиев Радик Джексенбаевич – научный сотрудник, Международный университет Астана (г. Астана, Казахстан)

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Омск, Россия)

Третьяков Евгений Алексеевич – младший научный сотрудник Лаборатории археологии и этнографии, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия)

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск, Россия)

Шушарина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и литература», Курганский государственный университет (г. Курган, Россия)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Маслюженко Д. Н., Рябина Е. А., Шушарина И. А.

ДИНАСТИЯ ИШИМСКИХ ХАНОВ В «ЛЕТОПИСИ СИБИРСКОЙ» ТОБОЛЬСКОГО ЯМЩИКА И. Л. ЧЕРЕПАНОВА 1760 Г.: ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА И НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ 3

Миргалеев И. М.

СВЕДЕНИЯ О ЧИНГИЗИДАХ В КАЗАНСКОМ «ОГУЗ-НАМЕ»..... 11

Сабитов Ж. М.

АНАЛИЗ ГЕНЕАЛОГИЙ ДЖУЧИДОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ДВУХ СПИСКОВ

«ТАВАРИХ-И ГУЗИДА-ЙИ НУСРАТ-НАМЕ» 15

Солодкин Я. Г.

«ПРИИДЕ ЖЕ СТЕПЬЮ ИС КАЗАЧЬИ ОРДЫ ЦАРЬ КУЧЮМ М[У]РТАЗЕЕВ СЫН ...»

(ОБ ИСТОЧНИКЕ И СТЕПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ ОДНОГО ИЗВЕСТИЯ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ

ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)..... 18

НУМИЗМАТИКА И АРХЕОЛОГИЯ

Рева Р. Ю., Леонов Б. И.

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ ХОРЕЗМА ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ КУНГРАТСКИХ ЭМИРОВ

(762–781 гг.х. / 1361 – 1379 гг.).....22

Татауров С. Ф.

ТЮРКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В X-XV ВЕКАХ – АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР32

Тихонов С. С., Татауров С. Ф.

КОВШИ С ПРОТОМОЙ ДРАКОНА ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ.....35

Третьяков Е. А.

СРЕДНЕЕ И НИЖНЕЕ ПРИТОБОЛЬЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ II ТЫС. Н. Э.

(К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ И ИСТОЧНИКА)40

ТЮМЕНСКОЕ И СИБИРСКОЕ ХАНСТВА И ИХ СОСЕДИ

Аксанов А. В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ КРЫМА,

МОСКВЫ, ТЮМЕНИ И МАНГЫТСКОГО ЮРТА НА РУБЕЖЕ XV–XVI ВЕКОВ.44

Исхаков Д. М., Тычинских З. А.

ПОЯВИЛСЯ ЛИ КАДЫР-АЛИ БЕК ДЖАЛАИРИ В СИБИРСКОМ ХАНСТВЕ ИЗ СРЕДЫ КАЗАХОВ?48

Темиргалиев Р. Д.

К ПРЕДЫСТОРИИ КАЗАХСКОГО РОДОПЛЕМЕННОГО СОЮЗА ЖЕТЫРУ53

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Беляков А. В.

ПОТОМКИ И СВОЙСТВЕННИКИ БОЛЬШОГО СИБИРСКОГО КАРАЧИ В РОССИИ КОНЦА

XVI–XVII В.: К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ЭЛИТЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI В.60

Васьков Д. А.

КУЧУМОВИЧИ И БАШКИРЫ В XVII ВЕКЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ?67

Васьков Д. А.

ЯСАЧНЫЕ КАЛМЫКИ ТАРСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.: ПРОБЛЕМА

ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.....77

Стромов П. А.

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ В УРАЛО-ИРТЫШСКОМ

МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVIII В.82

Научное издание

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Материалы V Всероссийской (национальной)
научной конференции

Курган – Челябинск, 12–14 октября 2023 года

Редактор Н. М. Быкова

Подписано в печать 05.10.2023
Печать цифровая
Заказ 47

Формат 60x84 1/8
Усл. печ. л. 11,00
Тираж 100

Бумага 80 г/м²
Уч.-изд. л. 11,00

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.